

АРКАИМСКИЙ МИР: взгляд в прошлое

2019

Министерство культуры
Челябинской области

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ЗАПОВЕДНИК «АРКАИМ»

Аркаимский мир: взгляд в прошлое

*Сборник статей
к 25-летию Заповедника «Аркаим»*

Челябинск
2019

УДК 902/904(470.55)
ББК 63.4(2)
А 82

Редакционная коллегия: И.А. Валиахметов (ответственный редактор),
М.Р. Макурова, Ф.Н. Петров (научный редактор)

Авторы фотографий: Н.Б. Виноградов, В.А. Гашек, Г.Б. Зданович,
Д.Г. Зданович, Е.Ю. Зибинская, А.М. Кисленко, Е.В. Куприянова, А.В. Логвин,
Ю.С. Макуров, А.Л. Плаксина, Н.С. Петров, Ф.Н. Петров, А.В. Рябицев,
А.Д. Таиров, С.С. Хохолков, Е.А. Чибилев, С.В. Шарапова, И.В. Шевнина,
О.Ю. Шохина.

Аркаимский мир: взгляд в прошлое

А82 Сборник статей к 25-летию Заповедника «Аркаим» / отв. ред.
И.А. Валиахметов, науч. ред. Ф.Н. Петров; Челябинский
государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». –
Челябинск: Фонд «Наследие», 2019. – 132 с., 18 л. илл.

Сборник статей посвящен результатам изучения культуры зауральской «Страны городов» эпохи бронзы, вопросам сохранения археологических памятников и вмещающих исторических ландшафтов, а также популяризации их исследований. Направлен на распространение информации о новых исследованиях, выполненных научными коллективами Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» и других учреждений и специалистами, занимающимися изучением синташтинской археологической культуры, природы Аркаимской долины и кластерных территорий Заповедника «Аркаим». Книга предназначена для специалистов по археологии, ландшафтоведению, геологии, музеефикации и охране объектов культурного наследия, а также студентов, краеведов и широкого круга лиц, интересующихся древней историей Южного Урала.

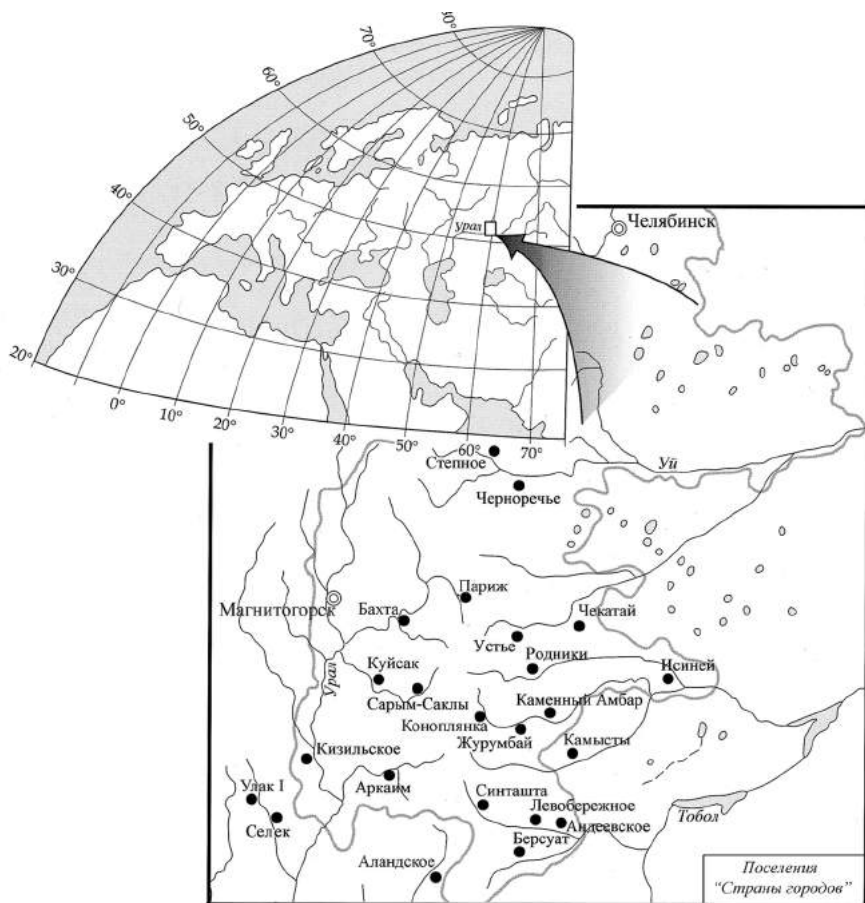
Выпуск сборника приурочен к проведению всероссийской акции «Ночь музеев» в Заповеднике «Аркаим» 18 мая 2019 года и осуществлен за счет субсидии Министерства культуры Челябинской области.

ISBN-978-5-9907798-5-3

© Авторы статей, 2019
© Заповедник «Аркаим», 2019

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ	5
Зданович Д.Г. Аркаимский мир: введение	5
Семьян И.А., Семьян М.В. Военное дело бронзового века	13
Куприянова Е.В. Религия древнего Аркаима: факты и мифы	25
Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Синташта 2016-2019: возвращение к легенде	53
Петров Ф.Н. Что мы узнали о «Стране городов» за последние 10 лет?	64
ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ	89
Макуров Ю.С., Плаксина А.Л. Охрана памятников археологии в Заповеднике «Аркаим»	89
Кисленко А.М., Демешко М.И. Как строили жилище в каменном веке	98
Шохин А.Л. Заметки о геологии: Аркаимская долина и ее окрестности	109
Плаксина А.Л. Перспективы создания экологической тропы в Заповеднике «Аркаим»	115
25 ЛЕТ ЗАПОВЕДНИКУ «АРКАИМ»	121
Петров Ф.Н. Заповедник «Аркаим»: четвертьвековой юбилей	121
Сведения об авторах	130
Список сокращений.....	131

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.Г. Зданович

Аркаимский мир: введение

АРКАИМ: 4 ТЫСЯЧИ + 30 ЛЕТ

Совсем недавно был отмечен 30-летний юбилей открытия уникального памятника древности, названного нами «Аркаим». Это событие дало важный стимул к обнаружению огромного, ранее неизвестного культурного мира степей эпохи развитой бронзы. Обратимся, однако, к самому моменту открытия – к 1987 году.

Во-первых, справедливо подчеркивается, что Аркаим был не первым открытым памятником этого типа. Действительно, до Аркаима были проведены археологические раскопки знаменитой Синташты (поселение и погребальные комплексы). Это произошло еще в первой половине 70-х и в середине 80-х годов прошлого века. Кроме того, экспедицией Челябинского педагогического института были начаты раскопки укрепленного поселения Устье 1. Памятники той же эпохи – поселения с укреплениями и курганы с колесницами – также были открыты в Северном Казахстане, ведущие авторы этих открытий – В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович и Н.Б. Виноградов.

Однако в тот – «доаркаимский» – период в археологической науке не нашлось возможностей для обобщения этих уникальных материалов, для возведения их к единому целому. В археологии это целое обычно называется «археологической культурой» (АК). АК в сущности не более чем совокупность древних материальных остатков и признаков, связанных общностью пространства и времени (А. Кларк). Это понятие и меньше, и больше того содержания, которое мы обычно вкладываем в понятие «культура».

Можно привести и такое определение, в чем-то близкое современному археологическому мышлению: культура – это «верования, нормы, институты, а также *традиционный способ делать вещи*» (Стефан Зеттерхолм).

Для такой глубокой древности, как древность Аркаима, как правило, не существует слов и имен. Археологические культуры мы называем, исходя из современных географических названий.

Термин «синташтинская культура» впервые предложил отнюдь не уральский археолог, а специалист из Индии Б. Лал в 1979 году. Его вариант наименования был «Синташтинская культура погребений» (поскольку такая важнейшая черта данной культуры, как укрепленные поселения, еще не была известна).

Сегодня наряду с термином «синташтинская культура» иногда говорят о памятниках «типа Синташта – Аркаим».

Во-вторых, мы часто подчеркиваем, что Аркаим был открыт «случайно». И это действительно так. В долине реки Большая Караганка в связи со строительством очередной мелиоративно-оросительной системы намечались вполне обычные, стандартные раскопочные работы. При этом вышло так, что выехавший на эти работы отряд тогдашней Урало-Казахстанской археологической экспедиции (УКАЭ) разбил свой лагерь, поставил палатки на окраине протогорода Аркаим эпохи бронзы.

Однако вспомним высказывание Анатоля Франса: «Случай – это всего лишь псевдоним Бога; ситуация, когда Он не захотел подписаться своим собственным именем». Сегодня мы ясно понимаем, насколько важно, что Аркаим был обнаружен именно в 1987 году. Это было сложное переломное время, во многом время созидания и творчества, дел и идей. Именно тогда, не раньше и не позже, была возможность поставить многовековые историко-культурные ценности выше преходящих экономических выгод. И эта задача была реализована: Аркаим не стал «рукотворной Атлантидой», а впоследствии на его базе был создан заповедник.

АРКАИМСКИЙ МИР: СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЯ

В ходе исследовательских работ последних десятилетий был выявлен уникальный пласт древней истории и культуры, который мы условно назовем термином «Аркаимский мир». Он включает в себя ряд культур и групп памятников и протянулся от лесостепного Притоболья и глубин Казахстана на востоке и, по крайней мере, до Среднего Поволжья и бассейна Дона на западе.

Представляется, что Аркаимский мир – часть истории «классического» Древнего мира. В свое время замечательный археолог Л.Я. Крижевская сказала, что Аркаим – это «самый северный форпост ближневосточной цивилизации». Сегодня представления о Степи как о своего рода «внутреннем культурном море» древних цивилизаций, об их влиянии на степные культуры и о степных культурах как посредниках между цивилизационными началами регионов Евразии становятся все более заметным и актуальным трендом.

Средоточием этого мира, его наиболее ярким феноменом является «Страна городов» эпохи бронзы Южного Зауралья. Она занимает компактное и емкое пространство. «Страна...» протянулась вдоль склонов Урала примерно на 350 км с севера на юг и на 200 км с востока на запад. Это территория, в основном расположенная вдоль восточных склонов Уральских гор, на равнинно-всхолмленном степном ландшафте (Зауральский пенеппен). Ландшафты пенеппена оформились вследствие процессов выравнивания древнего Уральского горного сооружения.

Чем была привлекательна территория Зауральского пенеппена в эпоху бронзы? Безусловно, разнообразием своих природных ландшафтов

(степные участки, пойменные леса, реликтовые боры) и биотопов. Также достаточным обилием древесины, необходимой как для строительных нужд, так и для металлургического производства. Это еще и достаточно развитая речная сеть, представленная притоками Урала и Тобола. «Страна городов», в сущности, «построена на воде». Зарождаясь в древних родниках Зауральского пенеблена, реки несут свои воды и в Каспий, и в Северный Ледовитый океан. Иногда эти разнонаправленные истоки разделены считанными километрами, если не меньше.

А что такое реки в древности? Это не просто источники воды, но и основные маршруты миграций – людей, вещей и идей. Наконец, еще одна причина привлекательности пенеблена для древних культур – это сравнительная доступность рудопоявлений – источников металла, медьсодержащего сырья – в условиях древней разрушенной горной страны.

Сейчас, помимо пространственных характеристик Аркаимского мира, проведены работы и по уточнению времени его существования. Мы можем считать, что Аркаимский мир образуется где-то в самом конце III тыс. до н. э. и существует до середины XVIII в. до н. э.

Что является определяющим в структуре Аркаимского мира? Вероятно, это, прежде всего, три явления, а именно:

- 1) зодчество укрепленных поселений с их особым образом бытия;
- 2) особый тип экономики, впервые сформировавшийся на данном пространстве;
- 3) колесничный комплекс.

И четвертое – на чем базируются перечисленные особенности Аркаимского мира – это, безусловно, уникальный человеческий субстрат, очень своеобразный с точки зрения физической антропологии, биоантропологии (образа и стиля жизни), происхождения «аркаимцев», форм их социального, религиозного и иного бытия.

АРКАИМ – ЗОДЧЕСТВО УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Вернемся к понятию «Страна городов» Южного Зауралья эпохи бронзы. Безусловно, это во многом метафорическое понятие, но за ним стоит конкретная и предметная историческая реальность. Это не просто и не только сконцентрированное пространство (то есть «страна»), но и некий общий способ существования, основанный на бытии в зоне укрепленных поселений, объединяющий носителей нескольких археологических культур. То есть нельзя сказать, что укрепленные поселения в Зауралье в это время создавали только «аркаимцы».

Нет, здесь сформировалась намного более глубокая и устойчивая традиция. Это и петровская культура, и срубно-алакульская – не отмеченная в других зонах созданием чего-то типа «крепостей» – только в «Стране городов».

В последующие эпохи развалины поселков «Страны...» постоянно притягивали к себе людей. При них возникали и могильники (особенно!), и новые поселки. Вероятно, на основе осмысления этих древних руин возникали какие-то легенды и мифы о Золотом веке Степей эпохи Гигантов.

Ведущая особенность «Страны городов» на фоне культур эпохи бронзы Степной Евразии – это «урбанизированное пространство». Понятие «урбанизация» шире, чем «градообразование». Сейчас, например, есть понятие «урбанизация сельской местности». Оно не предполагает, что села превращаются в собственно города, но имеет место большая концентрация населения в определенных пунктах, повышение уровня комфортности обитания, рост степени обмена информацией и идеями. В целом эпоха развитой бронзы – это преобразование пространства до уровня исчезновения «пустых» мест в рамках обживаемой территории.

Этот подход, вероятно, является продуктивным и для понимания образа жизни в «Стране городов». «Страна городов» – это целостный социум со своим образом жизни, но и со своими внутренними различиями. Внутреннюю жизнь «Страны...» необходимо моделировать по принципу дополнительности и мозаики. Сейчас в «Стране» известно более двадцати укрепленных поселений. К ним также применяются термины протогород, квазигород, городище, поселения протогородского типа, фортифицированные центры, «крепость» и другие.

Укрепленные поселения – это каркасно-грунтовая архитектура. Двойной каркас укреплений и жилищ выполнен из дерева, имеет то или иное грунтовое заполнение. Обычно это блоки – гумусные, грунтовые и даже лепные, а бывает, что и обожженные («кирпичи»).

Чтобы «видеть» остатки таких древних сооружений на местности, нужно воображение: «если у них когда-то и был здесь город, то он должен был быть построен из того же, из чего сделаны леса и луга, и теперь совершенно исчез, растворившись в них» (Урсула Ле Гуин). Лишь на некоторых поселениях (Аландское, Каменный Амбар) оборонительные стены укреплены каменными плитами.

Каждое поселение имело свой индивидуальный план, свои архитектурные особенности и строительные техники. Уже это говорит о невозможности простого привнесения поселенческих традиций на южноуральскую местность, но, безусловно, – о самобытном развитии этой идеи в регионе. При всей своей индивидуальности в планировке поселений, выделяется две тенденции.

1) Поселения округлой формы со свободным центральным пространством («площадь», в индоиранском Кафиристане она использовалась для ритуальных танцев). Отличительная особенность – жилища ориентированы торцами к стене, торцы жилищ, выстроенные

отдельно, образуют, однако, единое целое с оборонительной конструкцией. Такие поселения могут иметь две-три линии укреплений: стен и рвов.

В этом типе зафиксированы поселения правильной круглой формы (Аркаим, Синташта, Сарым-Саклы). В основе такой планировки, скорее всего, лежит идея «священного города – Центра Мира» (Мирча Элиаде) с наличием в центре каждого из них Оси Мироздания. У. Ле Гуин «насаживает» на эту Ось две разнонаправленные ветви спирали – символ, актуальный для эпохи бронзы Степей и здесь вполне понятный.

2) Поселения, тяготеющие к внешней прямоугольной форме. Здесь нет выраженного центра. Сплошная застройка внутри оборонительных стен тяготеет к поквартальной застройке. Это более модернистская (даже для эпохи бронзы) идеология и практика «пассажа» (Луи Арагон).

Своего рода противопоставление «кругов» и «квадратов» характерно для индоевропейских культур (Л.А. Лелеков). При этом укрепленные поселения округлого типа в «Стране городов», по-видимому, более древние. Они имеют свои истоки в традициях Древнего мира. В сущности, в их основе лежит так называемая «анатолийская поселенческая схема» (термин М. Корфманна). Она представляет собой стереотип округлых поселений со свободной площадью в центре, окруженной хозяйственными постройками, а далее кольцом радиально ориентированных жилых сооружений, примыкающих к оборонительной системе или крутым склонам холма.

Где лежат начала «анатолийской» схемы? Географически это Анатолия (в принципе, современная Турция). Первые образцы (или намеки на них) мы обнаруживаем еще в период докерамического неолита – исключительно в культовой сфере (Гёбекли-тепе, 10 тыс. лет до н. э.). Собственно поселения, сделанные по этой схеме, возникают не позднее начала V тыс. до н.э. (Демирчиюк – полная копия внутреннего круга Аркаима). На рубеже эпохи ранней бронзы «анатолийская схема» превращается в господствующую как в самой Анатолии, так и в соседних областях – Эгеида, Балканы, возможно, Левант. В основе древнейших фаз знаменитой Трои также лежит «анатолийская схема». Конкретные связи с Южным Уралом не прослежены, и, безусловно, здесь можно видеть проявление архетипических основ образного мышления культур. С другой стороны, не стоит отрицать идею Аркаимского мира как части всеобщего Древнего мира Старого Света. При этом в основе – глубокие, исторически сложившиеся традиции степных культур, связанные с освоением лошади, собственной металлообработкой и др.

ЭКОНОМИКА АРКАИМА

Перед нами, безусловно, экономическая система производящего типа. Она имела оседлую скотоводческую основу (придомно-отгонный тип животноводства) при высоком уровне развития ремесел. Последнее обусловило собой существование богатого вещного мира.

Разводили коров и лошадей, мелкий рогатый скот. Были собаки (как кажется, двух пород, их мясо не употребляли в бытовую пищу, но, возможно, употребляли ритуально). Наличие домашней свиньи остается под вопросом. Определённую роль в рационе играла охота и рыбная ловля. Вероятно, разнообразие в рацион вносило собирательство.

Наличие земледелия пока археологически не фиксируется, несмотря на то, что было проведено много работ по поиску пыльцы культурных растений. Однако внутри керамических сосудов, в составе остатков пищи, мы обнаруживаем зерна злаков (в частности, ячменя). В литературе есть понятие «точечное земледелие» (почвоведы В.А. Демкин и Л.Н. Плеханова), и оно могло не оставить значимых следов в ландшафте и почвах эпохи бронзы, либо продукция земледелия импортировалась. В любом случае земледелие не могло играть значительной роли в жизнеобеспечении синташтинских популяций.

Огромную роль в жизни играли горное дело и металлургия. Огромную – даже не по их роли в экономике, но по тому значению, какую придавала им сама культура. Без сомнения, металлургия была знаковой, сильно сакрализованной сферой деятельности. Интересно, что атрибутами этой, как бы «мужской», сферы деятельности иногда снабжены и женские погребения.

КОЛЕСНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

В Южном Зауралье и Казахстане впервые в археологии Евразии в погребальных сооружениях обнаружены остатки колесниц и жертвенных лошадей с предметами конской сбруи. Известны остатки около трех десятков колесниц из 13 могильников синташтинской и петровской, реже – алакульской культур. Обычно мы видим фрагменты колес на оси, вкопанные в землю по ступицы. Все остатки колесниц в погребениях отличаются стандартными размерами: диаметры колес 80-90 см, иногда до 100 см; ширина хода колесницы 1,1-1,4 м. Можно предположить, что синташтинские колесницы, как и греко-микенские, были разборными и состояли из двух частей – кузова и ходовой части.

Эти археологические находки в последние десятилетия активно обсуждаются в науке. Рассматривается вопрос о хронологическом приоритете степных колесниц относительно переднеазиатских образцов. Часто приоритет отдается первым, хотя, возможно, это открытие было сделано на границе двух культурных «миров». Что такое колесница для той эпохи? Назначение синташтинских колесниц – военное и празднично-представительское (включая погребальный обряд, который в Древнем мире, суть, тоже «праздник»). Но главное – это совсем иное восприятие пространства, некая революция, преобразующая пространство/время. С появлением колесниц можно связывать феномен своего рода «протоглобализации» в культурах Евразии.

В состав синташтинского колесничного комплекса также входят псалии (предметы конской упряжи), парные захоронения лошадей и луки со стрелами как неперенное оружие воина-колесничего.

АРКАИМ – ЛЮДИ И ОБЩЕСТВО

По своим количественным параметрам – численности населения каждого из укрепленных поселений (предположим, 2-2,5 тыс. чел.) и размеру освоенной территории радиусом 20-30 км – синташтинские коллективы относятся к так называемым «среднемасштабным» обществам. В целом на территории «Страны...» могло единовременно обитать порядка 50 тысяч человек.

Антропологи фиксируют пеструю картину синташтинской популяции, которая состояла из нескольких антропологических типов: вариантов «степных» европеоидов, частично южного европеоидного компонента, также существуют находки черепов метисного европеоидно-уралоидного антропологического облика. Большинство исследователей сходится во мнении, что первоначальным импульсом для формирования памятников типа Синташта – Аркаим стала миграция индоиранских скотоводческих племен из Восточной Европы и Причерноморских степей, а также из Предкавказья. Как вариант исходной зоны миграции также рассматривается Ближний Восток. По мнению некоторых специалистов в области палеогенетики, у «синташтинцев» представлены азиатские гены.

В целом отмечается достаточно высокий уровень здоровья населения, но не во всех популяциях и не всеми антропологами. Есть признаки тяжелых заболеваний (менингит) и физиологических (вероятно, пищевых) стрессов. Анализ антропологических останков позволяет говорить о том, что основой питания были молочные, в меньшей степени – мясные продукты.

Наличие колесниц и множественного военного инвентаря говорит как будто бы о высокой степени милитаризации общества. При этом в захоронениях в пределах «Страны городов» не обнаружены останки людей со следами боевых травм (однако они присутствуют в западной части Аркаимского мира – в Поволжье).

Фортифицированные центры типа Синташта – Аркаим, несмотря на их сложную пространственную структуру (цитадель, внешний круг жилищ), не обнаруживают признаков социальной стратификации обитавшего в них населения или имущественного расслоения. Община – основная категория и основная ячейка синташтинского общества. При этом очевидно, что в жизни таких общин огромную роль играли некие «устроители», «социальные архитекторы».

Вспоминается реконструируемая исследователями фигура индоевропейского «царя» (rex) как того, кто в первую очередь сакрально «устанавливает правила», «вводит нормы», не обращаясь к принуждению

(Вяч. Вс. Иванов). С другой стороны, это может быть и ближневосточная идея «царя как двигателя», организующего работу огромных «общественных машин» (Л. Мэмфорд). А работа была: так, на Аркаиме – три с половиной километра искусственно спрямленных речных русел, каналов, водоотводных рвов (данные Г.Б. Здановича), не говоря уже о трудовых затратах на создание самого поселения.

Отдельная и очень сложная тема – идеи населения Аркаима, мировоззренческие и религиозные основы Аркаимского мира. Здесь, к сожалению, очень многое осталось неопределенным. Наши археологические материалы, вероятно, подкрепляют ту научную идею, что ранние индоевропейцы не были сторонниками сооружения искусственных храмов для своих богов. Роль святилищ играли выдающиеся природные объекты – вершины гор, камни, рощи, родники или модели таких объектов. Например, возможно, это недавно выявленный объект «Чека – Большой Родник», где высоко над природным родником была искусственно воздвигнута крупная каменная глыба с ритуально используемыми чашами.

Сложным характером отличался погребальный культ. Этот культ, наряду с сооружениями типа индоиранского Вара (Аркаим и др.), позволяет сблизить, на уровне гипотезы, религиозные представления «аркаимцев» и этнографически известного населения Гиндукуша – представителей так называемой третьей ветви индоиранской языковой семьи.

Наконец, важнейший вопрос: каковы исторические судьбы населения «Страны городов», в чем причины ее коллапса? Скорее всего, основная причина – это экология. Наши степи оказались малопригодными для существования достаточно больших групп людей с их скотом в пределах узких замкнутых пространств. Основная миграционная волна шла на Запад – в обход с юга отрогов Урала. Ее следы хорошо видны в Среднем Поволжье. Некоторые исследователи полагают, что данная «волна» достигла даже Балкан. Миграция «ариев» в Индию была еще впереди.

ЗАВЕРШЕНИЕ

В любом случае Аркаим и «Страна городов» – важная веха в истории древних степей. С этим культурным пластом связано глубокое проникновение «дыхания» древних городских цивилизаций в Степь, заложен импульс формирования единой Степной Ойкумены.

Сейчас Аркаим принадлежит к числу тех открытий, с которыми связано больше загадок, чем ответов. И это хорошо – это, безусловно, проблема целых поколений новых исследователей. Наша задача – в целостности передать им наследие Аркаимского мира.

И.А. Семьян

М.В. Семьян

Военное дело бронзового века

Военное дело населения Южного Урала в бронзовом веке отражает общемировые тенденции технической революции и дальнейшей смены социальных и экономических условий жизни. Появились новые ремесла и технологии, производительность труда выросла. Люди начали жить большими группами, а для выживания требовалась чёткая организация. Социум накапливал и хранил ресурсы, которые нуждались в охране и принципе распределения, возникали развитые торговые отношения. Для создания аппарата принуждения, а также защиты ресурсов и интересов общества требовались подготовленные и хорошо экипированные воины. Отныне земли с их богатствами, пастбища, скот, металл, а также другие ценные ресурсы стали полем для вооруженных споров и жесткой конкуренции.

ПОГРЕБЕНИЯ

Самым информативным источником для археолога являются материалы погребений. Вещи, в том числе связанные с военной сферой жизни, помещались в погребения намеренно, это обеспечивало им лучшую сохранность; погребальный обряд отображал мировоззрение общества. При изучении памятника археолог старается выявить образцы специализированного вооружения или целый комплекс военных атрибутов, узнать технологию изготовления этих предметов, а также проследить связь находок с полом и возрастом погребенного, понять его положение в обществе.

Принципиально важна и сама конструкция погребального сооружения, так как трудозатраты отражали статус умершего, будь то великие пирамиды Гизы или степные курганы Южного Урала. К сожалению, погребальные памятники часто бывают разграблены еще в древности либо сильно повреждены деятельностью человека в наши дни.

Важнейшим источником информации о войне для археологии являются повреждения на костях. Погребения различных культур эпохи бронзы демонстрируют нам изменение характера боевого травматизма. На смену следам от неолитического охотничьего вооружения приходят тяжёлые формы повреждений костей от специализированного оружия: боевых топоров, копий, мечей (Guilaine, 2004).

Уникальным погребальным памятником, отражающим последствия древнего сражения, является Пепкинский курган абашевской культуры в Поволжье. В кургане с насыпью овальной формы в яме на глубине 70 см было вскрыто коллективное захоронение, где находилось 27 мужских скелетов, лежавших на спине с подогнутыми ногами. У 11 костяков черепа

отсутствовали, а у семи костяков – отрублены и помещены около верхней половины костяка. Об одновременном захоронении свидетельствуют общая для всех яма, инвентарь, примерно одинаковый возраст мужчин (20-25 лет). Почти на каждом костяке обнаружены следы смертельных ран.

Характер повреждений позволяет сделать некоторые выводы об обстоятельствах смерти мужчин. В районе грудной клетки в 13 костяках обнаружены наконечники стрел. Основные следы оружия ближнего боя расположены в районе висков, темени, затылка. Наиболее вероятным сценарием авторы памятника считают засаду на молодых воинов либо внезапное нападение, заставшее их врасплох. Отсутствие у большинства погребенных голов, вероятно, ставших трофеями, также свидетельствует о поражении группы.

Погребальные материалы бронзового века Южного Урала не демонстрируют яркого травматизма, однако примеры существуют. В могильниках ямной культуры оренбургского Приуралья исследователями были обнаружены рубленные миндалевидные повреждения черепа, некоторые из которых предположительно оставлены топором (Кузнецов, Хохлов, 1998). Однако невооружённый конфликт также может оставлять в погребальных материалах существенный травматизм.

В могильной яме №40 Бестамакского могильника (Северный Казахстан) было найдено богатое погребение мужчины, костяк которого имел множество переломов (Калиева, Логвин, 2008). Анализ травм погребенного позволил сделать вывод о том, что он с большой долей вероятности являлся профессиональным кулачным бойцом (Семьян, 2013). Индивид имел множественные сращения переломов и компенсаторные структуры, характерные для травм полноконтактных единоборств.

В погребальном инвентаре присутствовало 20 наконечников стрел, бронзовый нож и топор типа тесло, что может указывать на принадлежность погребенного воинской субкультуре. Возможно, кулачный боец отстаивал неизвестные нам интересы своей общины или рода в организованном поединке. Травматизм подобного рода также встречается в полтавкинских и срубных памятниках Волго-Уральского региона.

ПОСЕЛЕНИЯ

Поскольку материалы поселений представлены в основном стихийными остатками жизнедеятельности человека: фрагменты архитектурных структур, утерянные и выброшенные вещи, то в отношении сохранности и качества эти артефакты чаще всего уступают погребальным.

Несмотря на это, поселенческий памятник может содержать свидетельства о военной сфере жизни: остатки производства вооружения (инструментарий, сырье, бракованные изделия, незавершенные вещи). Наличие в архитектуре поселения признаков социальной дифференциации

может косвенно указывать на существование сложных форм власти. Но самыми важными данными являются следы военных катастроф и наличие фортификационных сооружений.

В период раннего бронзового века на Южном Урале не прослеживается фортификационных сооружений. Долговременных поселений ямной культуры археологами не найдено вовсе. Источники медной руды (малахита и азурита), а также обширные пастбищные территории привлекали на Южный Урал индоевропейских мигрантов, однако во второй половине III тыс. до н. э. закрепиться здесь им не удалось.

Первым обнаруженным и, возможно, самым ранним укрепленным поселением является Малокизильское селище, исследованное в 1947-1950 гг. К.В. Сальниковым. Памятник относят к абашевской археологической культуре. Поселение уникально яркой картиной военной катастрофы. Несмотря на существовавшие укрепления в виде рва и, вероятно, ограды, поселение было уничтожено врагом. Об этом говорят следы пожара, скелеты людей и домашних животных в неестественных позах, а также значительное количество ценных находок (Епимахов, 2002). Картину сражения иллюстрирует обнаружение большого количества предметов вооружения: два бронзовых топора, каменные наконечники стрел, каменное навершие булавы. Ещё до открытия самого поселения на его площадке был найден уникальный Верхне-Кизильский клад. Древний тайник содержал 43 предмета из меди и бронзы, в том числе богатые украшения. Клад был помещен в кожаную сумку и включал предметы вооружения в виде боевого топора и копья. Очевидно, защитники поселения осознавали возможность разгрома и старались сберечь ценное имущество.

По мнению некоторых исследователей, гибель Малокизильского селища является отражением глобальных мировых процессов рубежа III и II тыс. до н. э. Стратегический ресурс в виде меди и бронзы всё меньше поступал в степной мир через кавказско-причерноморский коридор (Циркумпонтийская металлургическая провинция) (Черных, Кузьминых, 1989). Это побудило племена скотоводов осваивать новые источники сырья, что и привело к попытке закрепиться на Южном Урале и, как следствие, конкуренции за ресурсы.

Процесс освоения новых территорий активизировался в период средней бронзы (XXI-XVIII вв. до н. э.) и является причиной появления уникальной фортификационной традиции синташтинской и петровской культур Южного Урала. Возникновение традиции укрепленных поселений, одним из которых является знаменитый Аркаим, обозначает новый этап в истории восточной части евразийских степей, в котором на смену доминирующим в раннем бронзовом веке кочевым и отгонным формам скотоводства приходит придомное, при котором стада с пастухами летом уходят на ближайшие от поселения пастбища (Кузьмина, 1994).

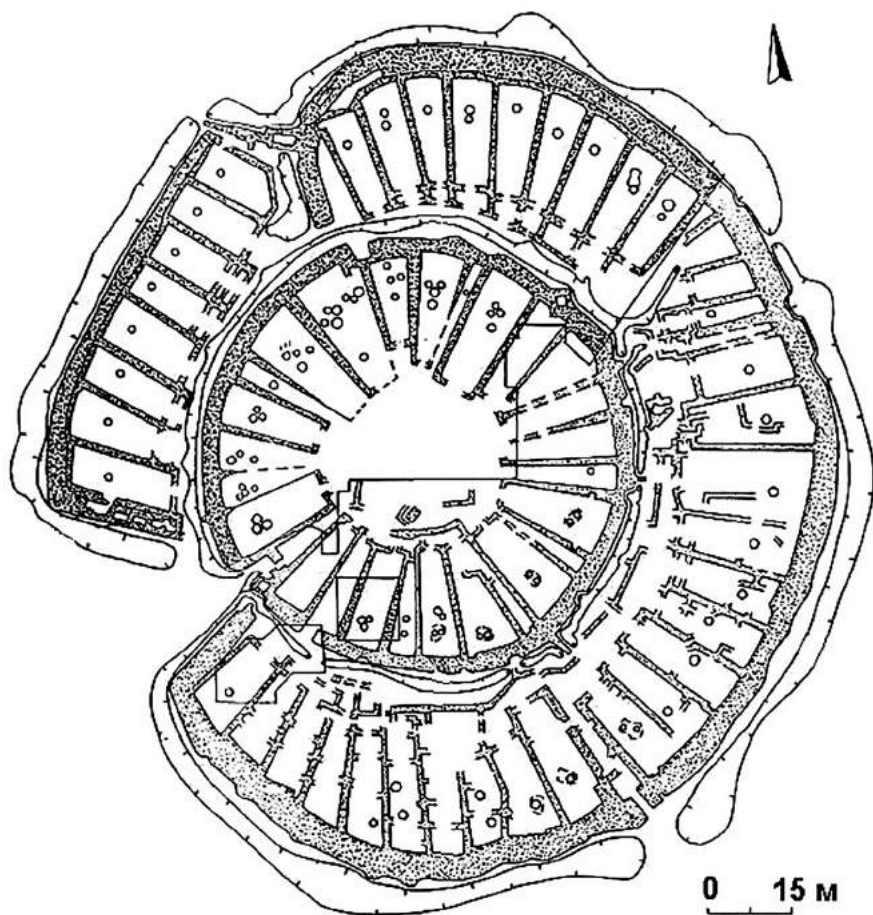

Рис. 1. Поселение Аркаим по данным раскопок и микромагнитной съемки (Зданович, Батанина, 2007. Рис. 3)

К оседлой жизни скотоводов побудила необходимость закрепить за собой определённые источники медной руды. Южный Урал становится одним из центров формирования новой Евразийской металлургической провинции (Черных, Кузьминых, 1989). В условиях концентрации населения, конкуренции и освоения территории поселения защищали запасы металла, а при необходимости и скот.

На сегодняшний день для среднего бронзового века Южного Урала известно 23 укрепленных поселения. Все они расположены на притоках Урала и Тобола (за исключением поселения Чекатай), имеют замкнутую

планировку внешней оборонительной стены и схожее устройство жилищ по отношению к системе фортификации.

Исследователи выделяют два типа планировки поселений: концентрическая (Аркаим, Аландское, Синташта и др.) (рис. 1) и линейная («подпрямоугольная») форма (Устье, Каменный Амбар, Левобережное и др.) (рис. 2).

Некоторые параметры фортификации были довольно монументальными. Ширина основания стен составляла в среднем около четырех метров, что говорит об их возможной высоте в 3-3,5 м. Обводные рвы не всегда обладали внушительными параметрами, что указывает на их дренажное назначение, однако есть и исключения. На поселении Аландское глубина рва достигала трех метров (фото 1).

Конструкции имели неоднородную традицию сооружения: в поселении Аркаим присутствует грунтово-деревянная архитектура, в поселениях Аландское и Каменный Амбар стены облицовывались камнем (фото 2), а стена укрепленного поселения Устье была из срубных конструкций на опорных столбах (фото 3).

Концентрическая планировка с двумя рядами стен, как в поселении Аркаим, не связана с оборонительной функцией и объясняется постепенным расширением жилой площади и пристройками новых секторов. В пользу данной теории говорят показатели обводных рвов, возникавших вследствие изъятия грунта для сооружения стен – их параметры на внутреннем круге существенно меньше.

Несмотря на свой внушительный облик, укрепленные поселения синташтинской культуры не содержат следов ведения войны, за исключением пожаров, не сопровождающихся другими признаками военной катастрофы. Поселения возведены без учёта оборонительных возможностей рельефа (Епимахов, Семьян, 2014). При выборе площадки для строительства прежде всего учитывалось обеспечение населения и скота водой, в то же время уровень фортификационных решений был высок и с избытком покрывал потребности социума в защите ресурсов. Монументальность укреплений могла играть и статусную роль, отображающую могущество общины.

Концентрация населения и ресурсов в узких районах постепенно вызывала серьёзные проблемы. Оседлое скотоводство в рамках урбанистического пути развития на Южном Урале оказалось не перспективно (Епимахов, 2005). Население росло, требовалось больше скота, увеличившееся поголовье производило истощение степи, которое обуславливало необходимость переноса поселений на несколько десятков километров (Кузьмина, 1996). В петровский период, наследующий синташтинскому, скотоводы начинают расселяться более широко, возводя небольшие неукрепленные посёлки, фортификационная традиция приходит в упадок и к позднему бронзовому веку исчезает вовсе.

Рис. 2. Поселение Каменный Амбар по данным раскопок и микромагнитной съемки (Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011. Рис. 2)

Отказ от фортификационных решений и уменьшение размеров поселений негативно сказались на их обороноспособности. Слабозащищенные ресурсы неизбежно провоцировали попытки грабительских набегов. Поселения алакульской культуры Южного Урала Мирный IV и Коркино I содержат следы пожаров. На Мирном IV в двух постройках в колодцах были найдены скелеты людей, также обнаружено пять костяных и два каменных наконечника стрел.

Драматические события на поселении Коркино I представлены еще более ярко. При расчистке колодца были найдены останки 4-7 человек. Костяки были расчленены. Среди костей не было черепов, что может указывать на взятие врагами трофеев. Кроме того, останки ещё 12-17 человек были рассредоточены вокруг сгоревшей постройки. Внезапная гибель поселения привела к тому, что сохранилось множество уникальных вещей, в том числе атрибутов военного дела. Исследователями было обнаружено два копья и два топора, 15 костяных и 7 бронзовых наконечников стрел, что иллюстрирует сражение (рис. 3). Автор памятника однозначно интерпретирует материалы как отражение военной катастрофы (Чемакин, 2015).

Подводя итоги обзора военного контекста поселенческой археологии, можно сказать о том, что на Южном Урале в бронзовом веке сложилась уникальная историческая модель функционирования укрепленных скотоводческих поселений, которая надежно защищала ресурсы общин на этапе освоения территории, однако закономерный отказ от концентрации населения и возведения сложных укреплений привел к случаям разграбления и уничтожения поселений.

ВООРУЖЕНИЕ

В среднем бронзовом веке на Южном Урале продолжается процесс усложнения форм военного дела. В элитных погребениях абашевской

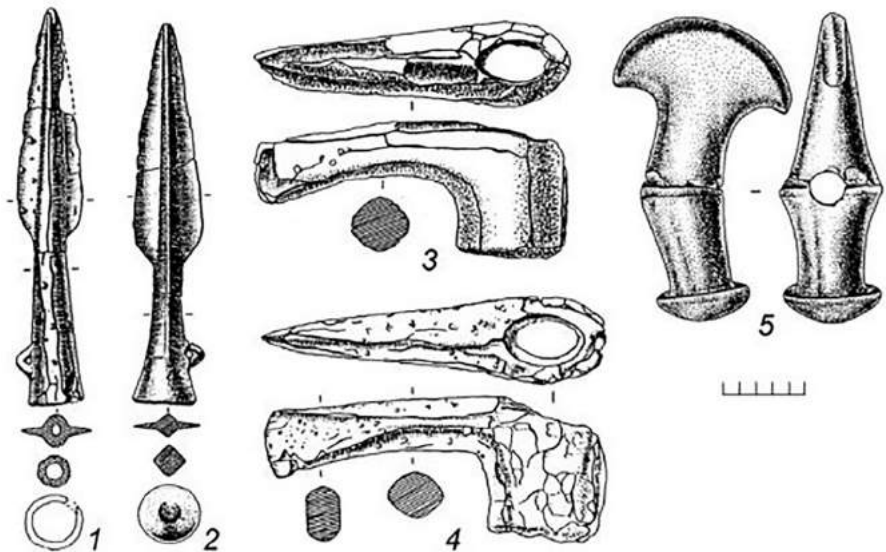

Рис. 3. Поселение Коркино I, 1-2 – наконечники копий, 3-5 – топоры (Чемакин, 2015. Рис. 4)

археологической культуры отмечается значимость лука как военного атрибута (Голотвин, Казарницкий, Мимоход и др., 2016).

Процессы усложнения военной сферы полностью отражают новые типы оружия и изменения в технологии их изготовления. На смену плотницким топорам ямной культуры приходят литые вислообушные боевые топоры с узким лезвием. Такая морфология была ориентирована на лучшую проникающую способность в бою, а не обработку дерева (Кузьмина, 2003) (фото 3).

Наконечники копий становятся технологичнее и прочнее за счёт того, что изготавливаются из литой заготовки и по технологии последующего кузнечного сведения втулки.

Пика военизированнойности население Южного Урала эпохи бронзы достигло на этапе существования синташтинской археологической культуры. Процесс интенсивного освоения территории привел к мощному культурному взрыву, изменившему характер экономики, структуру общества и создавшему потребность в разработке и изготовлении новых видов вооружения. Общество не достигло уровня государства, но перешагнуло этап примитивных автономных общин, и возник процесс формализации решений, концентрирующий власть (Епимахов, 2005).

Точка зрения о значительной роли металлургии в жизни синташтинского социума поддерживается многими исследователями, но этнографические параллели свидетельствуют, что металлурги, литейщики и кузнецы ни в одном известном обществе не являлись элитой, что вполне естественно, так как работа с металлом – это изнурительный труд. Вероятно, привилегированное сословие составляли воины-пастухи, охранявшие скот, для них и предназначалось передовое вооружение (фото 4). Независимо от того, исполняли ли воины функции управления, сохранение и передача властных полномочий, вероятно, нуждались в вооруженной защите.

Появилась и совершенно новая, революционная технология литья оловянистых бронз, пришедшая с Алтая (Черных, Кузьминых, 1989). Оловянистая бронза позволяла проливать более сложные вещи и являлась крепчайшим металлом древнего мира. Новый материал позволил отливать копья с цельной литой втулкой, которые были гораздо прочнее и имели лучший насад (фото 5) (Шевнина, Логвин, 2015). Также известны примеры литья кинжалов со сложными художественными элементами (Куприянова, Таскаев, 2018).

Традиция изготовления боевых топоров получила в синташтинской культуре большое развитие. Появились образцы оружия с узким лезвием и узким бойком-клевцом с обушной стороны (фото 6). Морфология изделий не оставляет сомнений в их военной специализации и оптимизации проникающей способности. Такие топоры являются визитной карточкой военного дела синташтинской культуры. Встречаются и крайне массивные

вислообушные варианты, идеологически стоящие ближе к абашевскому типу изделий, а также художественные, вероятно, статусно-ритуальные экземпляры (фото 7).

Несмотря на развитый комплекс металлического вооружения, основным оружием древних воинов-пастухов оставался лук, который в синташтинское время существенно эволюционировал. Исследователями были обнаружены костяные детали корпуса сложносоставного, усиленного лука (Bersenev, Epimakhov, Zdanovich, 2011). Коллекция наконечников стрел синташтинской культуры составляет более 200 экземпляров, что во много раз превосходит показатели иных культур Южного Урала в эпоху бронзы (Епимахов, Семьян, 2016). В колчанном наборе синташтинских лучников присутствовали каменные, костяные и невероятно технологичные для своего времени бронзовые наконечники стрел (в период рубежа III и II тысячелетия до н.э. бронзовые наконечники только начинают появляться на Ближнем Востоке) (фото 8). Возможно, использование бронзовых наконечников было связано с необходимостью пробивать доспех из рога лося, единичные пластины которого были найдены в одном из погребений (Епимахов, 2005). Каменные типы наконечников имели широкое разнообразие форм и размеров, наиболее сложные и массивные из них часто помещались в погребения и были очень сложны в изготовлении.

С технологической точки зрения самой важной новацией синташтинской культуры является не уникальная традиция фортификации и не развитый комплекс вооружения, а революция в области колесного транспорта. В могильнике Кривое Озеро исследователями были найдены остатки двуколки, снабженной колесами со спицами – настоящей колесницы. Колесница датируется радиоуглеродным методом XXI веком до н.э., что делает её древнейшей в мире по мнению многих исследователей (Чечушков, 2013) (фото 9). В эпонимном могильнике Синташта исследователям даже удалось четко зафиксировать положение колесных спиц. Существование колесниц на сегодняшний день документируется ямками для вкапывания колес в 17 синташтинских и 4 петровских погребениях, которые позволяют реконструировать некоторые параметры транспортного средства, а также многочисленными находками деталей конской упряжи – псалиями.

До позднего бронзового века феномена всадничества не существовало, поэтому колесница впервые позволила людям перемещаться невероятно быстро. Применение крупных колесничных формирований в военном деле на Южном Урале маловероятно, однако легкая повозка позволяла воинам-пастухам быстро перемещаться вместе со скарбом и оружием вслед за стадом. В случае схватки колесница давала воину огромные преимущества. Он перемещался быстрее любого пешего воина, в него было трудно попасть, сам же он мог нести большое количество арсенала в виде стрел и копий и стремительно поражать неприятеля. Таким образом, колесница представляла

собой мобильную боевую платформу (фото 10). В «Илиаде» Гомера есть описания колесницы как первой боевой десантной машины. Возница доставлял воина к театру боевых действий, где тот спешивался и вступал в сражение. В случае если у воина возникали проблемы в виде необходимости отступления, ранения или потери оружия, возница мог его стремительно эвакуировать.

В финальной стадии эпохи бронзы (XII-VIII вв. до н.э.) преобразования в жизни населения Южного Урала продолжались. Археологические источники демонстрируют сокращение численности населения по сравнению с предыдущей эпохой, что явилось следствием изменения климата в сторону похолодания и засух, так называемой аридизации. Изменения требовали адаптации. Анализ костных остатков выявил значительное увеличение доли лошади в составе стада (Косинцев, Варов, 1995). Данный факт объясняется тем, что лошадь способна к так называемой тебенёвке – добыче пищи из-под снежного покрова.

В целом комплекс вооружения финала эпохи бронзы Южного Урала имеет корни в предыдущей эпохе, но возникает одно принципиальное новшество – стержневидные псалии, детали упряжи, необходимые для всадничества (Нелин, 1999). Зарождается всадническая тактика боя конного лучника, характерная для последующих эпох. К тому же совершенствуются боевые кинжалы, являющиеся прообразом коротких мечей ираноязычных кочевников раннего железного века – акинаков. Появляются типы бронзовых втульчатых наконечников стрел, которые также продолжают использоваться и в раннем железном веке.

Подводя итог описанию истории военного дела населения Южного Урала в бронзовом веке, следует сказать, что перед нами ярчайшие страницы не только региональной, но и мировой военной археологии и истории. Почти двухтысячелетняя история метаморфоз культуры и технологии, удивительной способности человека к адаптации. Путь от рождения первых настоящих воинов, сквозь наибольший расцвет военной мысли эпохи к перерождению в совершенно новую военную формацию, которой уготовано стать основой жизнестойкости будущего скифо-сармато-сакского мира раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б. Укрепленное поселение Устье I среди памятников синташтинского и петровского типа // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 417-446.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Голотвин А.Н., Казарницкий А.А., Мимоход Р.А., Пряхин А.Д., Усачук А.Н. Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2016. 160 с.

Епимахов А.В. Мало-Кизильское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции. Книга 1. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. С. 133-138.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В., Семьян И.А. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. №4 (53). 2016. С. 77-84.

Епимахов А.В., Семьян И.А. Укрепленные поселения бронзового века Южного Урала: основные характеристики и функции // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 33-340.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. №9. 2008. С. 32-58.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. №4. 2011. С. 61-74.

Косинцев П.А., Варов А.И. Костные остатки из раскопок двух поселений позднего бронзового века в Южном Зауралье // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. II. М. - Магнитогорск, 1995. С. 29-34.

Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона (возможности анализа и интерпретации) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 31-37.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении бронзовых топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 92-102.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник древней истории. №2. 1996. С. 73-85.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В., Таскаев С.В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (41). 2018. С. 17-27.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Аландское – Аркаим: древнее наследие Южного Урала. Научно-популярный проспект. Оренбург, 2013. 30 с.

Нелин Д.В. Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1999. 23 с.

Семьян И.А. Воины в культуре населения Южного Урала и северного Казахстана эпохи бронзы. Погребение кулачного бойца из могильника Бестамак. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей. 2013. С. 73-79.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015. С. 169-176.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: Сейминско-турбинский феномен. М.: Наука, 1989. 320 с.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2013. 495 с.

Шевнина И.В., Логвин А.В. О реконструкции крепления бронзовых и каменных изделий к рукоятям и древкам (по материалам синташтинского кургана Халвай 3) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 39-50.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Том VII. Астана: Институт археологии, 2015. 248 с.

Bersenev A., Epimakhov A., Zdanovich D., 2011. Sintashtabow (Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia) // Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry. BAR. S. 2255. Oxford: Archaeopress. Pp. 175-186.

Guilaine J. The Origins of War: Violence in Prehistory. Wiley-Blackwell, 2004. 296 p.

Е.В. Куприянова

Религия древнего Аркаима: факты и мифы

МОЖНО ЛИ ВОССТАНОВИТЬ МИФ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОСТАТКАМ?

Одним из несомненных достижений последних лет стало активное включение ученых-историков и археологов в диалог с обществом. Если раньше популяризация науки о древних обществах заключалась в основном в написании учебников и выпуске небольшого количества научно-популярных изданий, при полном отсутствии обратной связи с адресатами этих текстов, то в последнее время в пространстве интернета, на телевидении и в печати развернулась дискуссия, уже больше напоминающая диалог. Ученые отвечают на вопросы, накопившиеся у людей, интересующихся древней историей и ее загадками, развенчивают популярные в общественном сознании псевдонаучные мифы, объясняют происхождение тех или иных гипотез. Необходимость этого продиктована, к сожалению, тем, что десятилетия постсоветского времени были ознаменованы рождением большого количества псевдоисторических и «эзотерических» концепций о дописьменном периоде истории человечества, которые создавались людьми, далекими от науки, и активно поддерживались в прессе.

Одним из главных объектов спекуляций является религия и мифология древнего человека. Как нам кажется, люди, увлеченные сомнительным истолкованием истории, делятся на два типа: одним искренне хочется верить в чудеса и принимать на веру любой вымысел, другие просто не знакомы с механизмами получения научного знания, не представляют себе границ, за которыми заканчивается наука и начинается вымысел и фантазия, поэтому и не отличают действительно научные факты от псевдоисторической ненаучной фантастики.

В этой статье мы попытаемся на примере нескольких эпизодов показать, каким образом археологи получают знания о древности, на какие вопросы археология в силах ответить, а какие можно только домысливать, в таком случае не называя их научными гипотезами. Но перед этим необходимо раскрыть некоторые механизмы археологических реконструкций, которые применяют ученые для восстановления облика древних народов и цивилизаций.

Основой научных исторических реконструкций являются источники, которые делятся на письменные, изобразительные, археологические, этнографические и так далее. Одним из главных условий достоверности реконструкции является ее подкрепление информацией из источников и правильный обоснованный подбор этих источников. Основным недостатком, подрывающим доверие к реконструкциям, которые ученые считают

псевдонаучными, является отсутствие источниковой базы (иначе говоря, теория представляет собой вымысел автора), либо некорректный подбор источников, которые не имеют никакого отношения к реконструируемой реальности.

Например, использование подложных источников типа «Русских Вед», «Велесовой книги», легенд, воспринимаемых как реальность, – Атлантида, Китеж-Град, Лемурия и пр.; материалов о неродственных народах, которые приводятся в качестве доказательств существования каких-либо явлений.

Каменный век относится к дописьменному этапу истории человечества и восстанавливается по археологическим источникам. В эпоху бронзы и раннего железа у некоторых народов уже существовала письменность, но она могла лишь частично передать картину повседневной жизни людей. Для реконструкции этих эпох мы тоже обращаемся к археологии.

Археологический источник имеет множество ограничений в информативности. В частности, в большинстве климатических зон от древности сохраняются только неорганические предметы из камня, металла, глины и пр. Огромная часть мира вещей (ткани, вышивки, деревянные, кожаные предметы, пища, лекарства и так далее) навеки утрачена. Раскапывая могилу или жилище, мы фиксируем только расположение сохранившихся остатков, остальное приходится домысливать.

Другим ограничением является трудоемкость процесса археологических раскопок в научных экспедициях, где почва снимается послойно, все артефакты и расположение культурного слоя тщательно фиксируются. За более чем двухсотлетнее существование археологии как науки в Южном Зауралье раскопками исследовано не более 5% известных археологам древних памятников.

И чем быстрее развивается наука, как ни парадоксально, тем медленнее становится процесс раскопок, поскольку с появлением все новых методов анализа необходимы более тщательная фиксация и отбор все большего количества проб и образцов. Так мы получаем больший объем информации с одного памятника, но количественно изученные памятники увеличиваются все медленнее. Грабительские раскопки черных археологов, варварски изымающих из могильников наиболее целые и красивые артефакты и разрушающих все остальное, включая информацию, которая получается путем сложных анализов на современном оборудовании, вообще убивают памятники, делая их недоступными для изучения. Таким образом, то количество информации, которое мы имеем на сегодняшний день, безусловно, позволяет выявить множество закономерностей, но не дает гарантии, что в оставшихся более чем 90% неизученных археологических объектах не скрыто каких-либо донныне неизвестных фактов.

Во-вторых, реконструкция древних обществ на основе одних лишь археологических памятников была бы неполной без применения аналогий,

известных по древним письменным и этнографическим источникам. Но необходимо понимать, что этот процесс также подчиняется определенным правилам. В XIX веке, и даже ранее, появилось представление о том, что все человеческие коллективы, проходя определенные стадии развития, похожи друг на друга. Поэтому считалось вполне правомерным сравнивать жизнь африканских «дикарей» с людьми каменного века, а культуру индейцев, северных народов Европы с обществами бронзового века.

Считалось, что всё человечество на пути к цивилизации проходит одинаковые этапы: матриархат, патриархат, родовой строй, рабовладение и пр. Следовательно, схожи у них на этих этапах и ритуалы, и религиозные воззрения. Поэтому для интерпретации материалов археологических раскопок считалось достаточным подобрать подходящие примеры из этнографии или истории и объявить, например, нескольких человек, погребенных в одной могиле, мужьями и женами или хозяином и рабами.

Сегодня таким же образом любят поступать различные «популяризаторы», для которых не составляет труда установить сходство ритуалов Вуду или австралийских аборигенов с сибирскими шаманами и аркаимскими жрецами. Археологи, как и этнографы, очень осторожно относятся к применению таких параллелей, потому что доподлинно известно, что даже самые близкородственные по языку и происхождению народы порой за небольшой промежуток времени приобретают столь значительные различия в культурном облике, что сравнивать их становится очень трудно.

В бронзовом веке, времени существования поселения Аркаим и других похожих памятников, Южное Зауралье было заселено древними племенами, принадлежащими к индоевропейской языковой семье. Это значит, что их дальние потомки впоследствии стали одним из компонентов нескольких современных индоевропейских народов, вступив в процессе развития в контакты с другими человеческими коллективами. Таким образом, поскольку племена бронзового века не являлись еще ни одним из известных народов, их мифология имела архаичный характер и содержала праиндоевропейские элементы, из которых впоследствии сформировались, пройдя значительные трансформации, многие индоевропейские верования.

Поэтому нельзя всерьез воспринимать псевдоисторические и «эзотерические» концепции, где боги древнего Аркаима ассоциируются с богами конкретных народов, известных по письменным источникам, – славян, индийцев, греков, а то и вовсе тюрков, египтян и прочих, не имевших к индоевропейской языковой семье отношения народов.

Научные реконструкции религиозных систем, конечно, не обходятся без привлечения письменных и этнографических источников, но делается это с большой осторожностью. Например, если какой-то мифологический сюжет или божество со схожими чертами присутствует у многих индоевропейских народов, то с большой долей вероятности можно говорить о том, что эта

фигура или миф относятся к древним праиндоевропейским пластам религии и существовали уже в бронзовом веке.

Еще одним ограничением реконструкции религии по археологическим источникам является то, что в ее основу кладутся материалы погребальных памятников. Поселения, конечно, тоже содержат иногда следы различных ритуалов (например, жертвенники, сделанные при постройке и в процессе использования дома, погребения людей), но поселения бронзового века представляют собой остатки руинизированных конструкций, которые люди покинули, унеся с собой все ценное. Большинство материалов поселений составляет бытовой мусор, оставленный за ненадобностью.

Существуют и специальные культовые объекты – менгиры, мегалитические сооружения, клады. Но для бронзового века число таких памятников немногочисленно, а по их характеру обычно нельзя точно сказать, с чем они связаны и какому культу посвящены.

Если говорить о могильниках, то это объекты, почти полностью являющиеся следствием исполнения религиозных обрядов. Но каждый человек, хоть немного знакомый с любой из религий, неважно, древней или современной, может представить, какая огромная ее часть не отражается в сфере смерти, к которой относятся некрополи. Конечно, отношения с миром богов и предков, полем для которого являлись кладбища, играли важную роль в жизни древнего общества, но многие культы и ритуалы ориентированы все же в сферу жизни. И в этой части научные реконструкции религии бронзового века также являются ущербными.

Далее на примере нескольких сюжетов мы постараемся показать, как археологи подходят к реконструкции религии и что известно о религиозных представлениях жителей Архаима и их современников.

ДРЕВНИЕ ЖРЕЦЫ: КТО ОНИ?

Обширная и разнообразная ритуальная практика, зафиксированная на могильниках и поселениях бронзового века Южного Зауралья, неизбежно подразумевает под собой существование людей, руководивших исполнением обрядов и ритуалов, а также обеспечивавших идеологическую сторону их отправления, медиаторов между обществом и богами – жрецов либо шаманов.

С другой стороны, при отсутствии письменных источников с трудом можно делать предположения о характере их взаимоотношений с обществом. Сходные черты в обрядах и ритуалах, фиксируемые на памятниках эпохи бронзы на обширной территории Урала и Казахстана, свидетельствуют о существовании общей религиозной системы, упорядоченных представлений о взаимоотношениях людей с миром предков, потусторонними силами.

Соответственно, такая система верований, даже достаточно архаичная, предполагает существование в социуме не отдельных индивидов, занима-

ющихся ритуальной практикой (колдунов), а жречества как социального института, с упорядоченной идеологической системой и методами обучения. Существование социального института жрецов фиксируется уже в самых ранних индоевропейских письменных источниках – Ригведе и Авесте. На их основе Ж. Дюмезилем была создана концепция трёхчастной системы индоиранского общества, состоящего из правителей, жрецов и производящего сословия, поддержанная многими историками, лингвистами, археологами (Дюмезиль, 1989).

Существование института жрецов у индоевропейских племен в эпоху бронзы не подлежит сомнению. Но на данный момент невозможно ответить, была ли эта социальная прослойка избираема из числа жителей, либо имела передающиеся по наследству функции.

Есть ли возможность научно выделить признаки погребений жрецов среди всех погребений в некрополях эпохи бронзы? В поисках жреческого сословия мы попытались изучить погребения, обладающие экстраординарными чертами. Вероятно, в эпоху бронзы существовали служители культов как мужского, так и женского пола, как это было, например, в Древней Греции, Индии, крито-микенском мире (Dickinson, 1994. Рр. 264-265).

В некрополях бронзового века на обширной территории степной Евразии выявляются единичные погребения с необычными наборами погребального инвентаря, предметы из которых археологи относят к разряду культовых, имеющих отношение к жречеству, гаданию: вотивные модели вещей, наборы камушков, игральные кости и пр. Практически в каждом могильнике выделяется одно, реже несколько погребений, содержащих подобный инвентарь. В некоторых из этих необычных погребений можно обнаружить предметы, функции которых имеют отношение к врачеванию, магическим обрядам, связанным с медициной (Dryomov, 2002. Р. 298). Погребения с необычным инвентарем характерны для лиц обоего пола.

Многие исследователи указывают на связь богатства украшений с костюмами представителей жреческого сословия. Погребения жрецов, как правило, характеризуются специфическими наборами украшений. Поэтому нам кажется, что вполне справедливо связывать захоронения бронзового века со специфическими наборами инвентаря и украшений с погребениями служителей культов. Кроме необычности инвентаря, существуют погребения, характеризующиеся иногда особым положением среди других могил, сопровождающиеся необычными формами обрядности, что дает основания интерпретировать их как погребения лиц жреческого статуса.

Проведённый нами сравнительный анализ погребальных памятников и моделей погребальной обрядности бронзового века Южного Зауралья показывает, что подавляющее большинство погребений, обладающих экстраординарными чертами, относится ко времени существования поселения Аркаим и чуть более позднему периоду (так называемые

синташтинская и петровская археологические культуры). Через два-три столетия (время алакульской археологической культуры) весь погребальный обряд бронзового века подвергся жесткой стандартизации, связанной с упрощением форм общественного устройства. Если в аркаимское время на первый план выдвинулись отношения между социальными группами, то позднее первостепенное значение стали играть родовые и семейные связи. Это, конечно, не означает, что из общества исчезла религия, но, возможно, погребения жрецов и лиц особого статуса производились не на общих некрополях, а в иных местах.

Изучение большинства раскопанных на сегодняшний день могильников бронзового века в Южном Зауралье и Казахстане дало возможность выделить несколько признаков, сочетающихся вместе или по отдельности в пределах захоронения, ставящих его в разряд экстраординарных:

- необычные наборы погребального инвентаря, включающие нестандартные предметы;
- следы необычных ритуалов, выделяющих погребение из общей массы;
- необычное положение в погребальном комплексе;
- наличие увечий, патологий и иных отклонений от нормы у погребенных.

Приведем некоторые примеры таких погребений, которые можно с большой долей вероятности относить к погребениям лиц необычного (жреческого?) статуса.

1. Погребение с необычным местоположением в погребальном комплексе.

Погребение молодой женщины (погребение 13а, курган 4 могильника Степное-1) отличалось как необычностью расположения, так и обрядом. Оно располагалось в переходе между двумя большими коллективными захоронениями. Само местоположение тела свидетельствует о его экстраординарности. Двери, переходы, преграды, проходы имеют ярко выраженное магическое и символическое значение в представлениях многих народов. Можно вспомнить греческих бога Гермеса и богиню Гекату, чьи образы связывались с перекрестками, дорогами, других богов в древних индоевропейских религиях, в чьи обязанности входили функции проводников, посредников, медиаторов между мирами. Кроме того, погребение в переходе не было ограблено, в отличие от обоих коллективных захоронений, между которыми оно располагалось.

Девушка из погребения имела также необычный инвентарь: золотые височные кольца очень нетипичной для синташтинской культуры формы, нож в районе груди. У изголовья погребённой располагался набор астрагалов, под которым находился скелет крупного грызуна, проколотого длинной костяной спицей и лежащего головой на лезвии бронзового теса.

2. Погребения с увечьями, патологиями и иными отклонениями от нормы: лица «измененного пола».

К одному из вариантов подобных погребений мы относим погребения лиц «измененного пола». В нескольких могильниках зафиксированы погребения индивидов с нарушениями гендерной роли. В могильнике Степное VII (погребение 17) один из умерших, одетый в богатый украшениями женский костюм, лежавший на правом боку, обнимая другого погребенного и держа в руках ритуальный топор, был изначально определен антропологами как молодой юноша 15-17 лет. Основанием для этого послужили некоторые особенности строения скелета, придававшие погребенному облик мужеподобности. Полученные недавно данные ДНК-анализа показали, что данный индивид был женского пола.

Кроме того, оказалось, что второй погребённый из пары также был женщиной, хотя для погребений в «позе объятий», распространенных в бронзовом веке, обычным является положение мужчины на левом, а женщины на правом боку. Таким образом, несоответствие гендерных ролей подтверждено в данном случае естественно-научными методами.

Этот случай нельзя назвать единичным. Нами выявлен целый ряд погребений индивидов, антропологические определения пола которых противоречат их гендерному статусу в погребениях.

В могильнике Бестамак 1 в ряде случаев индивиды, определённые антропологом Р. Линдстромом как мужчины, имели при себе женские украшения. В погребении 1 кургана 10 могильника Кривое Озеро у погребённого индивида зафиксированы украшения: подвеска в полтора оборота на левом виске и клык-амулет у затылка. По определениям антрополога Г.В. Рыкушиной, данный индивид – мужчина 25-30 лет.

У погребённого в яме 3 на руках зафиксированы желобчатые браслеты. По антропологическим данным это мужчина в возрасте 50-55 лет, причём, что особенно интересно, *со следами выраженных гормональных нарушений*.

В погребении 36 кургана 7 могильника Танаберген 2, ограбленном в древности, были зафиксированы кости скелета мужчины 30-36 лет с остатками окислов на фалангах пальцев и мелкие украшения; украшения зафиксированы и у мужчины в погребении 5 могильника Жаман-Каргала (Куприянова, 2008).

Ритуальная травестия, то есть временное или постоянное переодевание в одежду лиц противоположного пола с целью совершения обрядовых и ритуальных действий, зафиксирована этнографией у многих народов. У индоевропейских народов с глубокой древности прослеживается существование сословий «третьего пола», имеющих непосредственное отношение к магической деятельности.

Геродот сообщает о существовании у скифов женоподобных мужчин-прорицателей – энареев, которые утверждали, что искусство прорицания им дала сама Афродита. Известно, что мужчины-трансвеститы принимали

участие в обрядах и в храме Афродиты в Афинах. В Греции ритуальная травестия широко практиковалась также в культе фригийской богини Кибелы.

В современном индийском обществе одна из неприкасаемых каст (хиджра), в которую входят люди с измененным половым поведением – гермафродиты, бисексуалы, кастраты, трансвеститы, гомосексуалисты, а также некоторое количество людей без подобных отклонений, но связанных своей деятельностью с ними (например, музыканты, аккомпанирующие при ритуальных танцах), несмотря на низкое социальное положение, пользуется большим уважением и вызывает страх у населения. Каста пополняется как за счет вновь иницилируемых взрослых людей, так и за счет детей, рождающихся с патологией половых органов, которых хиджра отыскивают в роддомах и семьях. Традиционным занятием хиджра является исполнение ритуальных танцев в рамках обрядов жизненного цикла.

Общим для всех культур является то, что с лицами «превращенного пола» и травестией, как правило, связаны представления о магических способностях, общении с духами, прорицании. Вероятно, это связано с тем, что такие люди обладают чертами двух полов и рассматриваются как существа-медиаторы, связанные с потусторонним миром. Например, в культе богини Весты в римском обществе положение весталки одновременно связано с тремя статусами: женским, девственным и мужским. Таким образом, статус весталок является неопределённым, что связано с идеей медиации, посредничества.

Согласно одной из научных теорий «...если существа или вещи являются “промежуточными”, т.е. находятся как бы вне категорий, которые мы обычно используем, чтобы структурировать окружающий нас мир, или несут характеристики более чем одной категории, то они рассматриваются в традиционных обществах как особенно могущественные и священные или опасные; и более того, существо-посредник может составлять центр религиозной культовой практики» (Смирнова, 2003. С. 37).

3. Погребения с увечьями, патологиями и иными отклонениями от нормы: природные или искусственные увечья.

Другой вариант отклонений от нормы – лица с искусственными либо природными увечьями. В могильнике Бестамак I раскопано погребение пожилой женщины со следами воспалительных процессов в черепе, остеомиелита (заболевание костной структуры), с потерей и аномальной стертойостью зубов. Авторы раскопок приписывают этому погребению ритуально-магические функции (Логвин, Шевнина, Колбина, 2009. С. 85-90).

Не менее интересный случай описан в могильнике Лисаковский 1: в погребение, уже использовавшееся ранее для другого захоронения, был помещен покойник со следами остеомиелита и патологического процесса в затылочной области головного мозга, вызванного закрытой черепно-мозговой травмой.

Автор раскопок Э.Р. Усманова предположила, что, поскольку развитие остеомиелита протекает с высокой температурой, токсикацией и септическим состоянием, в течение болезни поведение больного было трудно контролируемо и доставляло большие неудобства общине. Поэтому ему был нанесён удар по черепу, после чего его похоронили, пока он находился в коматозном состоянии (Усманова, 2005. С. 133-134). Однако наличие патологического процесса, фиксируемого на костях черепа, указывает на то, что больной жил некоторое время после нанесения травмы.

Возможно, травмы головы, как и психические болезни, воспринимались древними как свидетельства близости к богам, способности к прорицанию. В могильнике Кривое Озеро, некрополе укрепленного поселения аркаимского времени Черноречье III, подавляющее большинство погребённых индивидов разного возраста имели на черепках свидетельства патологических процессов (вирусных инфекций, простудных заболеваний). В данном случае наличие большого количества патологических процессов в черепной коробке было истолковано антропологами как свидетельство распространения эпидемии среди населения (Рыкушина, 2003. С. 359-360).

Однако эпидемия – процесс, ограниченный во временной протяженности, а археологические данные свидетельствуют о том, что время функционирования могильника – не менее 150–200 лет, погребённые принадлежат к населению двух культур: синташтинской и петровской. Можно предположить, что в данном некрополе выборочно хоронили индивидов, имевших серьезные болезни головы. Известно, что больные менингитом и другими аналогичными болезнями часто страдают галлюцинациями, которые могли в древности рассматриваться как проявление «божественных видений» и вызывать особое отношение к подобным болезням.

Погребения людей с физическими патологиями часто занимают особое место в древних некрополях. Начиная с эпохи энеолита известны погребения людей с искусственной трепанацией черепа. Физические и психические патологии часто рассматривались в древних обществах как признак обладания мистическими способностями. Выделяя характерные черты колдуна/шамана/знахаря, исследователи отмечают, что он, как правило, «часто бывает человеком ущербным – физически или социально. Зачастую он подвержен видениям, трансам и другим аномальным психическим состояниям. В некоторых племенах знахаря называют тем же словом, что и помешанных» (Райт, 1991. С. 121).

Приведённые выше примеры указывают на то, что в некрополях бронзового века погребениям индивидов с врождёнными или приобретёнными отклонениями от нормы придавалось особое значение. Немногочисленность этих захоронений относительно общего количества и отсутствие в них определённой системы не позволяют делать выводы о характере жреческого сословия. Судя по признакам экстраординарных

погребений, жреческий статус не был наследуемым, а передавался лицам, избираемым по каким-либо признакам (возможно, из членов одного рода).

Приведенные примеры являются единственным типом свидетельств существования в бронзовом веке жреческого сословия. Ни каких-либо магических артефактов, ни свидетельств контактов с «атлантами», «лемурийцами» и прочими вымышленными цивилизациями в археологических памятниках найдено не было, чему свидетельством являются научные отчеты, которые каждый автор раскопок обязан представить в Академию наук. Более «уточненные» версии, встречающиеся в «эзотерической» и псевдоисторической литературе, являются, мягко говоря, не соответствующими действительности.

К слову сказать, хорошим доказательством отсутствия у археологов каких-либо «тайн», которые они якобы скрывают от народа, служат сайты черных археологов, разгребивших гораздо больше памятников, чем их раскопали ученые. Как может убедиться любой желающий, на рынке черной археологии представлены в основном те же типы вещей, что и в научных публикациях, и ничего сверх того, что находится в рамках представлений официальной науки.

ПАНТЕОН БОГОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Религиозная система общества эпохи бронзы реконструируется нами в канве протоиндоевропейских мифологических представлений. Ранние религиозные системы индоевропейцев, воссоздаваемые по индоиранским, греческим, хеттским, славянским и другим источникам, демонстрируют существование разнообразного, но при этом структурированного пантеона божеств. Согласно теории Ж. Дюмезиля, реконструировавшего пантеон ранних индоевропейцев, его основу составляли верховные боги, воплощавшие в себе функции, соответствовавшие трехчастной структуре раннего индоевропейского общества – жрецам, воинам и производящей страте. Один из богов олицетворял закон и справедливость, другой – воинское начало, третий – функции плодородия и воспроизводства материальных благ. С третьей функцией в пантеоне некоторых индоевропейских народов тесно связаны фигуры женского божества и близнечной пары богов – сыновей верховного бога (Дюмезиль, 1989).

Теория Ж. Дюмезиля неоднократно подвергалась критике. Тем не менее существование трехчастной структуры общества ранних индоевропейцев находит подтверждение в археологических материалах. Можно предположить, что такая структура пантеона начала формироваться именно в эпоху бронзы, в период зарождения предгосударственных образований, одним из примеров которых является синташтинская культура.

Достоверная реконструкция пантеона жителей южно-уральских степей при отсутствии письменных источников вряд ли возможна, но

археологические реалии все же отражают некоторые черты религиозных воззрений. Как представляется, на вершине пантеона стоят общие для всех групп населения центральные фигуры – мужское божество с функциями демиурга (ассоциирующееся с солярной символикой), женское божество, связанное с символикой плодородия, возрождения, потустороннего мира;

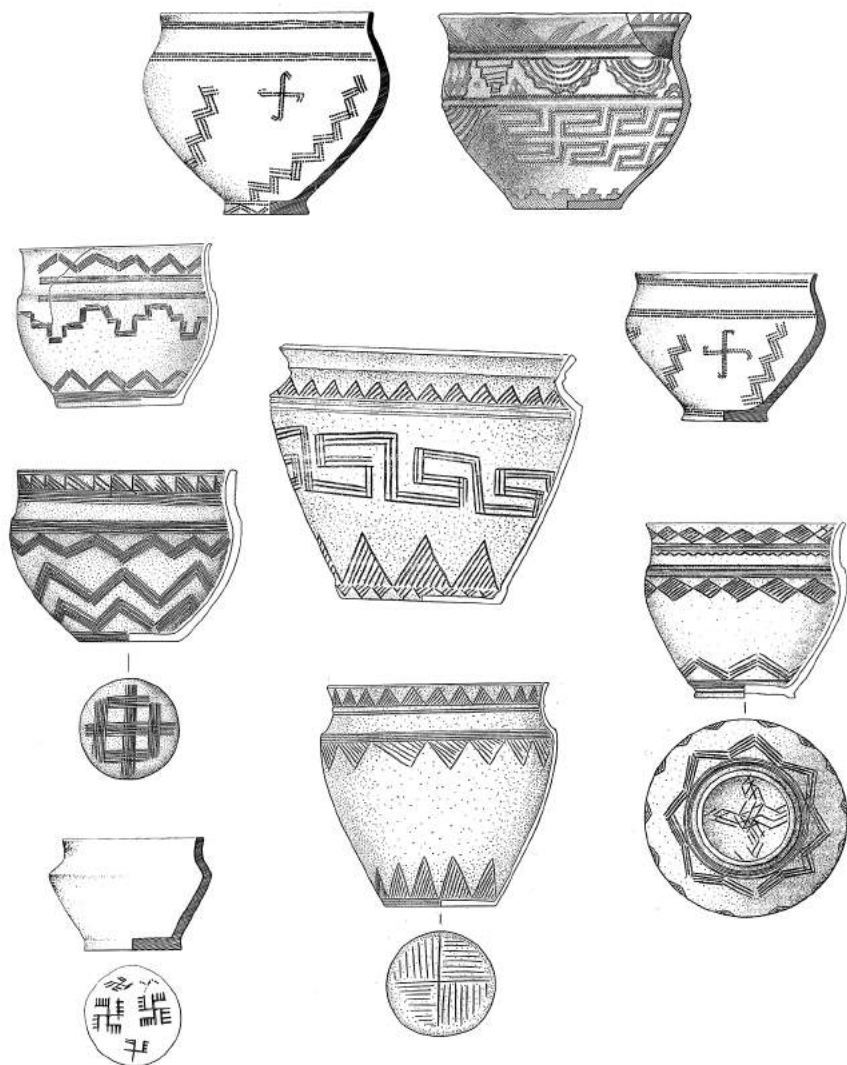

Рис. 1. Меандродно-свастические композиции на сосудах эпохи бронзы (керамика из могильника Степное VII и Синташтинского грунтового могильника)

пара богов-близнецов (возможно, в некоторых вариациях мифа мужское и женское божество могли представляться как разнополая близнецная пара). Божества или духи, связанные с различными природными и социальными явлениям, могли варьироваться в разных племенах.

Под общим пантеоном стоят, как правило, разнообразные локальные культы. Поскольку сакральное и профанное в мировоззрении древнего человека не имели четкого разграничения, все вещи, предметы, явления природы и социума имели одновременно и бытовую, и духовную сущность. Одна и та же вещь могла рассматриваться, в зависимости от контекста, и как утилитарный, и как магический предмет (Байбурин, 1993). В связи с этим персонификации и обожествлению могли подвергаться любые объекты – места, строения, деревья, реки, болезни и т.д. Локальные культы могли вытекать из общекультурных представлений. Так, в традиционных культурах могли существовать представления об общей мифологической фигуре и о множественных ее персонификациях.

Верховное божество

К свидетельствам существования центральной фигуры божества можно отнести распространение в символическом пространстве культур бронзового века Южного Зауралья и соседних территорий свастических орнаментов (рис. 1). Анализ орнаментального ряда на керамических сосудах позволяет выявить «эксперименты» древних гончаров, когда из регулярного ряда элементов орнамента выделяются элементы, трансформирующиеся в свастику. Таким образом, любая фигура орнамента может быть производной от свастики, которая занимает центральное место в ряду символов эпохи бронзы.

По всей вероятности, символ свастики являлся одним из интереснейших изобретений ранних индоевропейцев, приводившим их в восхищение, первым символом, заключающим в себе целый мир, сложные философские и космогонические идеи и мировоззренческие концепции. С этой точки зрения он, безусловно, рассматривался как вещь, таящая в себе бесконечное множество смыслов, и, следовательно, магическая, сакральная, имеющая непосредственное отношение к ключевым тайнам космогонии и мироздания, миру богов.

Анализируя артефакты и комплексы артефактов эпохи бронзы, отражающие остатки обрядов и ритуалов, мировоззрения, можно выделить несколько базовых идей, вкладываемых древним населением в символ свастики: эволюция, развитие, многообразие, многомерность, дуализм, диалектичность. Лучи свастики геометрически могут быть повернуты и в правую, и в левую сторону, эта фигура может являться своим собственным зеркальным отражением. Более того, она может воплощать противоположности как в разных фигурах, так и одновременно, когда часть

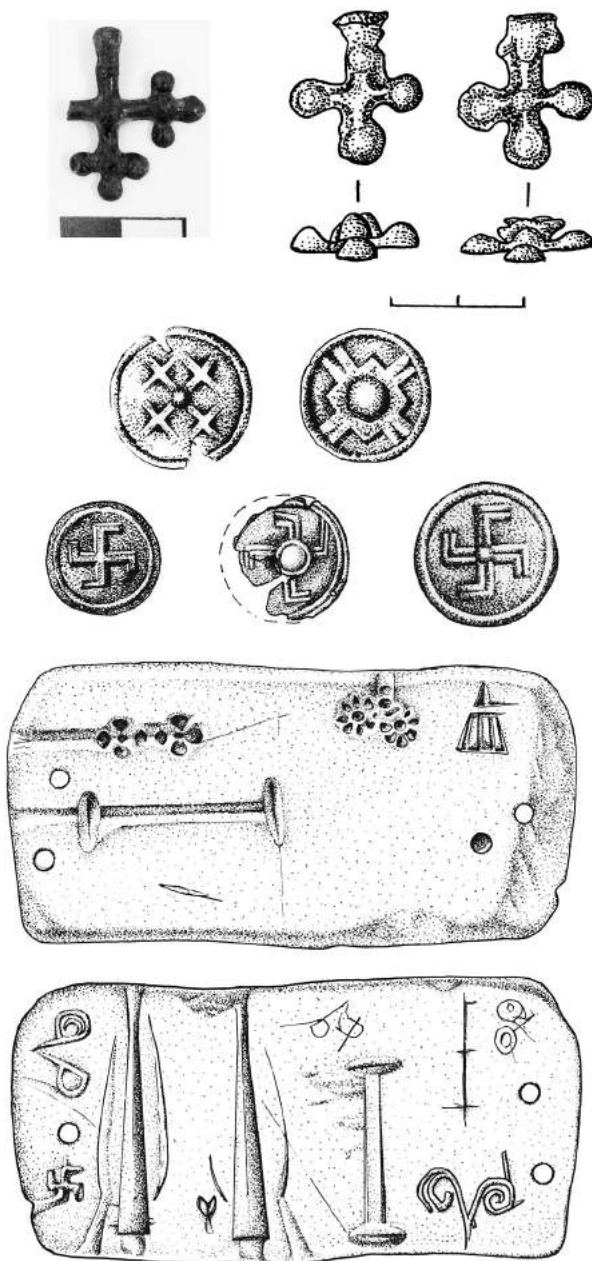

Рис. 2. Свастический декор на предметах эпохи бронзы

лучей направлена в одну сторону, а часть в другую. Эти свойства были хорошо изучены мастерами эпохи бронзы. Свастика воплотила в себе символику дуализма и диалектики – единства и борьбы противоположностей, осмысляемых древними в делении мира на ряд явлений с полярными значениями: «свет»–«тьма», «день»–«ночь» и пр.

Кроме орнаментальных композиций на керамике, символика свастики/солярная символика представлена в памятниках бронзового века на декоре украшений (рис. 2), в архитектуре поселений и культовых комплексов (фото 2), в обрядах.

Нетрудно предположить, что за гранью восприятия археологов остался целый пласт несохранившихся источников (возможные изображения на предметах из органических материалов, выкладки, татуировки и пр.). Можно предположить, что свастика в эпоху бронзы связывалась с образом верховного божества – творца Вселенной и «Осью мира» – Мировым деревом. Связь свастики с солярными культами подтверждает это, поскольку как для индоевропейских, так и для многих других религиозных систем общим местом является связь символики солнца с фигурой главного божества. Отражение его культа в материальных остатках археологических памятников не так ярко именно из-за масштабности образа. Как показывает изучение древних и традиционных политеистических религиозных систем, повседневная ритуальная практика и мелкие проблемы не включали в себя обращение к верховным богам пантеона, которое совершалось лишь в исключительных и значительных случаях.

Женское божество

Начиная с каменного века, во многих евразийских культурах отмечаются следы почитания Великой Богини. В бронзовом веке культы Magna Mater, имеющие тесную связь с культами плодородия, получили особое развитие благодаря возникновению скотоводства и земледелия. Племена эпохи бронзы Южного Зауралья и прилегающих территорий находились на той стадии развития, когда, вероятнее всего, происходил расцвет этих культов и связанных с ними обрядов и ритуалов.

Погребальная обрядность и материальная культура синташтинских, петровских и алакульских племен насыщена эротической символикой и символикой плодородия. Особенно ярко продуцирующая символика отражается в жертвенных комплексах синташтинской и петровской культур: во многих из погребений жертвенники представлены животными противоположного пола, либо самками с детенышами (рис. 3.7). Зафиксированы жертвоприношения целых туш лошадей, имитирующие совокупление (рис. 3.6).

Среди находок артефактов на поселениях встречаются изделия с фаллической символикой (рис. 3.1-5).

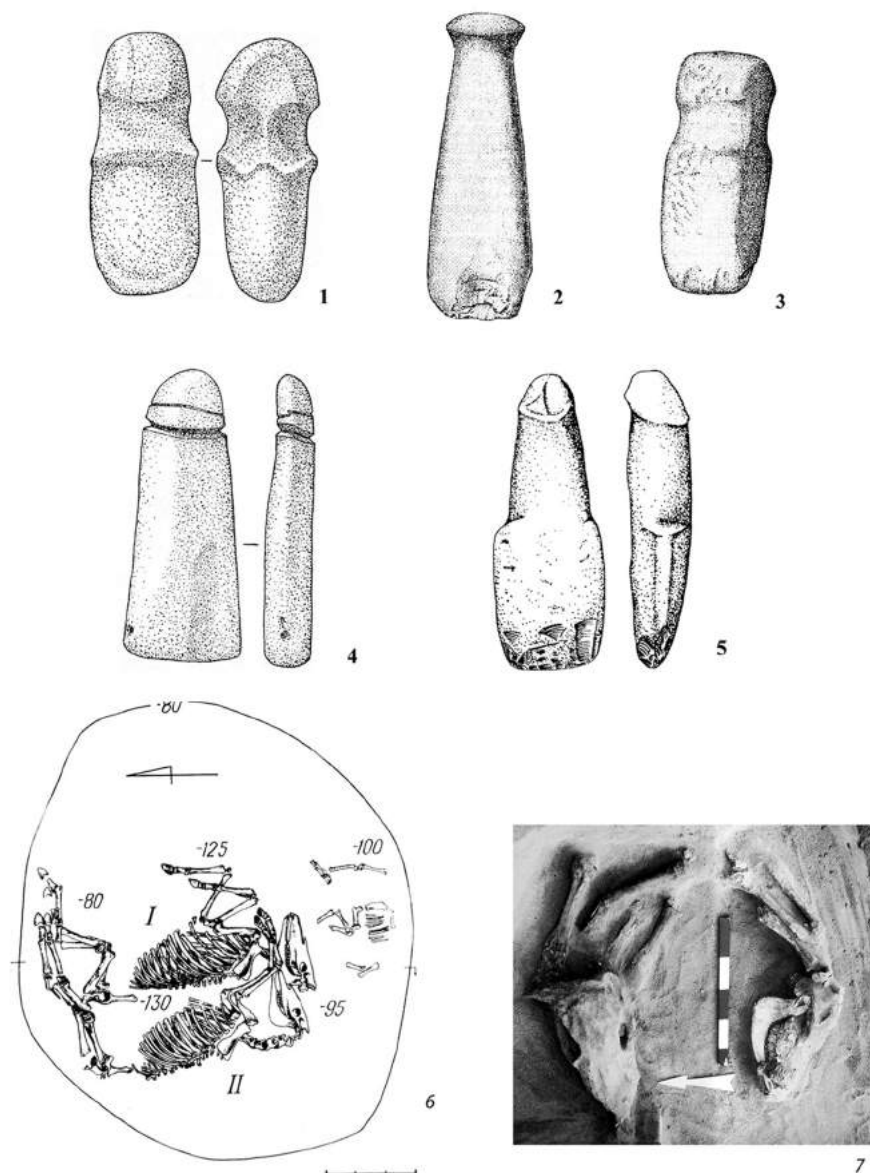

Рис. 3. Символика плодородия в памятниках бронзового века Южного Зауралья:
 1-5 – изделия из камня с фаллической символикой с поселений эпохи бронзы;
 6-7 – жертвоприношения животных с выраженной символикой плодородия:
 6 – Синташтинский грунтовый могильник, яма 10 (жертвоприношение лошадей, имитирующее совокупление); 7 – яма 79 мог. Степное VII (комплекс «корова + бык + теленок»)

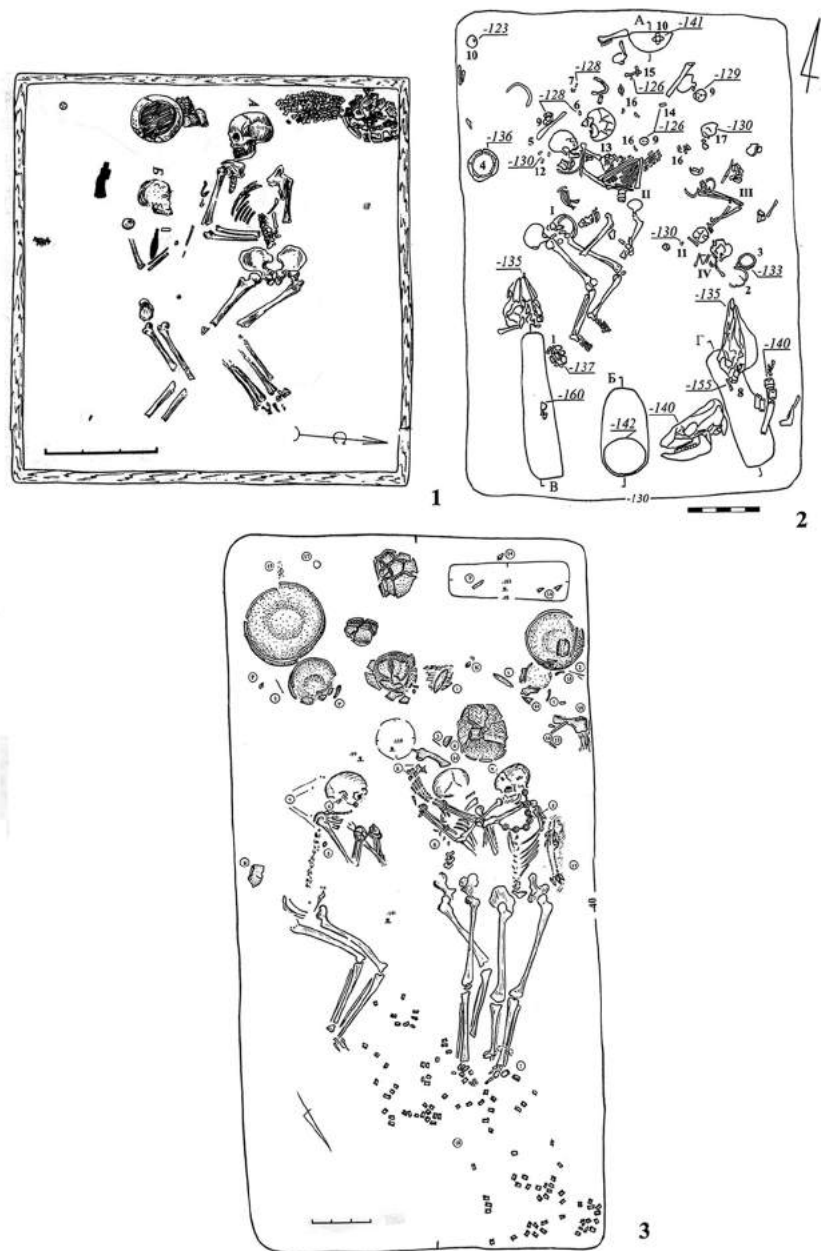

Рис. 4. Парные погребения в «позе объятия»: 1 – погр. 39, Синташтинский грунтовый могильник (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Рис. 65.2); 2 – яма 8, курган 2, мог. Каменный Амбар-5 (по: Епимахов, 2005. Рис. 29); 3 – яма 17 мог. Степное VII

Погребения в «позе объятия» являются, пожалуй, самым ярким дошедшим до нас проявлением эротической символики в погребальном обряде бронзового века (рис. 4). На левом боку, как правило, лежат мужчины, на правом – женщины. В могильниках аркаимского времени подобных погребений немного, и по всем признакам они относятся к разряду престижных, отличаются особым богатством инвентаря и украшений, часто занимают особое место в погребальных комплексах. Все признаки говорят о том, что данный вид погребений отражает не отношения погребенных людей, а ритуальное воплощение «символического брака» с божеством женского пола. В более поздний период количество таких погребений увеличивается, но по статусу они перестают отличаться от ординарных захоронений, отражая, вероятно, реальный статус супружеских пар.

Культы Великой Богини широко зафиксированы в ранних индоевропейских обществах. В погребальной обрядности скифов, чья культура традиционно считалась воинской, основанной на концепте мужского начала, выделяются захоронения женщин-цариц с жреческими атрибутами, связанными с культом богини-матери. По всей вероятности, царица исполняла функцию верховной жрицы, являясь в обряде заместителем Богини (Кузьмина, 2002. С. 103-104). В основе знаменитых таинственных элевсинских мистерий, посвященных культу Деметры, лежал концепт «священного брака». Он же фиксируется и в культе Кибелы, и в основе индийского ритуала ашвамедха. Образ женского божества является центральным в искусстве Крита и Микен (Вардиман, 1990. С. 38-62).

Божественные близнецы

В религиях всех народов занимают особое место и обладают обширнейшей семантикой мифы о близнецах. Как правило, близнецы в мифах являются символом антитезы и воплощают в себе не только ряд дуалистических противоположностей, но иногда разные фратрии, связь с потусторонним миром, когда один из близнецов считался человеком, другой – порождением иного мира. Большое значение они имеют в индоевропейской мифологии.

Основным характерным отличием индоевропейской близнецной мифологии является то, что представления, связанные с близнецами, в отличие от близнецных культов других народов, обладают сложной, но строгой системой. У народов других языковых семей обычно фиксируется не более одного мифа, в котором фигурирует близнецная пара, либо в мифологии такие персонажи отсутствуют вовсе, а близнецные культы проявляются в особом отношении к детям-близнецам. Для индоевропейцев характерно иметь в рамках одной культурной традиции несколько мифов о разных близнецных парах – культурных героях, сыновьях бога, разнополой паре брата и сестры, которые одновременно могут являться супругами. Например,

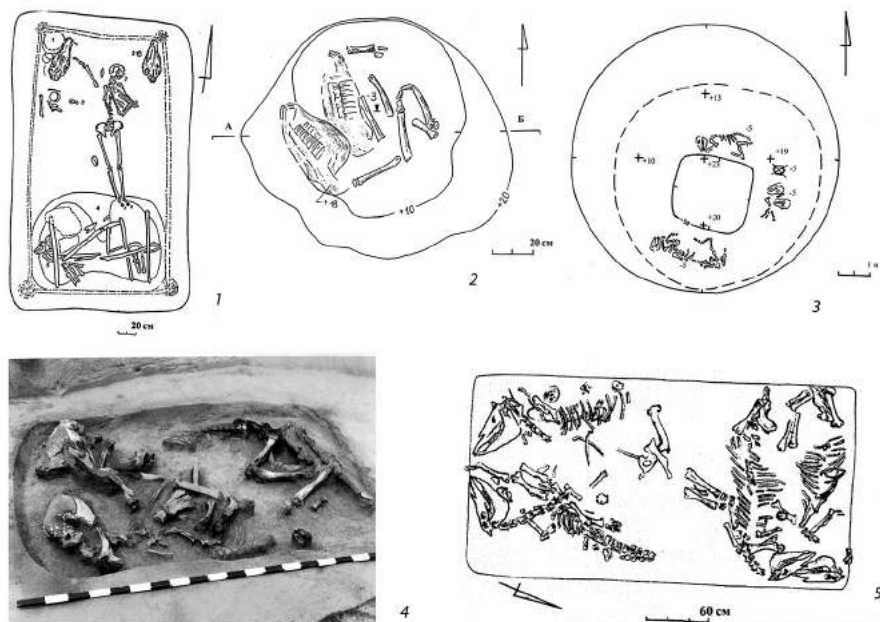

Рис. 5. Парные жертвоприношения лошадей, связанные с колесничным комплексом: 1 – мог. Кривое Озеро (по: Виноградов, 2003); 2 – мог. Графские Развалины, курган 15 (по: Зданович, Куприянова, 2010); 3 – мог. Степное-1, курган 5, яма 2; 4 – мог. Степное VII, яма 70; 5 – Синташтинский грунтовый могильник, погребение 19 (по: Генинг, Зданович, Генинг, 1992)

в греческой мифологии фигурируют близнецы Диоскуры, Молиониды, Аполлон и Артемида, Геракл и Ификл, другие пары.

В индийской мифологии одними из наиболее известных пар являются Яма и Ями, Ашвины/Насатьи, Накула и Сахадева; в иранской мифологии – Ахурамазда и Ахриман, Машья и Машйои.

Близнецная мифология в индоевропейских религиях обладает рядом общих характерных черт:

- существует несколько мифов о богах или героях-близнецах в рамках одной культурной традиции;
- семантическая связь близнецной пары одновременно с двумя функциями/стратами – воинской (однополая мужская пара, воины-колесничие/всадники) и производственной (разнополая пара, через связь однополой пары с Богиней-матерью);
- обязательная связь однополой мужской пары с лошадьми и колесницами;
- существование особого отношения к детям-близнецам на уровне народных поверий и обрядов.

Проявления парной (близнечной) символики в погребальной обрядности культур бронзового века Южного Зауралья многочисленны и разнообразны. Ядром близнечной символики являются парные жертвоприношения лошадей и погребения с имитацией боевых колесниц, имеющие большое распространение (рис. 5).

До одной трети всех погребений аркаимского времени обладают колесничной символикой в ее различных проявлениях (от помещения в могилу настоящей колесницы либо ее имитации, до оставления лишь деталей колесничной запряжки – псалиев). Жертвенники, состоящие из останков лошадей, в подавляющем большинстве парные либо кратные двум.

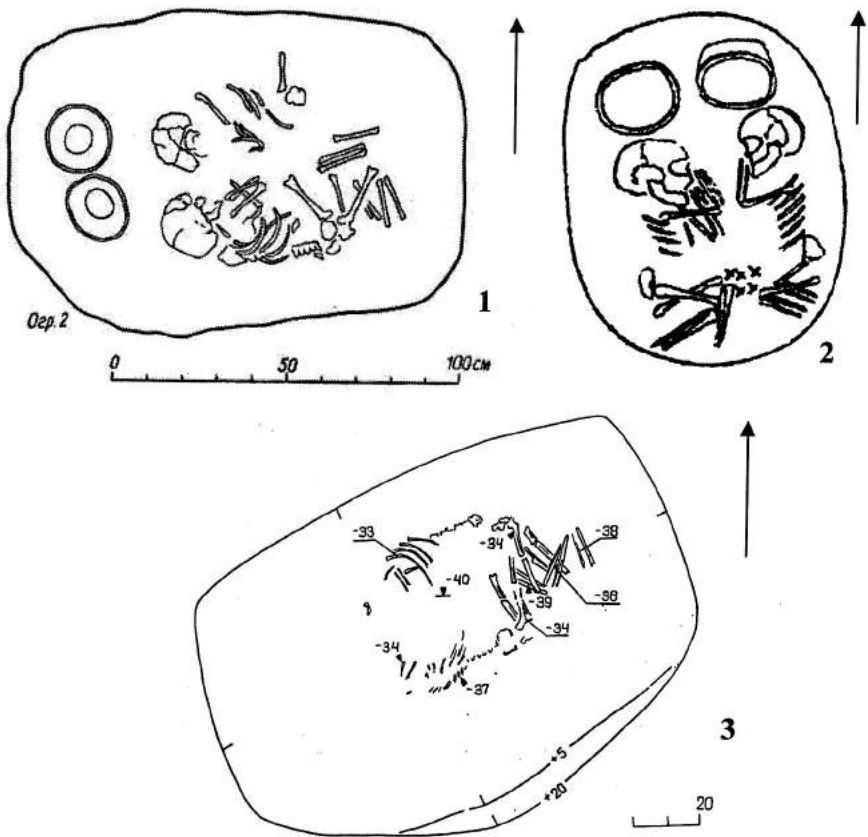

Рис. 6. Парные захоронения одновозрастных детей в «позе объятия» из могильников эпохи бронзы: 1 – мог. Тасты-Бутак 1, оградка 1 (по: Сорокин, 1962. Табл. 1); 2 – мог. Иклень, погребение 7 (по: Ткачев, 2002. Рис. 104); 3 – мог. Солончанка 16, курган 3, погребение 5

При этом парные лошади в погребениях не всегда фигурируют только в связи с колесницами (от всего количества жертвенников с лошадьми их не более половины, и в таких жертвенниках животные обычно оба жеребцы), но и в жертвенниках с символикой плодородия, где принесенные в жертву животные – жеребец и кобыла, а символы колесничества вовсе отсутствуют. К парным жертвам лошадей часто приурочены и другие парные комплексы (жертвоприношения двух коров, овец, собак), призванные, как кажется, усилить парную символику.

Парность в погребальном обряде аркаимского времени проявляется также в сооружении двух центральных ям в коллективных курганах. К этому же ряду относятся и упоминавшиеся уже погребения в «позе объятия», часть которых воплощает в себе ритуал «священного брака» (во многих мифах разнополая близнецная пара выступает в качестве прародителей вселенной, а в древних священных текстах супруги часто сопоставляются с близнецами).

Отдельно в погребальных памятниках бронзового века отмечены проявления особого отношения к близнецам биологическим. Нами изучен ряд захоронений двух одновозрастных младенцев, которые могли являться одновременно умершими близнецами и располагались в могиле в той же позе, что и взрослые мужчина и женщина в погребениях в «позе объятия» (рис. 6). В мифологических текстах зафиксировано представление, что близнецы находятся в состоянии инцеста, находясь в утробе матери (Абрамян, 1979. С. 116-117). Исследованы также жертвоприношения одновозрастных детёнышей домашних животных – овец, телят (по определению археозоологов являвшихся близнецами), где особи располагаются также по принципу антитезы – «валетом», «тяни-толкаем».

Таким образом, многочисленные свидетельства говорят о существовании в мифологии бронзового века развитой системы близнецных культов, а также вероятном существовании культа верховного божества, связанного с солнцем, и богини, ведающей ритуалами плодородия.

ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ, ВЕРОВАНИЯ

Как и все древние народы, племена бронзового века окружали свою жизнь множеством обрядов и ритуалов, которые охватывали все сферы жизни. Большинство из них не поддаются реконструкции, поскольку многие обряды не оставляют материальных следов. О существовании некоторых можно предполагать по изучению материалов о религии ранних индоевропейских народов.

Гадания и представления о Судьбе

В картине мира индоевропейских народов важное место занимает мифологема Судьбы и связанные с ней системы обрядов: гадания, предсказания, пророчества. Представления о существовании Судьбы

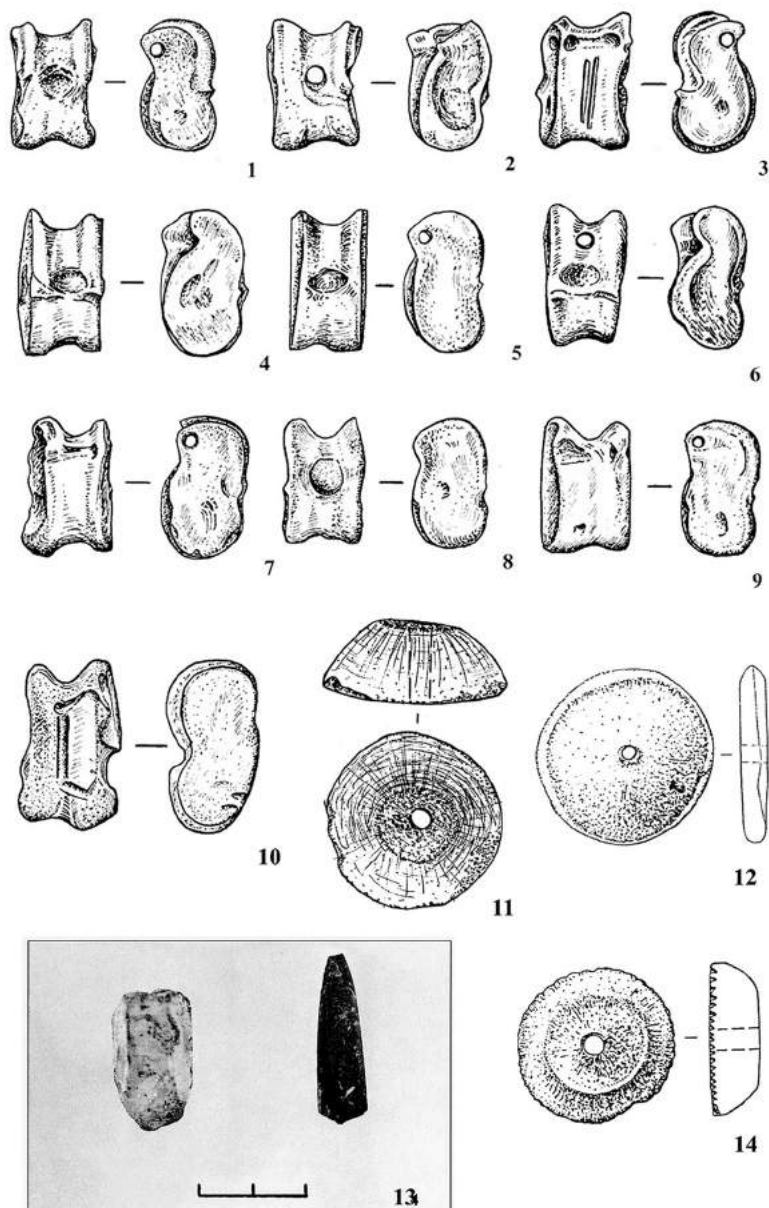

Рис. 7. Предметы из погребений, имеющие отношение к сфере гадания: 1-10 – набор астргалов (яма 88 могильника Степное VII); 11-12, 14 – пряслица из головок трубчатых костей животных (мог. Степное VII, мог. Большекараганский, курган 25); 13 – кристалл горного хрусталя и белемнит (курган 25 мог. Большекараганский)

зародились в индоевропейской культуре в глубокой древности, что подтверждается археологическими материалами. Свидетельств существования обрядов гадания в обществах эпохи бронзы не так много, поскольку все они относятся больше к сфере жизни, а следы древних ритуалов в неприкосновенности сохраняются в основном в погребальных памятниках.

Возникновение представлений о Судьбе в общественном сознании, в одном из аспектов, связано с одним из древнейших видов деятельности человечества – игрой. Й. Хейзинга в своей книге *Homo Ludens* рассматривает игру как одну из важнейших предпосылок формирования человеческой культуры в том виде, в котором мы ее находим (Хейзинга, 1992).

Связь представлений о Судьбе и игре можно проиллюстрировать на материалах археологических культур эпохи бронзы Южного Зауралья. Очень часто в погребениях синташтинской, петровской, алакульской, срубной археологических культур встречаются наборы игральные кости (астрагалов), несомненно, использовавшихся и для гадания, а также наборы камешков, кристаллы кварца, хрусталя, вероятнее всего, связанные с магической сферой (рис. 7).

Астрагалы в погребальном обряде эпохи бронзы в подавляющем большинстве связаны с могилами детей и подростков, то есть тех индивидов, кто, по представлениям древних, не прожил до конца свою судьбу, не исполнил предначертанного. Вероятно, редкие и нетипичные случаи помещения взрослого инвентаря в погребения детей можно связать с желанием «довершить недоконченное» – исполнить предначертанную ребенку судьбу, которую оборвала смерть. Находки парадных женских головных уборов со сложными накосными украшениями при детских костях сродни славянским традициям хоронить девушек, не успевших выйти замуж, в свадебном наряде. Изредка в погребениях маленьких детей мы находим оружие и другие предметы мужской сферы. Так, в погребении 2 кургана 1 мог. Степное-1 при скелете ребенка до 3 лет находились колчан со стрелами и роговые псалии. Возможно, общество предопределяло умершему ребенку определенную социальную функцию, которую он не выполнил в жизни, но должен исполнить судьбу посмертно.

Характерно, что младенческие погребения в подавляющем своем большинстве исключительно стандартны и не содержат не только взрослых, но и вообще индивидуальных вещей. А часто зафиксированное подхоранивание младенцев в жертвенные ямы говорит о том, что до определенного возраста ребенок не воспринимался как человек и, соответственно, не имел индивидуальной судьбы.

Связь гадания и игр существует в культуре неразрывно. Победа/поражение, удача/неудача, выбор жребия – события, определяемые игрой, и, вероятнее всего, игра и гадание возникли одновременно. Кроме

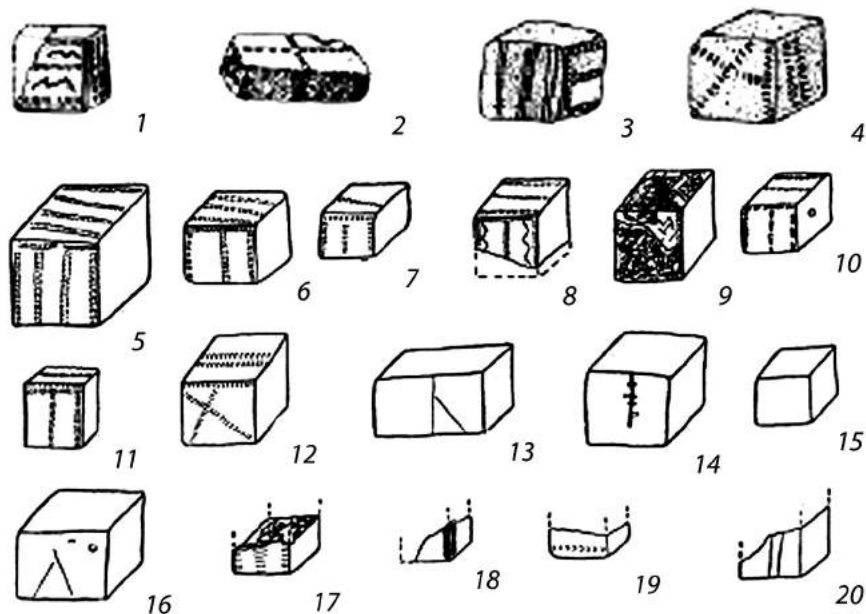

Рис. 8. Глиняные кубики для игры/гадания (1-4 – по: Збенович, 1974. С. 108; 5-20 – по: Патокова, 1979. С. 41)

многочисленных находок наборов астрагалов, иногда сопровождаемых битами, к игровой/гадальной сфере можно отнести изделия из глины – миниатюрные четырехгранные параллелепипеды с начерченными на гранях знаками (1 и более параллельных линий, крест, крест с пятым лучом и пр.) (рис. 8). Эти предметы нередко встречаются среди находок в поселениях срубной, срубно-алакульской культур, а также очень характерны для более ранних периодов – памятников катакомбной, трипольской культур, где нередко встречаются в наборах (см. например: Клейн, 1997; Патоков, 1979 и др.). Числа от 1 до 3 обозначаются на кубиках параллельными чертами, часто состоящими из точек, насечек или прочерченными. Число 4 обозначается либо палочками, либо крестом, имеющим четыре конца. Данные предметы аналогичны современным игральным кубикам и демонстрируют глубину традиций игры/гадания, уходящих в глубокую древность.

На поселениях эпохи бронзы встречаются также миниатюрные сосудики-баночки (фото 1). Трасологическое исследование нескольких таких сосудиков с укрепленного поселения Каменный Амбар показало многочисленные затертости и царапины по верхнему краю венчиков, из чего был сделан вывод, что данные сосудики использовались как наперстки для игры (Епимахов, Берсенева, Пантелеева, 2012). Эти находки подтверждают распространение игр, а следовательно, и гадания в обществах эпохи бронзы.

Наборы погребального инвентаря, помещаемые в погребения, формируются, безусловно, не случайно и менее всего зависят от утилитарных факторов. Вещь в ритуале – прежде всего знак. Орудия труда, связанные с прядением и ткачеством (веретена, прясла), помещенные в могилы и святилища, связываются некоторыми исследователями с представлениями о божестве, прядущем нить судьбы. Веретено в индоевропейской мифологической традиции является медиатором между миром мертвых и миром живых (в пример приводится известный миф о Тесее и нити Ариадны, сказки индоевропейских народов) (Цимиданов, 1999. С. 225-226).

По данным лингвистики, индоевропейские термины «овца», «овцеводство», «шерсть» связываются с представлениями о богине нижнего мира. Выявляются также представления о «прядении шерсти» как символе судьбы. Например, в германских диалектах понятия «прядение» и «судьба», «удача», «богатство» идентичны.

В погребениях эпохи бронзы, отличающихся богатыми наборами инвентаря, присутствуют предметы из головки бедренной кости животного, называемые исследователями пряслицами или насадками на веретено (рис. 7.11-12, 14). Вероятнее всего, их помещали в погребения вместе с самими веретенами.

Медицинская магия и охранительные обряды

Практические медицинские знания, приобретаемые и развивавшиеся человеком на протяжении всей истории от самых ее корней, были в сознании древних неразрывно связаны с необходимостью действий обрядового, магического характера. К медицинской магии в традиционных обществах относится широкий спектр обрядов, направленных на изгнание болезни, защиту от враждебных человеку сил, умиловление богов и духов. Медицинские магические обряды можно разделить на личные – направленные на излечение и защиту конкретного человека, и коллективные, преследующие цель защиты от зла, когда существует риск для общины в целом, например, при возникновении эпидемий. Археологические материалы являются крайне неинформативным источником для реконструкции подобных действий, тем не менее можно зафиксировать некоторые следы их наличия в эпоху бронзы.

К обрядам коллективной защиты можно с уверенностью отнести некоторые действия, производившиеся на погребальных комплексах. Страх живого начала перед мертвым отражают обычаи связывания покойников, неоднократно зафиксированные в погребениях аркаимского времени. Обвязывание ног означает, скорее всего, желание обездвижить покойника. Подобные опасения вызывали далеко не все умершие, свидетельствуя, что, с точки зрения соплеменников, эти покойники обладали особыми свойствами, опасными для живых людей. В качестве гипотезы можно предположить

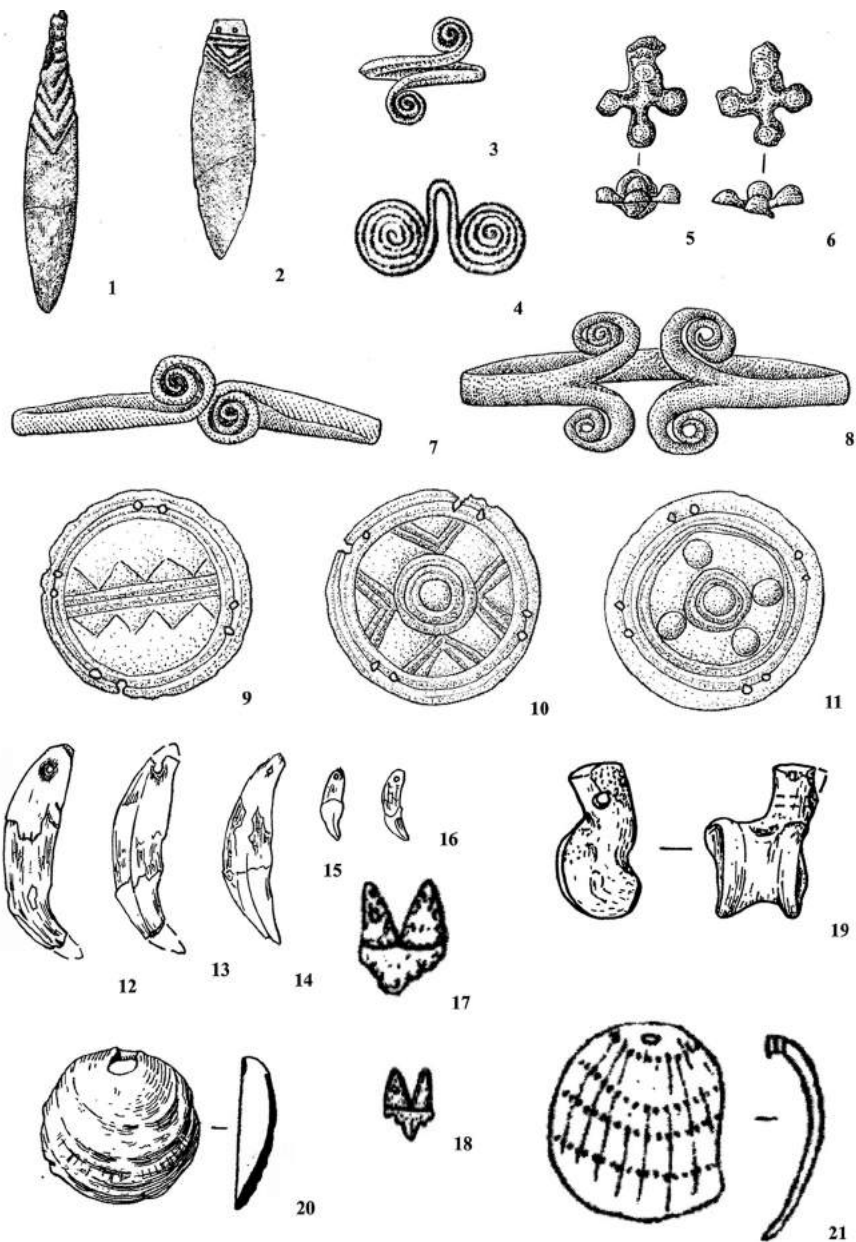

Рис. 9. Украшения-амулеты из могильников эпохи бронзы: 1-11 – металлические украшения с природной символикой; 12-21 – украшения из природных материалов (раковин, зубов и костей животных) (по: Куприянова, 2008)

смерть от заразной болезни и стремление ограничить их в движении, чтобы они не принесли это зло обратно в мир живых. Одним из маркеров страха перед мертвыми был и обряд ограбления могил.

К обрядам, совершаемым для личной защиты человека, можно причислить распространенную в эпоху бронзы традицию использования различных символов и оберегов. В женских и детских погребениях бронзового века Южного Зауралья фиксируются многочисленные украшения из металла, камня, костей животных, раковин моллюсков и других материалов. Украшения, безусловно, являлись для древнего человека предметами, чье практическое и эстетическое значение было вторичным по отношению к магическому, ритуальному.

Часть украшений делалась из естественных материалов. Особенное распространение имеют подвески, сделанные из зубов хищных животных (волка, лисы, собаки, медведя), подвески из раковин моллюсков. Традиция изготовления украшений из зубов и костей добытого на охоте зверя для того, чтобы забрать себе его силу, ловкость, жизненную энергию, фиксируется с каменного века. Животные, из зубов которых изготавливались амулеты в эпоху бронзы, иногда были домашними (например, собаки), но смысл традиции остался, безусловно, тем же.

Реже среди украшений встречаются бусы из камня (нефрита, жадеита, бирюзы), большинство из них являются импортными. Представления о магических свойствах камней имеют, несомненно, очень древнее происхождение. Научившись делать вещи из металла, древние мастера предпочитают создавать украшения, образами для которых послужили объекты природы: подвески в форме древесного листа, крестовидные подвески в виде трилистника, браслеты с парными спиральными завитками, перстни и подвески в 1,5 оборота в форме змеи (рис. 9, фото 2).

Дети и женщины как наиболее слабые существа особенно нуждались в защите. В мужских погребениях эпохи бронзы украшений практически не зафиксировано. Украшения в детском костюме не играют эстетической роли, а выступают в качестве амулетов-оберегов для защиты от болезней, злых духов, то есть украшениями их можно называть лишь условно. В погребальном костюме женщин наибольшее количество различных украшений встречается до определенного возраста – с 6-11 и до 30-35 лет – возраста максимальной фертильности. Расположение украшений в костюме фиксирует своеобразные «ключевые зоны» одежды – рукава, ворот, подол, верх обуви, считавшиеся, очевидно, наиболее уязвимыми для проникновения враждебных духов, болезней и пр.

Таким образом, следы представлений, имеющих отношение к медицинским и охранительным обрядам, все же в небольшом количестве присутствуют в археологических памятниках эпохи бронзы. Кроме перечисленных выше разновидностей ритуальной деятельности, в обществе эпо-

хи бронзы Южного Зауралья существовало, вероятно, и большое количество иных видов обрядов – профессиональная, гендерная магия, различные бытовые обряды, очевидно, обряды, связанные с экстраординарными событиями – пожарами, наводнениями, военными конфликтами и пр.

В рамках одной статьи очень сложно охватить все проявления религиозных верований и ритуалов, которые отражаются в археологических памятниках бронзового века, соотносимых со временем существования поселения Аркаим. Отдельным исследованиям археологов подвергались и действия, связанные с движением небесных тел – календарные обряды, создание археоастрономических объектов, и сами погребальные церемонии, обряды жертвоприношений и многое другое.

В данной статье целью являлась, скорее, демонстрация того, как в археологии подходят к реконструкции такой сложной сферы, как духовная культура древних обществ, и какие ее области остаются за гранью научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамян Л.А. «Мифы о начале» и проблема первого табу // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М.: ИЭ АН СССР, 1979. С.114-133.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М.: Наука, 1990. 334 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1989. 234 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. №4 (37). 2012. С. 70-76.

Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974. 176 с.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и Близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 1. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. С. 130-161.

Клейн Л.С. Происхождение нуля или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы, 1997. С. 47-66.

Кузьмина Е.Е. Роль царицы в обществе скифов // Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. Культурологические очерки. М.: Мин-во культуры РФ, Рос. Ин-т культурологии, 2002. С. 103-104.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Погребение женщины старческого возраста на могильнике Бестамак // Изучение историко-культурного наследия центральной Евразии. «Маргулановские чтения-2008». Караганда, 2009. С. 85-90.

Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. Киев: Наукова думка, 1979. 190 с.

Райт Г. Свидетель колдовства. М.: Радио и связь, 1991. 121 с.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345-360.

Смирнова О.П. Культ Весты в римском обществе: зеркало и модель // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. №6. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 32-53.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. Материалы и исследования по Археологии СССР. №120. М. -Л.: Изд-во: Наука, 1962. 208 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 289 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский. Факты и параллели. Караганда; Лисаковск: Караганд. гос. ун-т, 2005. 232 с.

Хейзинга Й. Номо Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 1999. С. 224-227.

Dickinson O. The Aegean Bronze Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 342 p.

Dryomov I.I. The regional differences of the prestige Bronze Age burials (peculiarities of the Pokrovsk groupe) // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC: Regional specifics in light of global model. Vol. 1. Washington DC: Institute for the Study of Man, 2002. Pp. 296-313.

Т.С. Малютина

Г.Б. Зданович

Синташта 2016-2019: возвращение к легенде

Комплекс древних памятников на реке Синташта в Челябинской области – одна из легенд археологии Южного Урала. Именно здесь в уже далеких от нас 70-х и 80-х годах прошлого века археологами были исследованы остатки первого круглопланового укрепленного поселения, курган-храм – Большой Синташтинский курган (БСК). Могильники с древнейшими в мире боевыми колесницами и ритуальными захоронениями колесничных лошадей оказались синхронными укрепленным поселениям и свидетельствовали о существовании богатого стратифицированного общества и наличии элиты на рубеже среднего и позднего бронзового века в зауральских степях.

Открытия на реке Синташта быстро приобрели значение евразийского уровня. Отдельный стенд с синташтинскими вещами можно увидеть в экспозиции Государственного исторического музея в Москве. Исследование Синташты во многом предопределило собой открытие Аркаима, «Страны городов» и «аркаимскую идею» как таковую.

Но... Развиваются археологические и информационные технологии, возникают новые научные гипотезы и проблемы, происходит разрушение археологических памятников (Хохлова, Хохлов, Гольева и др., 2008; Стефанов, 2009). Поэтому уже три года, начиная с лета 2016 года, на берегу Синташты вновь ставится лагерь научно-исследовательской экспедиции.

Экспедиция организуется Благотворительным фондом «Аркаим» (Челябинск, начальник экспедиции Д.Г. Зданович) и ООО «Стерх» (Самара, А.Н. Коновалов – замначальника экспедиции). Поддержку проекту оказывают Челябинский госуниверситет, Самарский технический университет, администрация Брединского района и целый ряд предпринимателей и спонсоров. В 2018 году большую помощь работе экспедиции оказало Общественное объединение «Центр развития Южного Урала» из Магнитогорска.

Исследования на памятнике носят комплексный характер. Кроме археологов ЧелГУ и Заповедника «Аркаим» (Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Д.Г. Зданович), в исследованиях приняли участие биологи, экологи и почвоведы, антропологи, геологи, астрономы и геодезисты, специалисты по информационным технологиям. Среди них – доктора наук в области почвоведения М.В. Дергачева и В.Г. Приходько, кандидат наук в области минералогии А.М. Юминов и доктор наук А.К. Кириллов. Большая работа по реабилитации территории памятника проделана группой биологов и

Рис. 1. Большой Синташтинский курган, фрагмент аэрофотоснимка 1956 г.

экологов ЧелГУ под руководством А.Л. Плаксиной (Плаксына, Задорина, 2018).

Почему археологи вернулись на Синташту?

Главные цели нашей творческой группы состоят в получении новых научных данных, музеефикации этой территории и популяризации уникального исторического наследия, в том числе через содействие формированию на Синташте современного туристического кластера.

Уникальный объект «Большой Синташтинский курган» исследован не до конца и лежит в развалинах. На протяжении тысячелетий БСК сохранял свой величественный вид. Еще в начале 50-х годов прошлого века курган, известный у местного населения как «Шишка», поднимался над местностью на высоту более 5 м и имел диаметр до 90 м (рис. 1).

В 70-х годах центральная часть кургана подверглась экстренным раскопкам из-за угрозы затопления Брединским водохранилищем. В толще кургана был обнаружен толос из земляных спрессованных блоков с погребальной камерой (рис. 2). Погребальная камера (3,0×3,5 м) была

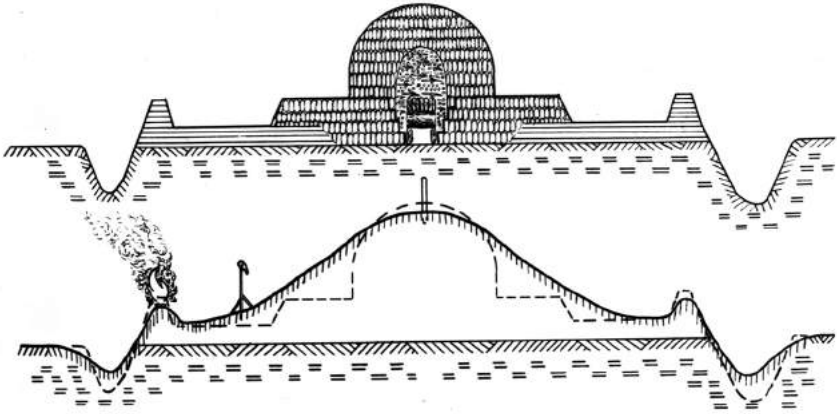

Рис. 2. Большой Синташтинский курган, реконструкция платформы, толоса и погребальной камеры, разрез (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Рис. 213 а-б)

возведена из мощных бревен лиственницы (определения Л.Л. Гайдученко). Однако внутри камеры найдена только одна бедренная кость человека и яма-колодец. Большая часть остатков погребенного (погребенных?) разрозненно встречалась в грабительских вкопах в толос. Здесь же обнаружены скопления фрагментов керамики, из которых удалось реконструировать удивительно красивый сосуд (рис. 4)*. И все это было заключено в грандиозное сооружение – девятиступенчатую пирамиду диаметром более 70 м и высотой 9 м по реконструкции В.Ф. Генинга (рис. 3).

По большому счету, тайна кургана так и осталась неразгаданной.

Когда и кем был построен БСК, существовал ли он до возникновения укрепленного поселения или создавался его обитателями? На протяжении каких столетий и каких культур БСК притягивал к себе людей как место отправления религиозных обрядов? Чьи строительные традиции наследовали люди, которые проектировали и создавали столь грандиозное и сложное по замыслу сооружение?

К лету 2016 года от мощной насыпи кургана сохранилась часть северной полы и монументальная южная бровка, проходящая близко к центру конструкции. Почти неисследованными оказались опоясывавшие курган рвы. Выразительность сохранившихся разрезов вдохновляла нас на новые исследования, как текст или культурный код из далекого прошлого, свидетельствующий о сложной истории этого сооружения и жизни вокруг него (фото 2). Не случайно первый исследователь памятника профессор В.Ф. Генинг определил сооружение, построенное над толосом, как храм-святилище, где «на поверхности площадок каждого яруса, около

* Однако сосуд и разрозненные фрагменты керамики неоднозначно определялись типологически.

возведенных столбов – символов древа жизни», разводились священные огни и совершались обряды.

В целом вся историко-культурная территория Синташты в настоящее время представляет собой крайне разрушенный природный и культурный ландшафт. Земля деградирована от перевыпаса скота, остаются незакрытыми археологические раскопы 1972-1976 гг., которые были связаны с большим перемещением грунтов. Через памятник проходит высоковольтная ЛЭП, а также траншея водопровода, ныне заброшенная и до конца не рекультивированная.

Очевидно, что необходимо обустроить эту территорию как историческое достопримечательное место. Главным событием на пути к этому обустройству явилось возобновление раскопок на БСК. Начавшиеся раскопки ежегодно ведутся в очень щадящем и осторожном режиме. Мы как бы прислушиваемся к сохранившимся остаткам культурного слоя.

В результате вблизи подножия БСК в течение этих трех лет собирались удивительно пёстрые по составу, но очень гармоничные по своим идеям, целям и задачам отряды, объединившие специалистов разных направлений,

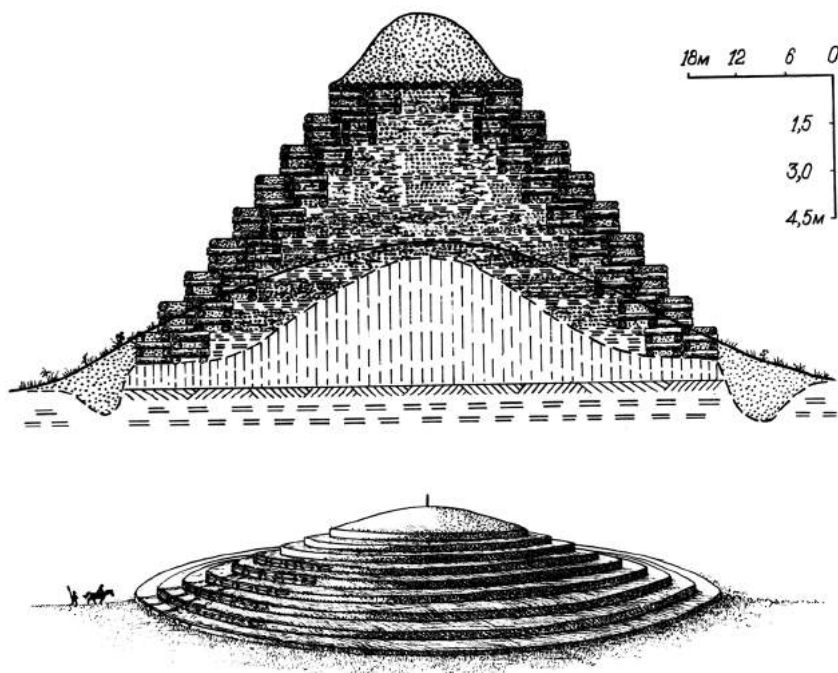

Рис. 3. Большой Синташтинский курган, реконструкция храма-святилища (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Рис. 213 в-г)

студентов, волонтеров не только из многих регионов России, но и из Казахстана, Украины, Польши (г. Краков) (фото 5).

Возникновение таких отрядов еще раз поставило перед организаторами экспедиции вопрос о современной археологии как о важном социокультурном явлении и необходимости сохранения уникального археологического наследия в его историческом ландшафте.

В раскопках, археологических замерах и наблюдениях, в поддержании многогранной жизни экспедиций участвовали студенты Южно-Уральского многопрофильного колледжа (г. Челябинск) и факультета Евразии и Востока ЧелГУ, бойцы студенческих археологических отрядов «Архонт» и «Алебастр» (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), школьники средней школы пос. Рымникский, волонтеры из Челябинска, Екатеринбурга, Новосибирска, Шадринска, Тюмени, Магнитогорска.

В полевые сезоны 2016-2018 гг. экспедиции пришлось решать множество исследовательских и иных задач. Исследования развернулись на всем пространстве древнего культурного комплекса, протянувшегося на левобережье Синташты почти на километр. На основе современных технологий был заново снят план комплекса, в целях воздушной разведки проводились съемки с квадрокоптеров. В «поле» и в лагере работала съемочная киногруппа из Москвы, собирая материал для документального фильма о современной археологии (режиссер И. Глиер).

Среди объектов археологических раскопок особое внимание было отведено Большому Синташтинскому кургану. В течение последних работ были уточнены многие представления об изначальной планировке кургана-храма (Зданович, Малютина, 2017. Рис. 2.2).

Масштабы и грандиозность этого древнего строительства хорошо представлены в предыдущих исследованиях. Однако наглядно, образно до нашего времени донесла их сохранившаяся бровка кургана шириной около 3 м, длиной более 80 м и высотой около 4 м. Эта бровка и явилась основным объектом нашего исследования.

Она содержала в себе часть центральной квадратной платформы для купольной конструкции с погребением, где по легенде покоились останки древнего старца (размеры платформы по В.Ф. Генингу – 36×36 м). В действительности же необходимо провести целый ряд изысканий по документам различных антропологических лабораторий Томска, Москвы, Уфы... Возможно и найдутся антропологические определения останков человека или нескольких человек из погребений БСК, которые в далекие 70-е были сделаны антропологами и затеряны в лихие 90-е.

Наши расчистки подтвердили, что основание гробницы и купол толоса возведены на древнем почвенном слое. В сохранившейся погребенной почве удалось дополнительно зафиксировать целый ряд столбовых ям.

Очевидно, конструкции толоса дополнительно укреплялись вертикальными столбами. Квадратная платформа толоса вписана по кругу в еще одну платформу, ограниченную круговой стеной и рвом. Платформы выстроены из темных, в основном гумусных блоков и заливных слоев, специально подготовленных грунтовых замесов. Высота платформы за пределами толоса составляет около 0,5-0,7 м. На внешний край платформы вокруг поставлена обводная стена, которая имела в древности высоту более 1,5 м и ширину 2-3 м. В итоге стена ограничивала пространство более 72 метров.

Значительной шириной и глубиной отличается обводной ров за стеной, достигая 3 м в глубину и 12 м в ширину. Поверхность темной платформы вместе с основанием купола покрыта ярким желто-коричневым слоем глины (рис. 2).

Выше идут массивные конструктивные элементы, на создание которых использованы тысячи и тысячи, если не миллионы, сырцовых кирпичей и блоков. В конструкции всего массива использовано огромное количество древесины, березы и сосны, ветки берез и лапник лиственницы, трава и камыш. Присутствуют также артефакты в виде фрагментов керамики, предметов из бронзы, металлургических шлаков, костей животных, зольных включений.

С западной стороны бровки на нижней платформе, в непосредственной близости от обводной стены, расчищены слои из дерева и глины, напоминающие крылья птицы, где остовом служила связка бревен берез с корой, покрытых слоями камыша и глины. Бревна в связки уложены согласно направлению обводного рва. К ним примыкали бревна радиального направления. Длина устроенного таким образом крыла, согласно материалам бровки, составляла не менее 9 м. Выше, слегка внахлест, на нем формировалось новое крыло из дерева камышового настила и глины. В итоге насчитывается 5-7 слоев такого взлета кургана ввысь (фото 3).

В восточной части бровки на темной гумусной платформе и слоях желтой и серой глины также лежат пласты дерева с камышом. Но выше ситуация совсем другая, чем с западной стороны. Достаточно далеко от обводной стены (10 м) бровка обнажила часть мощной многосоставной глинобитной кладки длиной более 9 м и высотой около 1,5 м. В основании кладки остатки древних очагов с керамикой синташтинского времени – при вскрытии рва разрезом вдоль бровки в его заполнении и на дне также обнаружена керамика синташтинско-аркаимской культуры. Возможно, перед нами мозаичные свидетельства существования здесь одной из ритуальных площадок, о которых писал профессор В.Ф. Генинг. Возможно, мы расчистили остатки помещения своеобразного «Храма огня» (фото 4).

Судя по расположению, помещение, возведенное на платформе, было впущено в толщу предыдущих напластований «кургана». Участки вертикально стоящих глинобитных кладок выделены нами около обводной стены и в

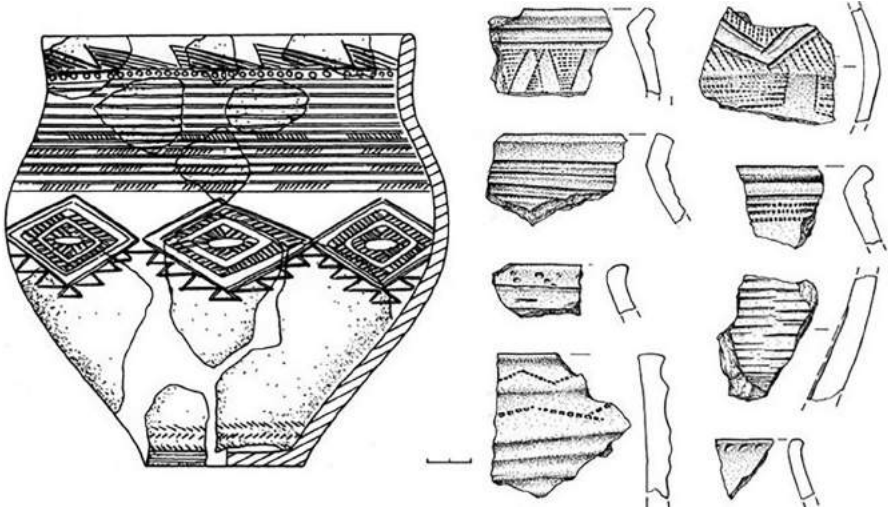

Рис. 4. Большой Синташтинский курган, сосуд из погребальной камеры и керамика в основании стены и из обводного рва

центральной части бровки. Их основания также покоились на слоях дерева и камыша на разных уровнях кургана. Несколько клетей из бревен размерами в пределах 4×5 м, были обнаружены в теле кургана В.Ф. Генингом (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 357). Они могли также принадлежать остаткам подобных помещений.

Если суммировать наблюдения В.Ф. Генинга и наши, скорее всего, тело кургана было организовано сложнее, чем это представлял В.Ф. Генинг при реконструкции кургана в виде ступенчатой девятиярусной пирамиды. Особенности расположения помещений и залегания различных напластований в верхней части кургана не согласуются с этой реконструкцией. Вполне возможно, что помещения создавались только с южной и восточной стороны. Они могли располагаться на разных уровнях «насыпи» (теперь уже рукотворной горы), которые могли формировать ступенчатый профиль кургана, но с гораздо меньшим количеством ярусов и другой ритмикой (фото 1). Судя по сохранившимся остаткам помещений и специфике залегания культурных остатков с западной стороны бровки, регулярную застройку девятиступенчатой пирамиды представить сложно. Имеющихся материалов для надежной реконструкции верхних сооружений кургана пока недостаточно. Нельзя исключать, что зафиксированные остатки стеновых кладок принадлежали помещениям, которые выполняли ритуальные функции.

В этом плане нам показалось интересным архитектурное сооружение, изображенное среди петроглифов Кобустана в Азербайджане (Ахундов, 1986.

С. 28). Подобные помещения и ниши сооружались в башнях зиккуратов в Месопотамии. Нижние ярусы зиккуратов окрашивали в черный цвет, средние в красный, верхние в белый. Символика формы зиккурата – «лестница в небо». Примечательно, что древнейшие зиккураты создавались как центры объединения земель и религий и посвящались объединению божеств и стихий (Шумер), позже – главному божеству, объединяющему весь пантеон богов. В Эламе древнейший зиккурат Чога-Замбиль (III-II тыс. до н.э.) был основой, вокруг которой рос и развивался город Дур-Унташ. Немногочисленное население города непрерывно занималось строительством этого зиккурата. Город существовал, пока строился зиккурат (Архитектура..., 1970. С. 196, 202).

Это далекие параллели. Присутствуют интересные факты и совсем рядом. На могильнике СМ, что расположен у юго-восточной полы Большого Синташтинского кургана, в непосредственной близости от обводного рва, исследованы остатки небольшого домика из глины и дерева (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. С. 237). Он имел те же размеры, что и часть помещений в насыпи (4,8×4,2 м). Строение явно выполняло ритуальные функции.

При изучении центральной части бровки обнаружены следы избыточной увлажненности древних почв. Расчистка и изучение материкового грунта около бровки, то есть на месте платформы толоса, совместно с почвоведом и геологами показала наличие древнего русла. Это привело к неожиданному предположению: БСК был возведен над родником?! С учетом множества следов возжигания огней на платформах кургана перед нами свидетельства сочетания культов Огня и Воды. На особую роль родников при сооружении элитных больших курганов обращали внимание ученые на разных территориях степей Евразии. Для нас важны подобные наблюдения в Оренбургском Приуралье (Богданов, 2004. С. 136-147). Возможно, что связь с родником и колодцем обусловила расположение кургана на уступчатом склоне террасы, а не на коренной возвышенности. Такое количество сырцовых блоков, заливных грунтовых слоев невозможно сделать без воды.

Все эти важные архитектурно-обрядовые детали БСК ставят все новые проблемы. Является ли храмово-погребальный комплекс оригинальным сооружением или в нем заложена какая-то вторичная идея, уводящая нас к зиккуратам Древнего Востока? А может быть, его особенности определяются архетипическими связями с древнейшими храмами иранских народов...

Отдельным направлением работ стал отбор проб погребенных и современных фоновых почв, строительных почвогрунтов, сырцовых блоков-«кирпичей» и различных остатков органического происхождения. Собранные образцы измеряются многими десятками экземпляров, и после проведения анализов полученные данные позволяют уточнить аспекты хронологии, функционирования и структуры БСК.

Уже собирается значительная серия радиоуглеродных дат, выполненных по дереву и погребенным почвам, которые свидетельствуют

о раннем времени бытования кургана и возникновении его на рубеже III-II тыс. до н. э. Соответственно этим датам, памятник входит в круг монументальных больших курганов, возникших и распространившихся в Предкавказье и на юге Русской равнины в III тысячелетии до н. э., в эпоху ранней и средней бронзы вместе с населением древнеямной общности. В настоящее время БСК является единственным сооружением этого времени и таких масштабов в Урало-Казахстанских степях.

Мог ли возникнуть курган раньше, чем укрепленное поселение и могильники Синташты (СМ, СI, СII, СIII)? Многие основополагающие комплексы культуры Аркаим – Синташта содержали в своей основе погребение, курган или целый могильник предшествующего времени, связанные с погребальным обрядом ямной общности. Такая ситуация присутствует на Аркаиме, Кизильском, Ишкииновском, Потаповском и Утевском комплексах. Не таинственные ли это отметки предков на вновь осваиваемых пространствах?

Почему в Синташтинском комплексе памятников могильники синташтинского времени располагаются вокруг БСК, но их нет под самим курганом? Не значит ли это, что начало строительства платформы колосса относится к более раннему времени?

БСК мог формироваться раньше или одновременно с укрепленным поселением. Фрагменты керамики и другие предметы, обнаруженные в толще БСК, аналогичны предметам поселения Синташта всех трех периодов его обитания. Возможно, могильники СМ, СI, СII, СIII постепенно формировались вокруг него.

Осмысливая проблемы вокруг БСК, необходимо еще раз подчеркнуть, что памятник находится в стадии исследования и более надежные интерпретации его материалов впереди. Пока мы предлагаем во многом интуитивные реконструкции.

Особый колорит БСК подчеркивает вновь выявленная «церемониальная площадка» (объект CV) у западного подножия, которая частично изучена нами в 2016 году (фото 6). На современной поверхности «площадка» была обозначена выступающими верхушками камней – невысоких менгиров. В ходе раскопок стало очевидно, что менгиры соединены друг с другом канавками с выкладками камней. Также были выявлены ямки с углями и останками трупосожжения. Смысл образованных таким образом «линий» пока не вполне понятен, но вполне очевидно, что здесь отражены астрономические/астрологические и нумерологические представления древних, которые бытовали в эпоху бронзы.

Отдельным объектом археологических раскопок стал памятник, который мы назвали Синташта IV (С IV), расположенный на самой северной периферии комплекса, в 60 м от Малого грунтового могильника (С II). На исследованной раскопом площади 170 м² было выявлено четыре погребения (Зданович, 2017). Два из них уверенно датируются ранним железным веком (I тыс.

до н. э.) – разными этапами присутствия культуры кочевников-сарматов в Южном Зауралье. В захоронениях обнаружены железный кинжал, наборы наконечников бронзовых стрел, пряжки из металла и кости, лепные сосуды (фото 7). В раскопе также найдена керамика поздних этапов бронзового века (предположительно от XIII в. до н. э.). Обнаружение С IV развивает хронологию и «культурную географию» Синташтинского комплекса, который, как выясняется, почитался последующими поколениями людей на протяжении тысячелетий.

В 2019 году планируется продолжить исследования по синташтинскому проекту. Генеральной целью нашей работы по-прежнему является сбор научной информации об уникальной культуре древнего мира, но и для продолжения истории Синташты в качестве культурно-археологического комплекса теперь уже в жизни современных людей.

Особое значение в этом году приобретает работа по созданию программы реабилитации земельных участков и музеефикации историко-культурного комплекса Синташты и поиски реальных возможностей ее воплощения. В соответствии с этой программой будут продолжены раскопки на БСК. Археологические исследования необходимы и в ближайшей округе Синташты, где в последнее время выявлены курганы эпохи бронзы и погребальные поля времени кочевников раннего железного века и средневековья.

Есть реальные возможности реабилитации и обустройства Синташты и прилегающей территории. В содружестве с администрацией поселка Рымникский, администрацией Брединского муниципального района и Брединским лесничеством можно начать реализацию создания зоны лесных массивов в ближайшей округе, обустроить места отдыха и рыбалки на реке Синташта. Построенная в 2018 году памятная ротонда должна стать центром остановочного комплекса, откуда можно будет совершать пешие прогулки на памятник.

Для успеха нашего проекта очень важно создать привлекательные условия для развития туризма на всей территории Брединского района. В этом отношении желательно использовать потенциал района в рамках «зеленого туризма», при формировании широкого интереса к памятникам природы, народным промыслам, быту, экологическому питанию.

Конечно, для создания комфортной рекреационной территории в округе Синташтинского культурного комплекса необходимо приложить немалые усилия, крепить и не потерять волю к исполнению этого благого дела. Надеемся, что поддержка нашего проекта в этом году расширится.

Сохранение археологического наследия, его обустройство и включение в современную культуру через заповедование и туристическую инфраструктуру – наша общая задача, как государственных организаций, так и общественности.

Синташта – уникальный комплекс культуры и природы, тысячелетиями притягивающий к себе людей. Это притяжение мы ощущаем и сегодня. И мы уверены: у Синташты есть будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Архитектура Древнего мира. Отв. ред. О.Х. Халпахчян. Всеобщая история архитектуры. Т.1. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Стройиздат, 1970. 512 с.

Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986. 311 с.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 285 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Большой Синташтинский курган – древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии. К перспективе исследований // Горизонты цивилизации: материалы VIII аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 68-84.

Зданович Д.Г. Синташта: территория Места. // Горизонты цивилизации: материалы VIII аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 85-98.

Плаксына А.Л., Задорина П.К. Создание комплексного ландшафтно-исторического особо охраняемого объекта на примере археологического комплекса Синташта // Степи северной Евразии: материалы VIII Международного симпозиума. Оренбург: Институт степи УрО РАН, 2018. С. 769-772.

Стефанов В.И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // Российская археология. №1. 2009. С. 18-24.

Хохлова О.С., Хохлов А.А, Гольева А.А, Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Естественнонаучные исследования Большого Синташтинского кургана в Челябинской области // Вестник Оренбургского государственного университета. №10 (92). 2008. С. 150-156.

Ф.Н. Петров

Что мы узнали о «Стране городов» за последние 10 лет?

Условное название «Страна городов» широко используется в настоящее время для обозначения совокупности археологических памятников эпохи бронзы – укрепленных поселений с регулярной планировкой, а также связанных с ними курганных могильников, неукрепленных поселений и медных рудников. Эти археологические памятники располагаются на территории урало-казахстанских степей, в основном – в Челябинской области к югу от реки Уй, а также в прилегающих районах Зауральской Башкирии, Оренбуржья и Северного Казахстана.

При всей распространенности термина «Страна городов» он вызывает критические оценки в научном сообществе, поскольку содержит в себе существенные неточности. Степные укрепленные поселения являются очень интересными и необычными для своего времени поселками, но они ни в коем случае не были городами, да и слово «страна» в данном случае также носит условный литературный характер. Для зауральской эпохи бронзы «Страна городов» – это некорректно заимствованный исторический термин, калька со средневекового названия Древней Руси у скандинавских народов. Однако с 1992 года он активно используется в решениях Челябинского областного совета народных депутатов и Законодательного Собрания Челябинской области, что легитимировало этот изначально весьма неудачный термин.

В литературе широко распространено мнение о компактности «Страны городов», приуроченной к ландшафтам Зауральского пенепплена (Зданович, Батанина, 2007. С. 6-7, 22). Однако при таком подходе в составе «Страны...» не учитывают три укрепленных поселения из Северо-Казахстанской области, принимают в расчет только одно из двух поселений, известных в Костанайской области, а также опускаются два аналогичных памятника из Зауральской Башкирии и не учитываются сведения о широком распространении синташтинских погребальных сооружений на территории Костанайской и Оренбургской областей. Все эти памятники существенно расширяют территорию так называемой «Страны городов», о которой мы должны говорить не просто как о зауральском феномене, а как о явлении, характеризующем период в развитии широкого пространства урало-казахстанских степей.

Самым известным археологическим памятником «Страны городов» является поселение Аркаим, обнаруженное в 1987 году. Однако целый ряд поселений был открыт существенно раньше. Самыми первыми можно считать поселение Кизильское, обнаруженное В.С. Стоколосом в 1968 году,

и поселение Синташта (Рымникское II), открытое Т.Н. Чебаковой в 1967 году. Если же отнести к числу памятников «Страны городов» еще и Малокизильское селище, с чем согласны далеко не все специалисты, то получится, что самое первое укрепленное поселение было открыто в Южном Зауралье еще в 1948 году. К сожалению, открывший и исследовавший его в 1949-1950 гг. К.В. Сальников не до конца разобрался в изучаемом памятнике, принял за разнообразные погребения и жертвоприношения останки людей и животных, погибших, судя по всему, во время его штурма, и не опознал ров как элемент внешней ограды поселения (Сальников, 1952. С. 58-59), которым он, возможно, являлся.

Близкая ситуация была и с целым рядом других памятников, открытых в числе первых. На одних из них сначала не были обнаружены обводные стены, рвы и следы регулярной застройки, на других эти следы фиксировались лишь фрагментарно и долгое время не создавали целостной картины. Постепенно накапливались факты, в том числе по архитектуре поселений, по специфической керамике, украшениям и погребальному обряду расположенных рядом с поселениями могильников.

Прорыв в открытии и понимании археологических памятников «Страны городов» был связан с масштабным применением к их поиску и изучению метода дешифрирования аэрофотоснимков. Подробнее об этом можно посмотреть в статье «Заповедник «Аркаим»: четвертьвековой юбилей», размещенной в этом сборнике. Мы же здесь заострим внимание на результате. На территории урало-казахстанской степи в итоге было найдено 28 (с учетом Малокизильского) укрепленных поселений эпохи бронзы: 5 на территории Северного Казахстана и 23 на территории трех регионов России, причем больше всего поселений, 20, было обнаружено в южных районах Челябинской области (рис. 1). Поблизости от них, а также на территории прилегающих регионов был исследован целый ряд могильников, в том числе относящихся к раннему периоду существования этих поселений.

Последние открытия укрепленных поселений «Страны городов» были сделаны в 2003 году, в Нагайбакском районе Челябинской области было найдено поселение Париж (Астафьевское), а в Баймакском районе Республики Башкортостан – поселение Селек. К 2009 году все открытые памятники «Страны...» были осмотрены специалистами, на большинстве из них было выполнено разведочное обследование, на 14 укрепленных поселениях из 28 проведены раскопки разной площади.

В результате исследований было определено, что архитектура укрепленных поселений «Страны городов» действительно делает их уникальными для широких пространств Евразийской степи эпохи бронзы. Жилищные конструкции этих поселений представляли собой не отдельно стоящие дома, а целые жилые комплексы, образованные из множества крупных помещений, каждое из которых имело подпрямоугольную форму,

каркасно-столбовую конструкцию, было несколько углублено в землю и соединялось с соседними помещениями через общие стены.

Такие комплексы, включающие в себя зачастую десятки жилых помещений, располагались на местности или параллельно друг другу, по двум сторонам своеобразной улицы, или радиально, вокруг центральной площади. Наружные стены жилых комплексов объединялись друг с другом и образовывали общую обводную стену вокруг поселения, за которой проходил внешний ров. Окруженная общей стеной площадь поселений, как правило, составляла около 20 тысяч м².

Было установлено, что хозяйство населения «Страны городов» базировалось на придомно-отгонном скотоводстве, заметную роль в хозяйстве играла металлургия меди и бронзы. Медную руду добывали из зауральских месторождений. Расположенные рядом с поселениями курганные могильники демонстрируют богатую погребальную обрядность, в них часто встречаются коллективные захоронения, делавшиеся, судя по всему, в долго функционировавшие ямы-склепы. В могильных ямах сооружались деревянные погребальные камеры, обряд захоронения сопровождался жертвоприношениями животных, вместе с погребенными в ямы помещался многочисленный инвентарь. В некоторых могильных ямах были зафиксированы остатки деревянных колес со спицами или даже целых колесниц, являющихся на сегодня древнейшими в мире колесницами с пароконной запряжкой.

Начало существования «Страны городов» было датировано периодом конца третьего тысячелетия до н.э. и связано с населением синташтинской археологической культуры. Также было установлено, что большинство укрепленных поселений «Страны...» – многослойные, они неоднократно перестраивались и строились заново. Самые ранние, синташтинские культурные слои сменяются на них материалами и развалами построек, оставленных населением петровской археологической культуры. Многие поселения оставались обитаемы вплоть до конца эпохи бронзы – всё II тысячелетие до н. э., на них продолжали жить представители срубной, алакульской, федоровской, черкаскульской, межовской и саргаринско-алексеевской археологических культур.

Таким образом, к 2009 году в результате исследований «Страны городов» целым рядом научных коллективов удалось определить некоторые основные характеристики этого культурного явления. Однако многие знания о населении «Страны...» и его культуре оставались на уровне дискуссионных гипотез, многие намеченные в исследованиях проблемы были еще далеки от своего решения.

В настоящей статье мы посмотрим, чего удалось достичь различным научным коллективам за последние 10 лет в изучении «Страны городов» и всего комплекса археологических памятников синташтинской и петровской

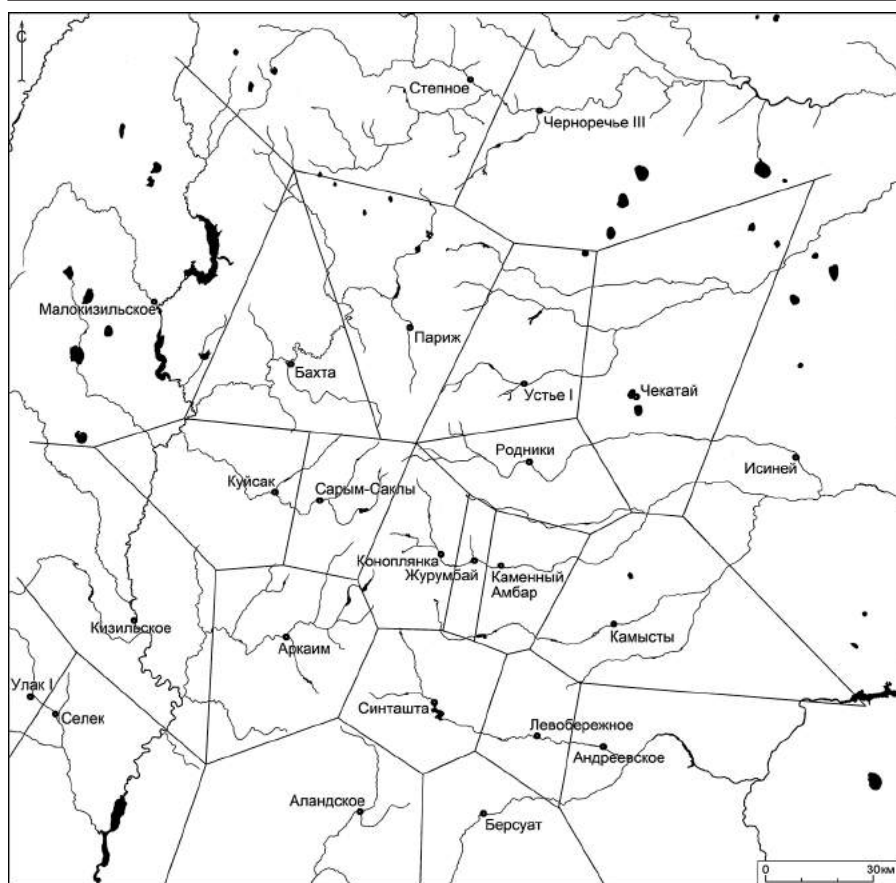

Рис. 1. Укрепленные поселения эпохи бронзы в Зауральской степи. Условная зона влияния каждого поселения показана по методу построения полигонов Тиссена (Клейн, 2011. С. 277)

культур бронзового века урало-казахстанских степей. Конечно, в рамках небольшой статьи невозможно рассказать обо всех находках и описать все выполненные работы, поэтому мы сосредоточимся на том, какие новые находки изменили и уточнили существующие научные представления.

Наиболее масштабные работы прошедшего десятилетия проводились на археологических памятниках «Страны городов» в бассейне реки Карагайлы-Аят в Карталинском районе Челябинской области в рамках российско-германского междисциплинарного научно-исследовательского проекта по программе «Эпоха бронзы севера Центральной Евразии», разработанной в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. В работе участвовал целый ряд отечественных академических институтов и

Франкфуртский университет имени Иоганна Вольфганга Гете. С российской стороны проектом руководила доктор исторических наук Л.Н. Корякова, с германской – профессор Р. Краузе. В реализации проекта приняли участие многие уральские археологи, из наиболее известных имен здесь можно назвать А.В. Епимахова, Н.А. Берсенева, С.В. Шарапову, С.Е. Пантелееву и И.В. Чечушкова. На археологических памятниках работали также десятки специалистов по естественным наукам (Корякова, Краузе, 2015).

Исследования в рамках данного проекта были сфокусированы на изучении трех укрепленных поселений, расположенных по берегам реки Карагайлы-Аят: Каменный Амбар, Коноплянка и Журумбай. Однако, кроме того, работы проводили и на многих других археологических памятниках. Так, например, в ходе геофизических исследований была получена детальная информация об объектах без разрушения культурного слоя не только на перечисленных памятниках, но и на укрепленных поселениях Сарым-Саклы, Родники, Андреевка и Куйсак, а также на целом ряде курганных могильников и на двух рудниках (Носкевич, Федорова, Корякова и др., 2012; Krause, Korjakova, 2014).

В рамках российско-германского проекта впервые в отечественной археологии было выполнено лазерное сканирование поверхности археологических памятников. В сочетании с данными раскопок и микромагнитной съемки это позволило создать трехмерную реконструкцию поселения Каменный Амбар, которая является на сегодня самой качественной и обоснованной реконструкцией внешнего облика одного из укрепленных поселений «Страны городов».

Именно на поселении Каменный Амбар в рамках данного проекта были проведены наиболее масштабные археологические раскопки (Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011). Восемью раскопами было исследовано четыре участка внешней обводной стены и рва, два входа в поселение, остатки шестнадцати построек и целый ряд структур, находившихся внутри построек и за их пределами (фото 1-3). Раскопами было вскрыто 2 790 м², что поставило Каменный Амбар на четвертое место по объему вскрытой площади среди всех зауральских укрепленных поселений «Страны городов» после Аркаима, Синташты и Устья.

Однако по качеству исследований и по уровню примененных методик именно Каменный Амбар, несомненно, вышел на первое место. Раскопки широкой площадью сочетались здесь с максимальным вниманием к микростратиграфии, просеиванием и флотацией слоя, применением методов фотограмметрии, трехмерной индивидуальной фиксации находок и многими другими современными методами, которые ранее или вообще не применялись при изучении поселений «Страны городов», или же применялись на заметно более ограниченных площадях или на менее высоком технологическом уровне.

Небольшой раскоп площадью 96 м² по той же методике был выполнен и на укрепленном поселении Коноплянка (Шарапова, Краузе, Молчанов и др., 2014).

Изучение древней архитектуры позволило специалистам сделать выводы о том, как менялась застройка на укрепленных поселениях. Так, для поселения Каменный Амбар было выделено два основных этапа застройки. Первый из них связан с синташтинской и петровской археологическими культурами и датируется по результатам радиоуглеродного анализа периодом между 2030 и 1870 гг. до н. э., а второй связан с сочетанием элементов срубной и алакульской культур и датируется периодом между 1980 и 1780 гг. до н. э. (Erimakhov, Krause, 2014).

Наиболее ранние жилища поселения имеют прямоугольную форму и в целом тяготеют к синташтинскому «стандарту», широко известному, в частности, по результатам раскопок поселения Аркаим. Однако уже в конце синташтинско-петровского периода на Каменном Амбаре появляется новая архитектурная модель: большая комбинированная постройка, состоящая из двух жилищ, связанных между собой, имеющих единое конструктивное решение, но несколько различающихся функционально. При этом одно из связанных друг с другом жилищ имело однозначно жилой характер, а во втором фиксируется больше признаков хозяйственной деятельности (рис. 2).

Скорее всего, такая комбинированная постройка могла сосуществовать вместе с традиционным одночастным жилищем. При этом в поздний, срубно-алакульский, период архитектурно-строительной деятельности на поселении жилища предыдущего времени, судя по полученным данным, могли использоваться для хозяйственных занятий, например, манипуляций, связанных с металлургией или обжигом керамики. При этом в данное время на площадке поселения возводились и отдельные хозяйственные постройки (Корякова, Кузьмина, 2017. С. 100).

В культурном слое указанных поселений в результате проведения флотации было обнаружено большое количество костей щуки, окуня, а также рыб семейства карповых. Это позволило сделать вывод, что вместе с молоком и мясом рыба играла существенную роль в рационе обитателей поселений «Страны городов» (Корякова, Краузе, 2015. С. 83).

В ходе изучения костей животных на поселениях долины реки Карагайлы-Аят впервые в археологии Южного Урала был отмечен такой интересный феномен, как остеофагия домашних копытных. На некоторых костях были обнаружены следы их погрыза крупным рогатым скотом, овцами и козами, а отдельные кости даже побывали в желудках у коров.

Более того, аналогичные случаи были обнаружены и при изучении современных скотоводческих хозяйств региона. Механизм и причины этого процесса еще подлежат дальнейшим исследованиям специалистов (Рассадников, 2017).

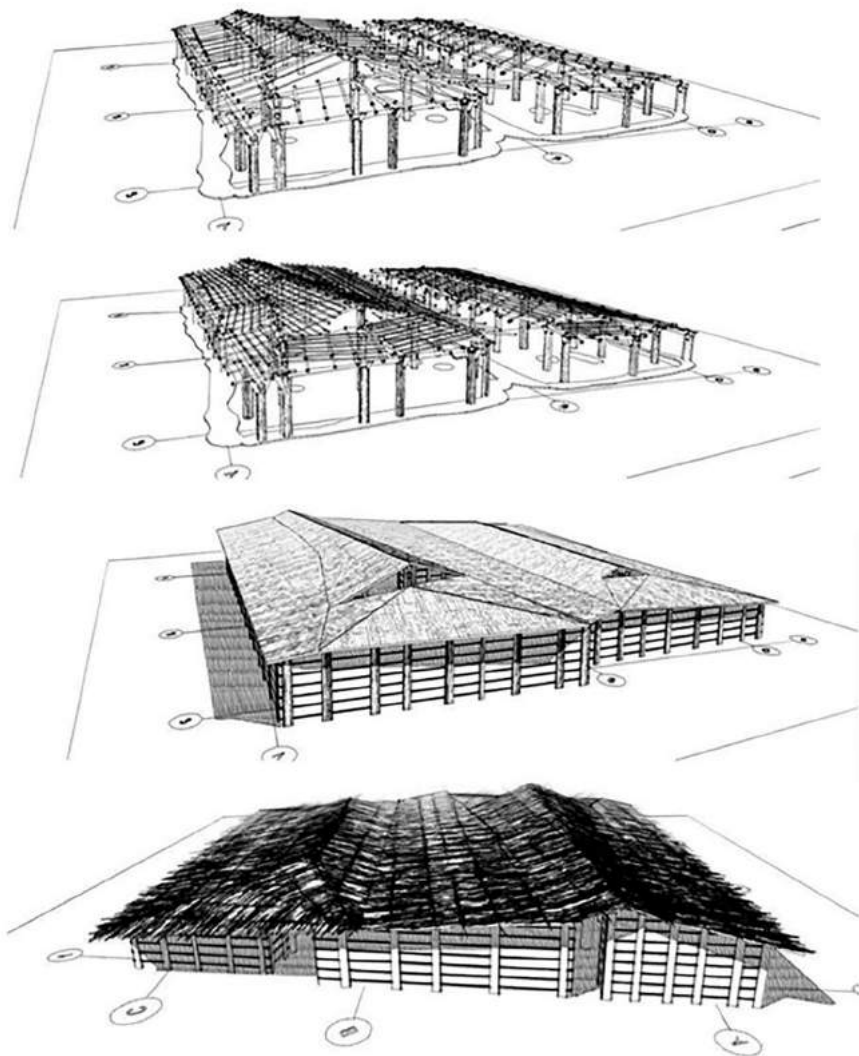

Рис. 2. Поселение Каменный Амбар, комбинированная постройка синташинско-петровского периода. Реконструкция (Корякова, Кузьмина, 2017. Рис. 3)

Проведенный анализ пыльцы и обугленных семян растительности из культурного слоя поселений Каменный Амбар и Коноплянка показал наличие дикорастущих видов растений, характерных для степи и лесостепи. При этом, в частности, были обнаружены остатки ольхи, которая в настоящее время не произрастает в данном районе. Однако никаких следов культурных растений обнаружено не было, что подтверждает факт полного отсутствия земледелия у населения «Страны городов» (Корякова, Краузе, 2015. С. 83).

Жители укрепленных поселений были степными скотоводами, и новые данные совместных российско-германских исследований убедительно показали, что именно скотоводство и было основой их хозяйственной деятельности. Большое значение для определения особенностей хозяйства населения «Страны городов» имели трасологические исследования микроследов на орудиях, проведенные И.В. Молчановым. Для раннего, синташтинско-петровского, периода существования поселений им были выделены орудия, использовавшиеся в горном деле, металлургии и металлообработке, кожевенном и ткацком деле, гончарном производстве, обработке камня, кости, краски и дерева. Их изучение позволило сделать вывод, что жители укрепленных поселений практиковали многоотраслевое хозяйство, основу которого составляло скотоводство, сочетавшееся с целым рядом домашних производств, наиболее заметное место в числе которых занимали металлургия и металлообработка (Молчанов, 2013. С. 8).

Анализ орудий труда и металлургических остатков из культурных слоев срубно-алакульского времени, соответствующих постсинташтинскому населению укрепленных поселений Зауральской степи, показал уменьшение роли металлургии и некоторое общее обеднение технологического разнообразия, при сохранении основных трудовых навыков и функциональной типологии орудийного комплекса (Молчанов, 2013. С. 14).

После окончания основного этапа полевых исследований укрепленного поселения Каменный Амбар в рамках совместного российско-германского проекта в его окрестностях продолжились междисциплинарные исследования, которые проводили специалисты, участвовавшие ранее в этом проекте. Так, с 2014 года совместная археологическая экспедиция Института истории и археологии УрО РАН и Южно-Уральского государственного университета под руководством А.В. Епимахова и Н.А. Берсеновой возобновила изучение курганного могильника Каменный Амбар V. Раскопкам предшествовали геофизические исследования, были исследованы погребения синташтинской культуры и раннего этапа срубной культуры (Берсенова, Епимахов, 2017).

Еще одним интересным направлением работы стали исследования непосредственных окрестностей укрепленного поселения Каменный Амбар, которые организовал И.В. Чечушков. За пределами обводного рва поселения был выполнен почвенный зондаж по регулярной сетке с шагом

25 м, которая покрыла общую площадь 52 000 м², отобрано 126 почвенных проб, выполнено девять разрезов и заложено 24 шурфа. Результатом этих работ стал вывод о довольно активном использовании целого ряда участков за стенами поселения, в том числе в синташтинско-петровский период его существования. Авторы исследования предположили, что здесь могло находиться неукрепленное поселение, жители которого в летний период занимались отгонным скотоводством, а зимой жили под стенами поселка, который населяла элита синташтинского общества (Чечушков, Якимов, Бачура и др., 2018). При всем спорном характере этой интерпретации она является интересным шагом вперед в моделировании различных вариантов социального устройства «Страны городов», а материалы, на которых она базируется, сами по себе имеют большую ценность для дальнейших исследований.

Еще одним важным местом, на котором в последние десять лет проводились не просто раскопки, а широкие мультидисциплинарные исследования археологических памятников «Страны городов», был район села Степного на реке Уй, на территории Пластовского района Челябинской области. Здесь еще с 2001 года работала совместная археологическая экспедиция Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» и Челябинского государственного университета, исследовавшая могильники бронзового века в окрестностях поселения Степное – самого северного из укрепленных поселений «Страны...».

В 2008-2009 годах эта археологическая экспедиция под руководством Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановича выполняла раскопки и комплексные междисциплинарные исследования на укрепленном поселении Степное. Как и работы в долине реки Карагайлы-Аят, они проводились в рамках международного сотрудничества, только уже не с германскими, а с американскими и британскими исследователями. В их числе были профессор Питтсбургского университета Б. Хэнкс, Р. Дунан и К. Мерони из Университета Шеффилда. В ходе работ изучались древние почвы, палеоботаника, проводилась микромагнитная съемка и электроразведка. Раскопками на поселении Степное было вскрыто 220 м², изучен участок обводной стены и рва, фрагменты жилищ и располагавшийся за стеной поселения зольник (Зданович, Куприянова, Хэнкс и др., 2010).

Эти работы, как и раскопки укрепленных поселений Каменный Амбар и Камысты, проводились на современном методическом уровне, с подробной фиксацией, контекстной выборкой отдельных объектов и тщательным просеиванием всего культурного слоя.

В жилой зоне поселения было выявлено наличие двух синташтинских строительных горизонтов. Установлен факт достаточно широкого освоения площадки поселка в эпоху финальной бронзы, материалы которой были определены как принадлежащие к саргаринско-алексеевской

археологической культуре. Исследователями была установлена убедительная стратиграфическая картина: культурный слой с саргаринско-алексеевской керамикой перекрывал слой с керамикой синташтинской культуры, что однозначно свидетельствовало о более позднем заселении площадки в саргаринское время.

Особенный интерес представляет зольник, исследованный рядом с поселением Степное. В нем преобладали материалы синташтинской культуры, при наличии также несколько более поздней керамики с петровскими культурными чертами. Таким образом, рядом с укрепленным поселением «Страны городов» впервые было обнаружено место, в которое ссыпалась зола из печей на раннем этапе функционирования поселка (Зданович, Куприянова, Хэнкс и др., 2010. С. 139).

Большое значение для понимания истории и архитектуры поселения Степное имели работы Н.С. Батаниной и С.А. Батанина, которые выполнили съемку инструментального плана и, сопоставив его с материалами аэрофотосъемки разных лет и результатами геофизических исследований, предложили новую модель дешифрирования аэрофотоснимков поселения (Батанина, Батанин, 2015). Существовавшие ранее модели дешифрирования аэрофотоснимков данного поселения выделяли в его истории два строительных горизонта: на первом этапе поселок имел овальную форму и радиальное расположение жилищ, а на втором – поверх остатков овального поселка был построен новый прямоугольный поселок с достаточно сложной внутренней планировкой и линейным расположением жилищ (Зданович, Батанина, 2007. С. 162, 164).

Однако новые исследования позволили определенно установить, что зафиксированный на аэрофотоснимках облик поселения сформировался в результате наложения друг на друга как минимум четырех разновременных поселков. И хотя авторы работы по историографической традиции еще именуют первое из этих поселений «овальным», опубликованные ими материалы скорее говорят о том, что на поселении Степное последовательно сменили друг друга четыре прямоугольных поселка (Батанина, Батанин, 2015. С. 56).

В дальнейшем исследования археологических памятников у села Степное были продолжены. В основном исследовались курганные могильники, расположенные в непосредственной близости от укрепленного поселения и оставленные, судя по всему, его жителями. В 2010-2011 и 2014 годах раскопки могильника Степное I проводила сперва археологическая экспедиция Заповедника «Аркаим» и Челябинского университета под руководством Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановича, а затем экспедиция только университета под руководством Е.В. Куприяновой (Куприянова, 2016). В 2016 году исследования продолжаются, и эта же экспедиция выполнила новые раскопки на могильнике Степное VII (Куприянова, 2017).

Эти работы позволили изучить целый ряд очень ярких погребальных комплексов, относящихся к синташтинской, петровской и алакульской культурам (фото 4-6).

Особенный интерес представляют погребения с атрибутами колесничного дела: многочисленными псалями (костяными устройствами для управления лошадью в запряжке) и также ямками для установки колёс в дне могильной ямы (рис. 3). Кроме того, были исследованы несколько погребений с богатыми женскими головными уборами, а в погребении двух подростков был найден бронзовый кинжал с художественной рукоятью, являющийся на сегодня, вероятно, самым выдающимся образцом оружия бронзового века, обнаруженным в Зауральской степи (фото 7).

Многолетние исследования комплекса памятников у села Степное позволили Е.В. Куприяновой сделать ряд принципиально новых выводов о сосуществовании в обществе «Страны городов» населения, относимого сегодня к разным археологическим культурам. Так, по ее мнению, «синташтинское и петровское населения в данном микрорайоне существовали частично синхронно, и, возможно, эти культурные феномены можно интерпретировать как две элитные группы общества, выполнявшие различные функции и различающиеся по родовому, социальному, профессиональному или иному принципу» (Куприянова Е.В., 2015. С. 70). При этом «на роль имущественной элиты претендует как раз петровское население.

При сравнении материалов синташтинских и петровских погребальных комплексов по параметрам богатства именно петровские чаще всего демонстрируют то, что можно считать избыточностью, роскошью» (Куприянова Е.В., 2015. С. 69). Также, по оценке автора исследований, более позднее алакульское население микрорайона «не считало себя чем-то отличным от петровского, органично продолжая традиции и достраивая уже существующие погребальные комплексы, а также, возможно, сохраняя и используя артефакты предыдущего периода. Таким образом, ... петровские и алакульские погребения могильника оставлены одной группой населения, разнясь лишь по времени создания» (Куприянова, 2017. С. 103).

Вероятно, не все специалисты согласятся с этими выводами, но в любом случае большую ценность представляет такое изменение подходов к изучению археологических культур. Во многих традиционных исследованиях все эти культуры имплицитно, без всяких серьезных оснований, рассматриваются как аналоги сменявших друг друга «племен» или «племенных групп», что предполагает очень одномерную модель отражения социальной действительности в археологическом материале. Тот подход, который реализует Е.В. Куприянова, представляется заметно более перспективным.

Говоря об исследованиях «Страны городов» в последнее десятилетие, мы должны остановиться также на раскопках археологической экспедицией

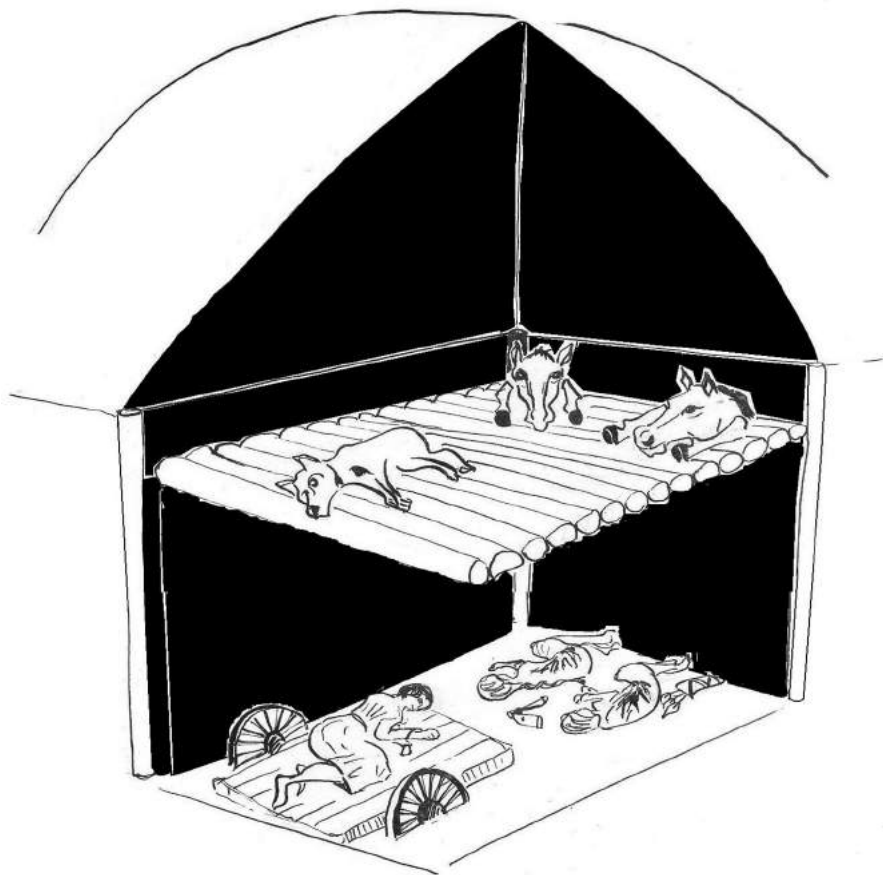

Рис. 3. Могильник Степное I, курган 1, яма 2 – графическая реконструкция погребения (Куприянова, 2016. Рис. 65)

Заповедника «Аркаим» поселения у поселка Комсомольский Брединского района Челябинской области. Здесь, на берегу реки Синташта, с 2015 года полевой отряд под руководством автора настоящей статьи и Н.С. Батаниной изучает укрепленное поселение Левобережное (Синташта II). В работах принимают участие сотрудники, преподаватели и студенты Челябинского университета, участники клуба юных археологов «Формика» и Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие», специалисты из целого ряда российских академических институтов, а также из Питтсбургского университета.

В плане методики работ полевой отряд, исследующий поселение Левобережное, ориентируется на методические приемы, применявшиеся

российско-германской археологической экспедицией при изучении поселения Каменный Амбар. К настоящему времени на поселении уже исследовано три раскопа и 12 шурфов, суммарная вскрытая площадь составляет 333 м² (рис. 4, фото 8). На двух участках поселения общей площадью 1 592 м² выполнена микромагнитная съемка (Носкевич, Угрюмов, Петров и др., 2018). По территории памятника и его окрестностей проведен целый комплекс работ, включающий в себя ландшафтно-геологические, геоботанические, палеоботанические, почвоведческие и гидрологические исследования, тахеометрическую съемку и построение 3D-модели рельефа современной поверхности (Петров, Батанина, Малая и др., 2017).

Само поселение Левобережное демонстрирует наиболее распространенный в «Стране городов» способ линейной пространственной организации жилого комплекса. На раннем, синташтинско-петровском этапе существования его центральная часть представляла собой два жилых комплекса, каждый из которых состоял по меньшей мере из 12 пристроенных друг к другу, углубленных в материковый грунт жилищ. Эти жилые комплексы были вытянуты параллельно друг другу по обеим сторонам центральной улицы и окружены общей стеной и внешним рвом. В центральной части поселение пересекает внутренний ров, возможно, связанный с конструкцией ограждения уменьшившегося в какой-то момент поселка.

На позднем, черкаскульско-межовском, этапе существования поселения, в его западной части поверх пяти ранних жилищ в их же котлованах были размещены более существенно углубленные в материковый грунт жилища. Они имели в целом такую же, как и на раннем этапе, каркасно-столбовую конструкцию. Еще одно, относящееся, скорее всего, к этому же периоду жилище было сооружено за пределами рва; в это время сам ров был заполнен золой из печей, а остатки общей стены поселения местами полностью сnivelированы.

Площадь центральной части поселения в пределах синташтинско-петровского рва составляет 16 тыс. м², при этом с наружной стороны рва фиксируются следы хозяйственной деятельности как синташтинско-петровского, так и черкаскульско-межовского времени: культурный слой и следы, вероятно, каких-то временных построек. Таким образом, общая площадь памятника достигает 44 тыс. м².

Раскопами на поселении к концу полевого сезона 2018 года были прослежены участки котлованов трех ранних жилищ подпрямоугольной формы, переиспользованных в эпоху финальной бронзы, фрагмент внешнего рва поселения и ранний колодец. Самое крупное из исследуемых жилищ имело размеры более чем 16 x 11 м, и его котлован был заглублен в слой материковой супеси на глубину до 1 м. Судя по остаткам строительных конструкций, жилище было построено в традиции каркасно-столбовой архитектуры; при этом два параллельных ряда деревянных столбов вдоль

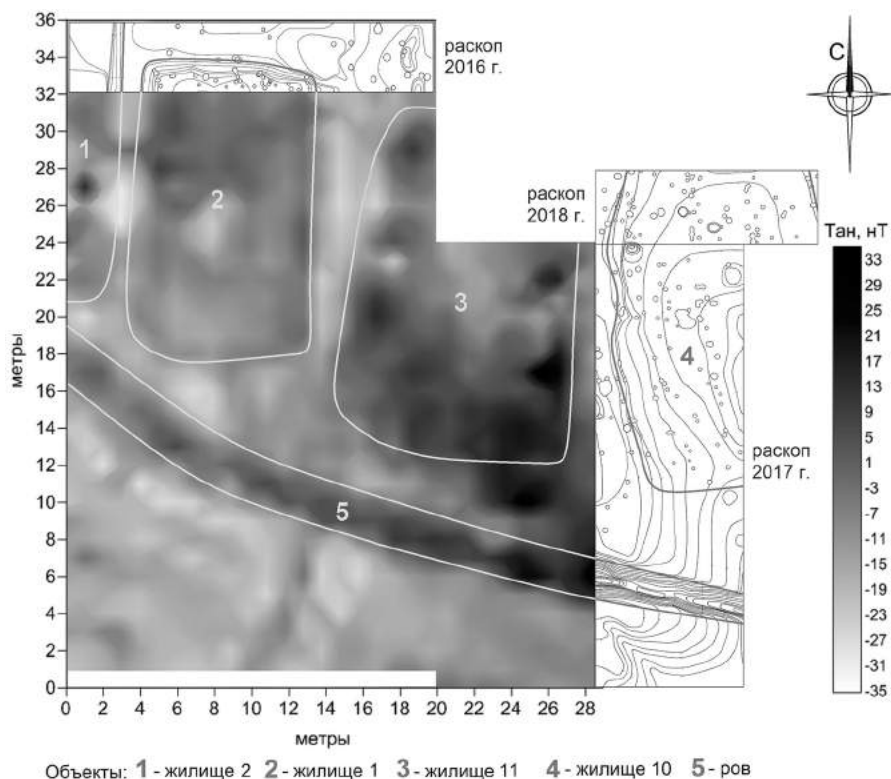

Рис. 4. Поселение Левобережное (Синташта II), планы раскопов 2016-2018 годов, совмещенные с картой магнитных аномалий, составленной В.В. Носкевичем

длинных сторон котлована составлял основу его стен, а два ряда столбов в центральной части жилища поддерживали кровлю. Наличие совмещенных друг с другом и нарушающих общий порядок расположения ямок от столбов свидетельствует о неоднократных перестройках и, вероятно, ремонтах жилища.

Особенно интересен тот факт, что если ямки в центральной части жилища ориентированы вертикально, то многие наиболее крупные ямки по краям жилища были выкопаны с наклоном. Это позволяет говорить о том, что исследуемое жилище имело, вероятно, наклонные стены.

На уровне дна котлована в центральной части данного жилища были исследованы два очага разных типов. На уровне пола жилища найдены развалы крупных частей сосудов черкакульского и межовского типов, а также неорнаментированных сосудов эпохи финальной бронзы. Полный развал такого сосуда был обнаружен на полу в северо-восточной части котлована

жилища (рис. 5-6). Внутри его развала найдены в сочленении два позвонка и межпозвоночные диски мелкого рогатого скота, вероятно, связанные с находившейся в сосуде пищей. Особенности расположения данного сосуда позволяют говорить о том, что он относится к этапу оставления жилища и прекращения функционирования поселка (фото 9).

Особенный интерес представляет находка двух двояковыпуклых слабообожженных керамических дисков диаметром около 7 см и толщиной около 3 см, обнаруженных в небольшой ямке в полу того же жилища у северо-восточного края котлована (фото 10). Аналогичные находки на поселениях эпохи бронзы Зауральской степи автору настоящей статьи не известны. Однако прямые аналоги данным предметам, именуемые глиняными лепешками или глиняными шарами, были зафиксированы в составе комплексов эпохи финальной бронзы на поселениях в Среднем Поволжье, Казахстане, а также в Притоболье и Барабинской степи, где они трактуются как предметы для обогрева части помещения.

Функциональный анализ орудий труда, минерального сырья и технологических отходов, найденных в культурном слое поселения Левобережное, позволил определить характер хозяйственной

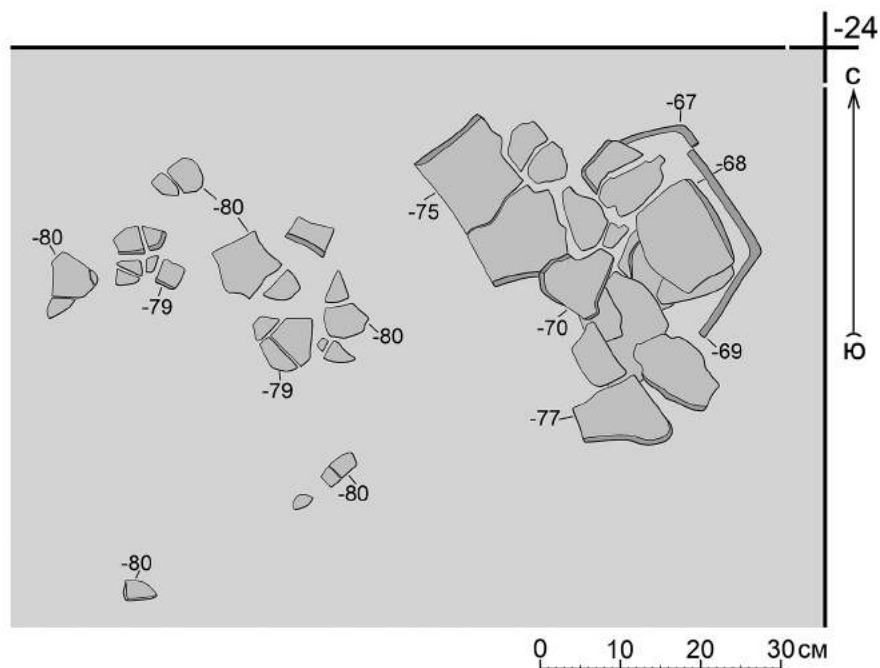

Рис. 5. Поселение Левобережное (Синташта II), развал сосуда эпохи финальной бронзы в северо-восточной части жилища, расчистка по уровню -80.

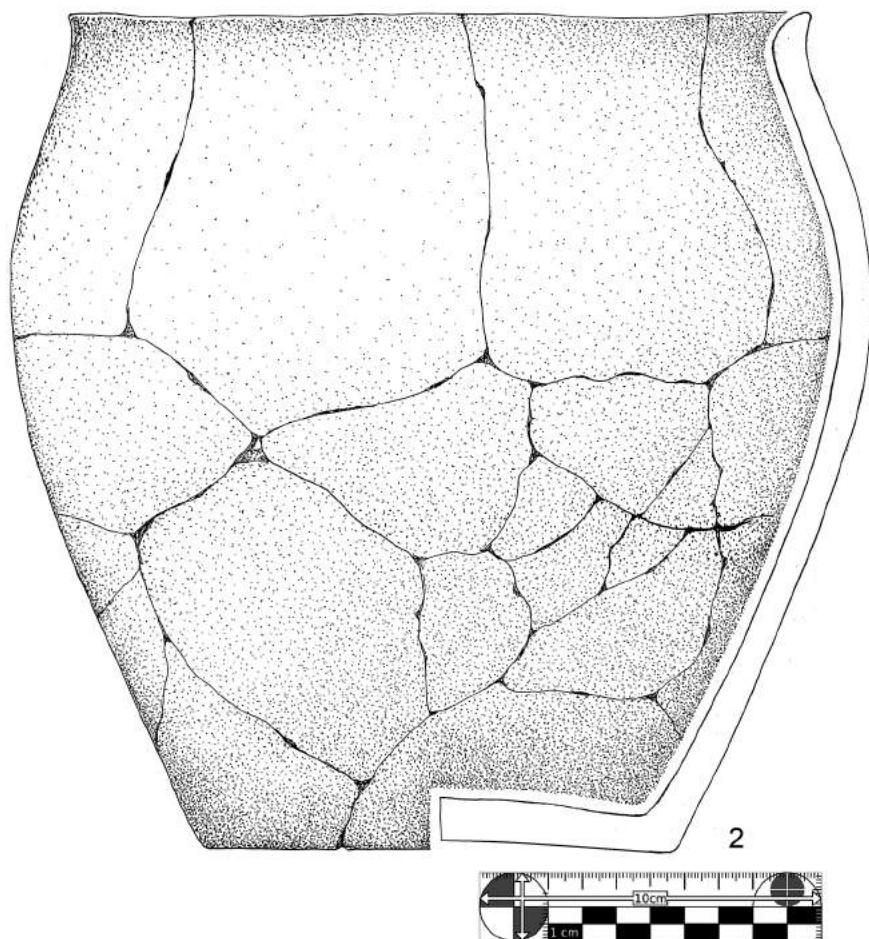

Рис. 6. Поселение Левобережное (Синташта II), результаты реконструкции развала сосуда, в котором были обнаружены в сочленении позвонки мелкого рогатого скота

деятельности его населения. Хозяйство раннего, синташтинско-петровского, этапа базировалось на скотоводстве при большой роли металлургии и металлообработки меди и бронзы и при заметном значении изготовления керамики, ткачества, обработки камня, кожи и кости, имевших характер домашних промыслов. Позднее роль металлургии в хозяйстве уменьшилась, но основные его отрасли и орудийный комплекс демонстрируют определенную преемственность, так же как и элементы жилищной архитектуры (Петров, Анкушев, Медведева, 2018).

Исследования по палеоботанике в ходе раскопок поселения Левобережное выполнил аспирант отделения археологии Питтсбургского университета Ын Чуен Ян. Все обугленные семена, идентифицированные им в культурном слое поселения, относятся к тем же видам растений, которые произрастают в его окрестностях и сегодня, при этом ни одно из них не относится к числу культурных растений. Наиболее высокая встречаемость на поселении семян растений пойменных лугов, являющихся лучшими пастбищными угодьями данной территории, вероятно, связана с хозяйственной деятельностью скотоводческого населения древнего поселка.

Это представляется тем более вероятным, что большинство таких находок принадлежат семенам растений, имеющим и в современной степи существенное кормовое значение – это, прежде всего, обнаруженные на поселении семена растений семейства бобовых, которые могли попасть в культурный слой как непосредственно из растительности близлежащих пойменных лугов, так и из располагавшихся на территории древнего поселка кормовых запасов данных растений. В свою очередь, присутствующие в культурном слое поселения семена растений семейства маревых происходят из растительных сообществ антропогенно нарушенных местообитаний, они и сегодня произрастают, главным образом, в окрестностях степных поселков и вдоль дорог (Петров, Батанина, Малая и др., 2017. С. 136).

В целом палеоботанические данные, полученные в ходе изучения поселения Левобережное, убедительно говорят о скотоводческом хозяйстве населения Зауральской степи эпохи бронзы и об отсутствии у данного населения любых форм земледелия. Особенно интересными представляются полученные свидетельства, которые можно трактовать как следы хранения сена в жилище изучаемого поселения. Это дает основания всерьез рассматривать вопрос о стойловом содержании скота в жилищах, вероятно – в зимний период, совместно с проживавшими в поселке людьми.

В 2018 году параллельно с раскопками поселения Левобережное полевой отряд археологической экспедиции Южно-Уральского университета и Института истории и археологии УрО РАН под руководством А.В. Епимахова приступил к исследованию курганного могильника Комсомольский II, расположенного в непосредственной близости от поселения.

Результатом первого сезона работ стало изучение четырех детских погребений позднего бронзового века, которые сопровождали керамические сосуды, относящиеся к алакульскому и срубному культурным типам. Исследования этого могильника, как и поселения Левобережное, планируется продолжить в 2019 году.

Наряду с проведением раскопок археологи Заповедника «Аркаим» при участии специалистов Челябинского университета продолжили изучение памятников «Страны городов» разведочными методами. Наиболее

масштабные разведки в течение последних 10 лет были выполнены в 2017 году в рамках работ по определению границ археологических памятников полевым отрядом в составе Ю.С. Макурова, Н.С. Батаниной, А.Н. Страхова, автора настоящей статьи и Н.Ф. Петрова.

По заданию Государственного комитета охраны объектов культурного наследия Челябинской области эти работы проводились на археологических памятниках – объектах культурного наследия федерального значения, включенных в реестр памятников истории и культуры России. Несмотря на высокий правовой статус данных объектов, они отсутствовали в земельном кадастре. При этом целый ряд поселений и могильников «Страны городов» были включены в государственный реестр без оформления полноценной научной отчетной документации.

Разведочным отрядом Заповедника «Аркаим» было обследовано 10 археологических памятников федерального значения, входящих в состав «Страны городов». Для некоторых из обследованных памятников в государственном реестре были обнаружены «двойники» – оказалось, что Синташтинское поселение внесено в него также под своим первым названием «поселение Рымникское II», Синташтинский могильник внесен и под своим первым названием «Рымникские курганы», а Большой Синташтинский курган – под названием «курган «Шишка».

Для каждого обследованного археологического памятника был выполнен инструментальный план, на котором подробно отражен его современный рельеф и микрорельеф. Для многих памятников снятые планы стали первыми наземными инструментальными планами в истории их изучения, ранее для них вместо планов существовали только схемы дешифрирования аэрофотоснимков. Для уточнения границ распространения культурного слоя изучаемых поселений на них было выполнено 27 шурфов и пять зачисток почвенных обнажений.

Построены 3D-модели современной поверхности поселений эпохи бронзы, хорошо отражающие особенности их архитектуры, которые позволили сделать несколько важных выводов по структуре обследованных укрепленных поселений. Так, для поселения Аркаим проведенные работы не подтвердили известное в литературе представление о существовании за пределами внешнего кольца жилищ, обводной стены и внешнего рва еще одного полукольца стен с радиально расположенными хозяйственными постройками (Зданович, Батанина, 2007. С. 48-49). Предполагавшиеся конструкции этого «третьего кольца» не фиксируются на местности ни в рельефе, ни в шурфах.

Для поселения Берсуат удалось установить, что оно, скорее всего, состояло только из одного овала жилищных структур. Предполагавшийся на нем внутренний овал, так называемая «цитадель» (Зданович, Батанина, 2007. С. 71-72), также никак не отображается в рельефе.

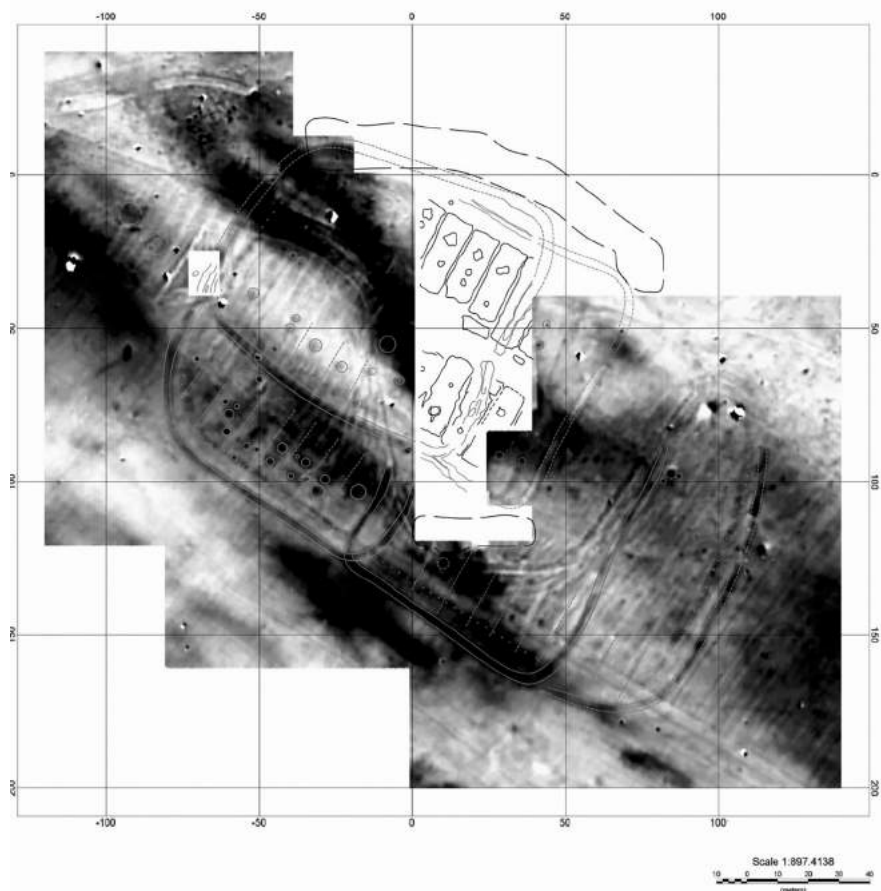

Рис. 7. Геомагнитный план поселения Устье I с обозначением выявленных структур (Хэнкс, Чечушков, Дунан, 2013. Рис. 14.4)

Таким образом, прояснилась общая ситуация с планиграфией укрепленных поселений «Страны городов». Большинство поселений, построенных по радиальному принципу, имеющих округлую или овальную форму, были образованы только одним кольцом жилищ. Два кольца жилищ, вписанные друг в друга, достоверно фиксируются пока только на двух поселениях – Синташта и Аркаим, причем для второго из них у нас есть все основания полагать, что внешнее кольцо было создано заметно позднее, чем внутреннее.

Ценную информацию по тому же вопросу, но в аспекте укрепленных поселений линейной планировки, получила международная археологическая

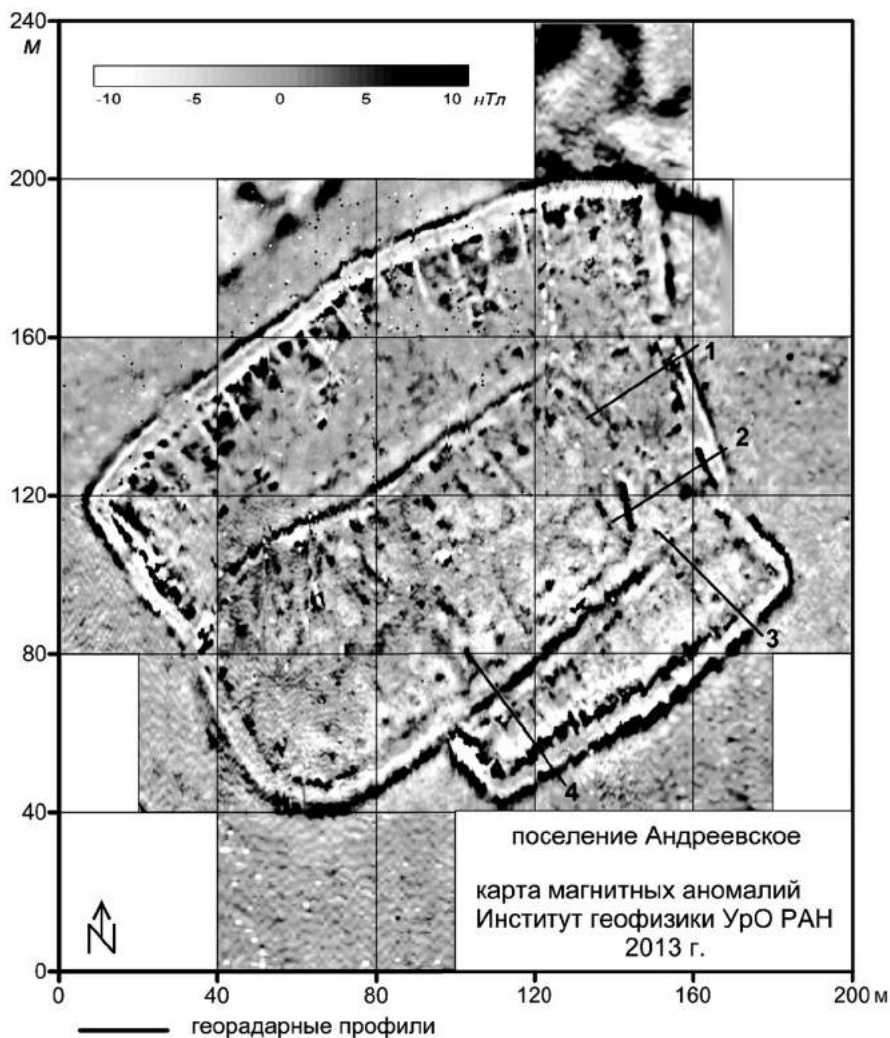

Рис. 8. Укрепленное поселение Андреевское, карта магнитных аномалий (Носкевич, Федорова, Бебнев и др., 2014. Рис. 2)

экспедиция, проводившая в 2011-2012 годах комплексные исследования на укрепленном поселении Устье I, которое ранее на протяжении многих лет изучала экспедиция Челябинского государственного педагогического университета (ныне ЮУрГГПУ). Американской частью этой экспедиции руководил Б. Хэнкс из Питтбургского университета, британской – Р. Дунан из Университета Шеффилда, а российской – И.В. Чечушков (Хэнкс,

Чечушков, Дунан и др., 2013). Выполненные этой экспедицией масштабные геофизические исследования позволили определить, что современный облик поселения Устье I сформировался в результате наложения друг на друга четырех разновременных укрепленных поселений с весьма схожей линейной планировкой (рис. 7).

Аналогичные результаты получили специалисты из Института геофизики Уральского отделения РАН, которые в 2013 году выполнили микромагнитную съемку укрепленного поселения Андреевское (Носкевич, Федорова, Бебнев и др., 2014). Оказалось, что оно образовано наложившимися друг на друга тремя разновременными поселками с линейной планировкой и единой принципиальной архитектурной схемой (рис. 8).

Эту универсальную архитектурную схему мы можем описать как поселение прямоугольной формы, которое по его длинной оси пересекает «улица», по обеим сторонам которой вытянуто два расположенных друг напротив друга жилищных комплекса, состоящих из ориентированных перпендикулярно к улице жилищ.

Таким образом, судя по всему, большинство прямоугольных укрепленных поселений, которые представлялись раньше как состоящие из множества соединенных друг с другом «секторов», на самом деле имели более простую, ясную и универсальную архитектурную схему. Сложную наблюдаемую картину на них создало неоднократное повторение этой схемы при возведении однотипных укрепленных поселков, наслаивавшихся друг на друга.

На археологических памятниках «Страны городов» в последнее десятилетие проводились и другие исследования. К сожалению, формат статьи не позволяет нам описать их все, поэтому ограничимся упоминанием некоторых из них.

В 2015 году археологическая экспедиция Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН впервые в истории изучения «Страны городов» провела раскопки укрепленного поселения эпохи бронзы в Зауральской Башкирии. На поселении Улак I исследовались четыре постройки каркасно-столбового типа, получен разрез вала, проведены масштабные геофизические работы (Бахшиев, Насретдинов, 2016).

В Челябинской области археологическая экспедиция Благотворительного фонда «Аркаим» под руководством Д.Г. Здановича, Г.Б. Здановича и Т.С. Малютиной продолжила изучение Синташтинского могильника (Зданович, 2017; Зданович, Малютина, 2017). Правда, исследуемые этой экспедицией объекты относятся в основном не к эпохе бронзы, а к раннему железному веку. Кроме того, применяемая авторами «сенсационная» стратегия их изучения и популяризации вызывает большие сомнения с точки зрения адекватности декларируемых выводов (Петров, 2018. С. 341).

Интереснейшие погребальные комплексы синташтинской культуры были исследованы в Костанайской области Казахстана. Особенно можно отметить здесь результаты изучения кургана Халвай 3 (Логвин, Шевнина, 2014), в котором сохранились части деревянных древков синташтинских копий, топоров и стрел (фото 11); а также курган 1 могильника Каратомар (Логвин, Шевнина, 2018), где был обнаружен уникальный синташтинский бронзовый котел (фото 12).

Расширение ареала погребальных памятников «Страны городов» произошло в результате изучения коллективного погребения синташтинской культуры на поселении Малоюлдашево I в западной части Оренбургской области (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015).

В настоящей статье мы постарались очертить основные результаты полевых исследований археологических памятников «Страны городов», однако многие археологические открытия делаются сейчас не в экспедициях, а в лабораториях. В этом направлении прошедшее десятилетие было не менее результативным, а в ряде случаев даже революционным.

Впервые для изучения культуры и населения «Страны городов» были использованы методы палеогенетики и изотопного анализа, заметно расширились методические приемы изучения хозяйственной деятельности, особенно интересные данные получены по металлургии и ткачеству. Однако даже для краткой характеристики этих результатов понадобилась бы еще одна, не менее объемная статья.

В целом можно отметить, что основными трендами последнего десятилетия стали мультидисциплинарные исследования, передовые методы как археологической фиксации, так и анализа полученного материала, а также формирование новых объяснительных моделей с использованием теоретических разработок мирового уровня.

Можно без преувеличения сказать, что за это десятилетие изучение «Страны городов» поднялось на современный методический и методологический уровень. В результате были пересмотрены или находятся в процессе пересмотра многие распространенные ранее концепции, а на стыке целого ряда научных дисциплин формируется новое знание.

ЛИТЕРАТУРА

Батанина Н.С., Батанин С.А. Трансформации архитектурного облика укрепленного поселения Степное по данным дистанционных методов исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2015. С. 52-58.

Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Некоторые итоги исследований 2015-2016 гг. на поселении Улак-1 в Башкирском Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы

изучения и сохранения культурного наследия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. Отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Диалог, 2016. С.64-87.

Берсенева, Н.А., Епимахов А.В. Продолжение раскопок могильника Каменный Амбар 5 в 2014-2015 гг. // Археологические открытия. 2015 год. Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 401-402.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Большой Синташтинский курган – древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии. К перспективе исследований // Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 68-84.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Хэнкс Б., Малая Н.В., Батанина Н.С. Керамические комплексы укрепленного поселения «Степное», Южное Зауралье (предварительное сообщение) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы конференции. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 139-141.

Зданович Д.Г. Синташта: территория Места // Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 85-98.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2011. 624 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаропова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (48). 2011. С. 61-74.

Корякова Л.Н., Краузе Р. Российско-германское сотрудничество в изучении эпохи бронзы Южного Урала // Уральский исторический вестник. №3 (48). 2015. С. 78-86.

Корякова Л.Н., Кузьмина С.А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н. э. // Уральский исторический вестник. №1 (54). 2017. С. 92-102.

Куприянова Е.В. К вопросу о взаимодействии синташтинского и петровского населения в эпоху бронзы в Южном Зауралье (на примере памятников у села Степного) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2015. С. 62-70.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010-2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Куприянова Е.В. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. С. 90-103.

Куприянова Е.В., Таскаев С.В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (41). 2018. С. 17-27.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения эпохи развитой бронзы кургана Халвай 3 // Prehistory studies. Pontic area. Mangalia: «Callasprint», 2014. С. 219-244.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 123-125.

Молчанов И.В. Орудийный комплекс рубежа средней и поздней бронзы Южного Зауралья (по материалам укрепленных поселений Аландское, Каменный Амбар, Устье I). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2013. 24 с.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43, №2. 2015. С. 64-71.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Корякова Л.Н., Шарапова С.В. Геофизика и археология бассейна реки Карагайлы-Аят // Уральский исторический вестник. №4 (37). 2012. С. 60-69.

Носкевич В.В., Федорова Н.В., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Мехоношина Т.Л. Результаты исследования геофизическими методами археологического памятника бронзового века городище Андреевское (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. №1(23). 2014. С. 72-80.

Носкевич В.В., Угрюмов И.А., Петров Ф.Н., Батанина Н.С. Микромагнитная съемка укрепленного поселения бронзового века на Южном Урале Левобережное (Синташта II) // Уральский геофизический вестник. №1 (31). 2018. С. 30-33.

Петров Ф.Н., Батанина Н.С., Малая Н.В., Плаксина А.Л., Маркова Л.М., Носкевич В.В., Ын Ч.Я. Поселение Левобережное (Синташта II) по материалам комплексных исследований 2015-2017 гг. // Археологические памятники

Оренбуржья. Вып. 13: сборник научных статей / отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. С. 113-139.

Петров Ф.Н., Анкушев М.Н., Медведева П.С. Материальные свидетельства технологических процессов в культурном слое поселения Левобережное (Синташта II): опыт функционального подхода // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* №1. 2018. С. 112-147.

Петров Ф.Н. Стратегии популяризации археологического наследия на примере Челябинской области // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 340-342.

Рассадинов А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* №2 (37). 2017. С. 163-168.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLV. 1952. С. 48-61.

Хэнкс Б.К., Чечушков И.В., Дунан Р.К., Питман Д., Мужич Б., Медарич И., Мори М. Новейшие результаты и перспективы исследований микрорайона древнего расселения Устье и долины реки Нижний Тогузак // *Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье.* Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 393-416.

Чечушков И.В., Якимов А.С., Бачура О.П., Ын Ч.Я., Гончарова Е.Н. Общественное устройство синташтинско-петровских коллективов позднего бронзового века и причины генезиса социальной элиты (на примере поселения Каменный Амбар в степном Зауралье) // *Stratum plus.* №2. 2018. С. 149-166.

Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. 2014. С. 101-109.

Epimakhov A.V. Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // *Krause R., Korjakova L.N. (Hrsg.) Zwischen Tradition und Innovation. Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation).* Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn. 2014. Pp. 130-145.

Krause R., Korjakova L.N. (Hrsg.) Zwischen Tradition und Innovation. Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn. 2014. 352 p.

Иллюстрации к статье
Семьян И.А., Семьян М.В. Военное дело бронзового века

Фото 1. Поселение Аландское, внешний ров

Фото 2. Поселение Аландское, каменная облицовка стены
(Малютина, Зданович, 2013. С. 15)

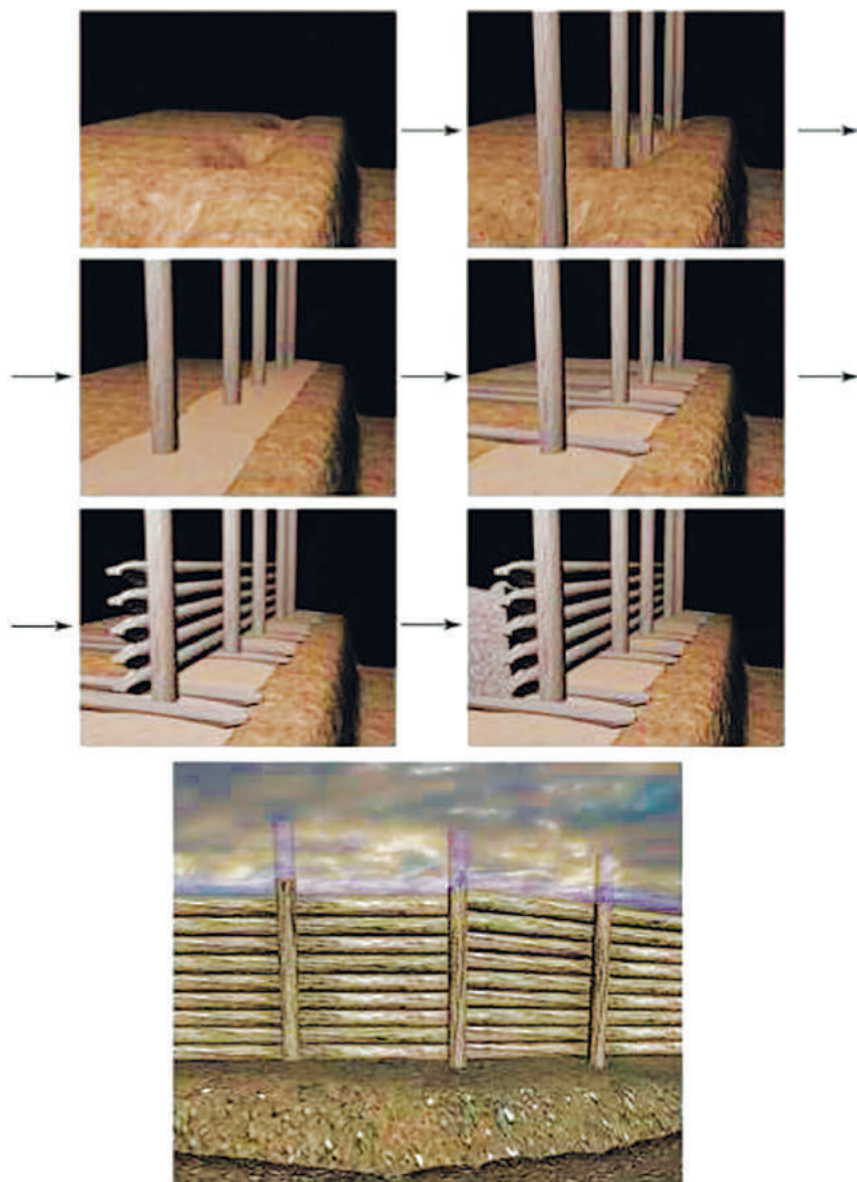

Фото 3. Поселение Устье, реконструкция этапов сооружения внешней стены синташтинского периода (Виноградов, 2013. Рис. 15.1)

Фото 4. Пеший синташтинский воин-пастух, реконструкция

Фото 5. Могильник Халвай. Копье сейминско-турбинского типа с литой втулкой и кожаными шнурами (Шевнина, Логвин, 2015. Рис. 79)

Фото 6. Бронзовый топор из Синташтинского могильника
(Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Фото 34)

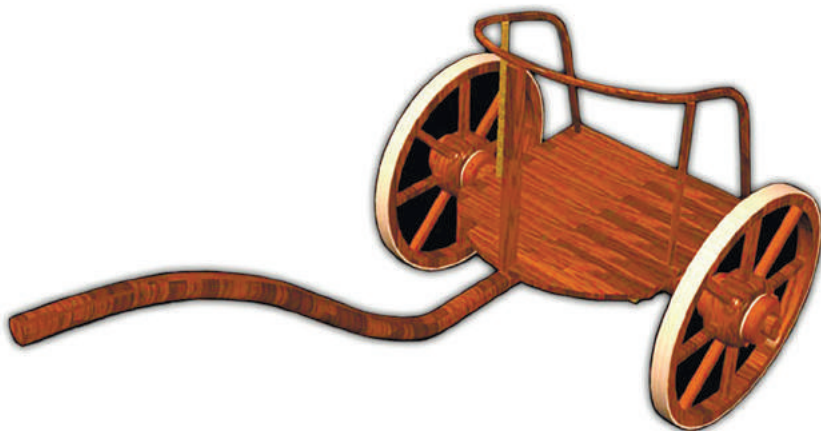
Фото 7. Могильник Степное VII, погребение петровской культуры. Массивный
вислообушный топор и фигурный топор (Куприянова, Зданович, 2015. С. 201)

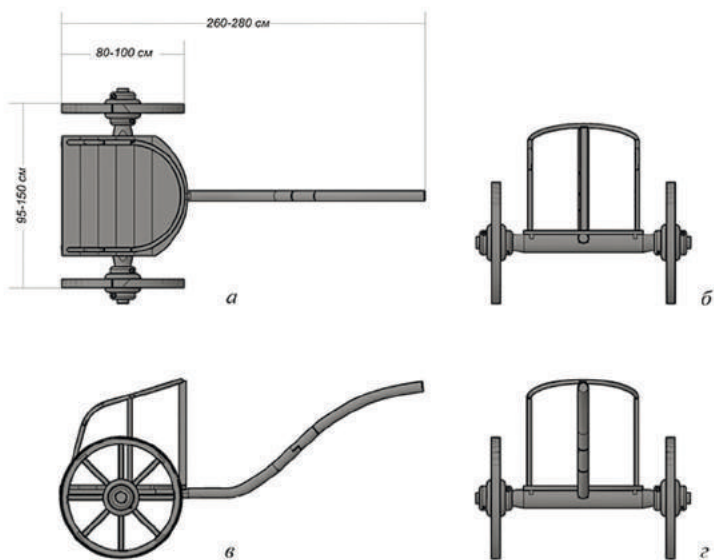
Фото 8. Синташтинский могильник, каменные и бронзовые наконечники стрел (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Фото 45)

Фото 9. Синташтинский могильник, отпечаток колеса в могильной яме (Генинг, Зданович, Генинг, 1992. Фото 23)

1

2

Фото 10. Реконструкция синташтинской колесницы (Чечушков, 2013. Рис. 164)

Иллюстрации к статье
Куприянова Е.В. Религия древнего Аркаима: факты и мифы

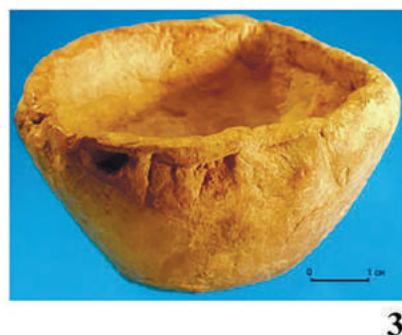

Фото 1. Миниатюрные сосудики с поселений эпохи бронзы:

1-2 – поселение Стрелецкое;

3-5 – поселение Каменный Амбар (по: Епимахов, Берсенева, Пантелеева, 2012)

Фото 2. Предметы и сооружения эпохи бронзы и их натуральные прообразы – живые существа, растения и явления природы

**Иллюстрации к статье
Малютина Т.С., Зданович Г.Б.
Синташта 2016-2019: возвращение к легенде**

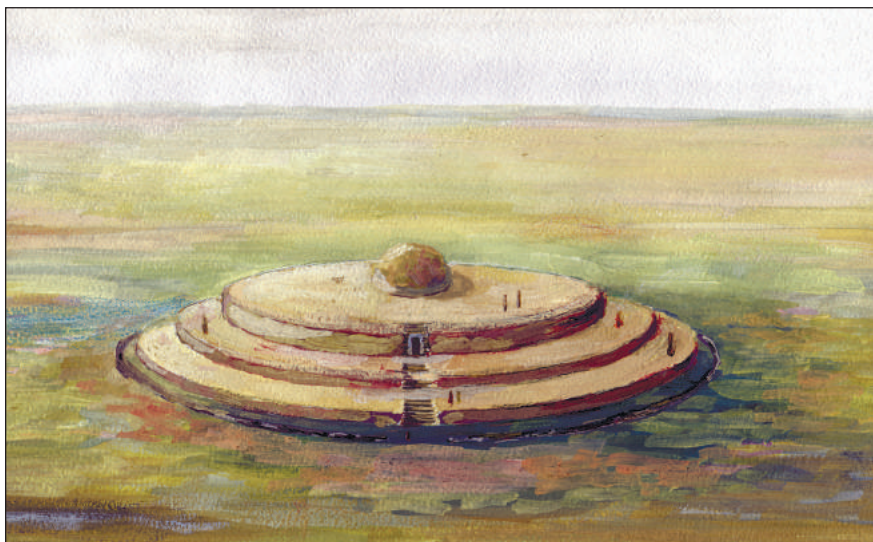

Фото 1. Большой Синташтинский курган, реконструкция общего вида храмово-погребального сооружения (по Г.Б. Здановичу, 2007 г., художник Д. Губин)

Фото 2. Большой Синташтинский курган, южная бровка, вид с юга

Фото 3. Большой Синташтинский курган, южная бровка, западная часть

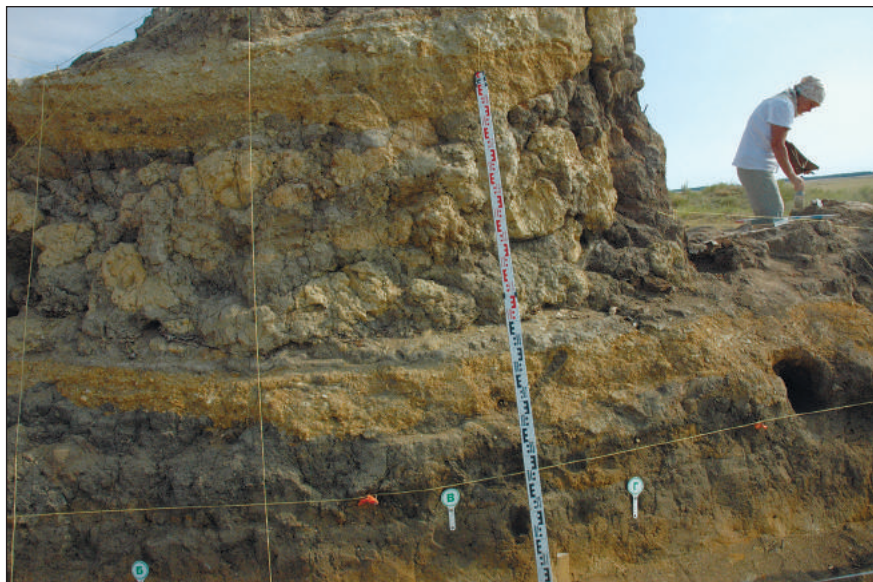

Фото 4. Большой Синташтинский курган, основание стены из глиняных блоков на платформе кургана в восточной части южной бровки

Фото 5. Археологический лагерь около Большого Синташтинского кургана

Фото 6. Объект Синташта V

Фото 7. Вещевой комплекс памятника Синташта IV

**Иллюстрации к статье
Петров Ф.Н. Что мы узнали о «Стране городов» за последние 10 лет?**

Фото 1. Поселение Каменный Амбар, раскоп 2010 года (Корякова, Краузе, 2015. С. 88)

Фото 2. Поселение Каменный Амбар, вскрытие колодцев бронзового века (Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011. Рис. 6)

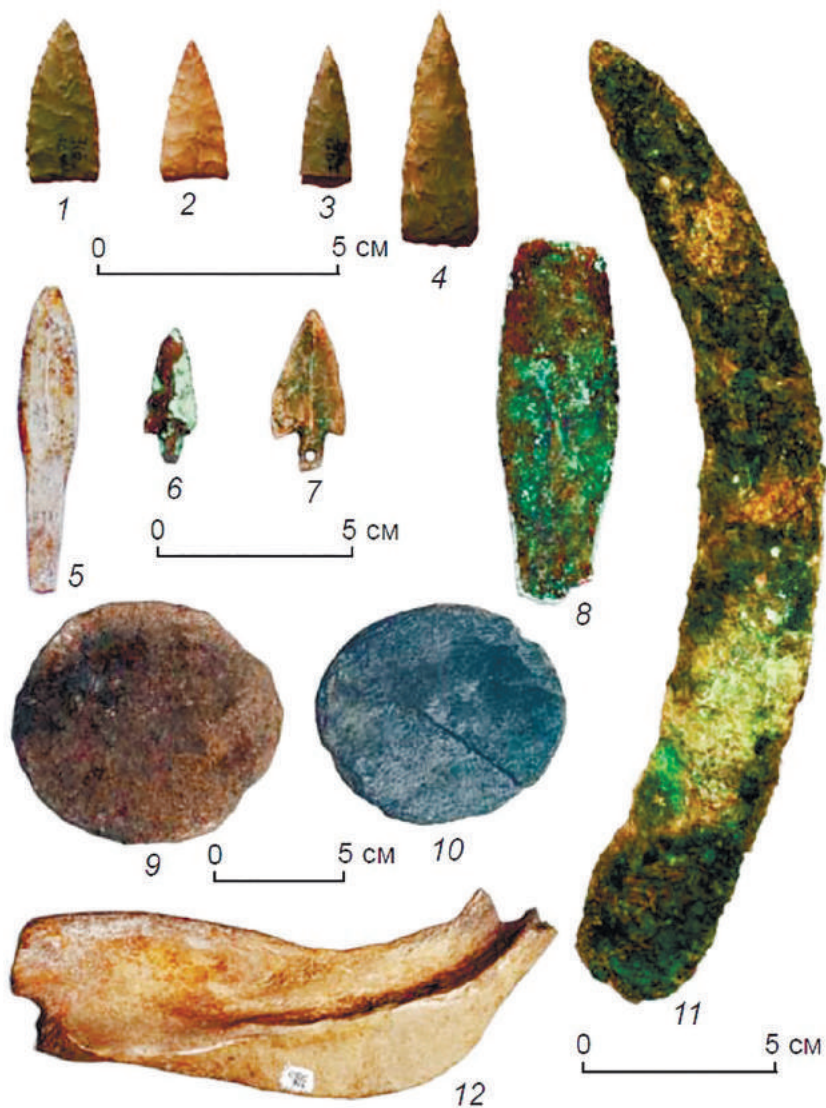

Фото 3. Поселение Каменный Амбар, оружие, орудия и бытовой инвентарь (Корякова, Краузе, Епимахов и др., 2011. Рис. 8)

Фото 4. Могильник Степное I, курган 7, яма 2. Погребение на дне ямы (Куприянова, 2016. Фото 12)

Фото 5. Могильник Степное I, курган 8, яма 1. Керамика на дне ямы (Куприянова, 2016. Фото 17)

Фото 6. Могильник Степное I, курган 1.
Вещи из погребений (Куприянова, 2016. Фото 19)

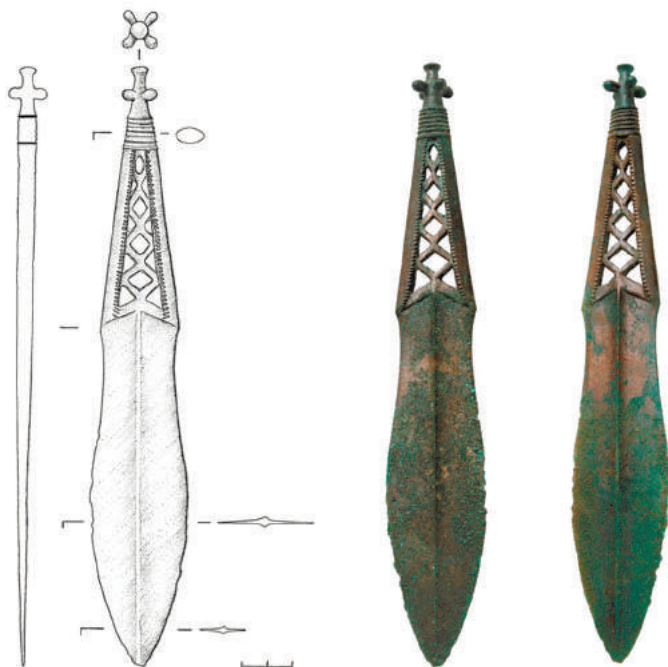

Фото 7. Могильник Степное VII, комплекс 8, погребение 1.
Бронзовый кинжал (Куприянова, Таскаев, 2018. Рис. 2)

Фото 8. Поселение Левобережное (Синташта II), раскоп 2017 года

Фото 9. Поселение Левобережное (Синташта II), развал сосуда в углу жилища 10, раскопки 2018 года

Фото 10. Поселение Левобережное (Синташта II), двояковыпуклые керамические диски из жилища 10, раскопки 2018 года

Фото 11. Курган Халвай III, яма 9. Каменные и бронзовые наконечники с сохранившимися частями деревянных древков (Логвин, Шевнина, 2014. Фото 9)

Фото 12. Могильник Каратомар, курган 1, бронзовый котел синташтинского времени, в котором лежат два бронзовых топора-тесла (Логвин, Шевнина, 2018)

ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Ю.С. Макуров

А.Л. Плаксина

Охрана памятников археологии в Заповеднике «Аркаим»

Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы, датируемое рубежом III-II тысячелетий до н.э., расположено на границе Брединского и Кизильского районов Челябинской области. «Страна городов» – это, с одной стороны, памятники аркаимского типа (укрепленные поселения и могильники), с другой – территории Зауральских степей, в пределах которых обнаружены такого рода объекты.

Аркаим и памятники «Страны городов» отличает ряд культурных признаков, среди которых: традиция строительства укрепленных поселений, развитая металлургия, сложный погребальный обряд, древнейший на Земле колесничный комплекс.

Сегодня Аркаим – это не только древнее городище. Возникший рядом с ним в конце восьмидесятых годов XX века археологический лагерь разросся до масштабов научного поселка, а со временем стал полноценным туристическим центром с музеями, археологическими реконструкциями, историческим парком и всем необходимым для комфортного отдыха.

Вместе с развитием Аркаима как места развивалось и его понимание как в научном, так и в обывательском плане.

Археологи раскапывали поселения и могильники, вместе с биологами, геологами и другими специалистами проводили сложные и дорогостоящие анализы, защищали диссертации и писали книги. Популяризаторы развивали музеи, придумывали, как донести сложную научную информацию до широкой общественности. Те, кого принято называть «эзотериками», сооружали на вершинах окрестных сопок спирали и мандалы, создавали современные мифы и ритуалы.

В настоящее время Аркаим – особое в культурном плане место, это территория, наполненная множеством смыслов.

Вот в таких, очень необычных условиях функционирует Заповедник «Аркаим», созданный для охраны, изучения и популяризации одноименного древнего городища и других памятников «Страны городов».

Первоочередной задачей заповедника является сохранение памятников археологии и их вмещающих ландшафтов, охранную деятельность ведут сотрудники отдела заповедного режима. Под вмещающим ландшафтом

понимается историческая территория памятника археологии с объектами живой и неживой природы.

Но с чего все началось? Вернемся на три тысячи лет назад и посмотрим, что происходило с поселениями до их открытия.

Последние поселения «Страны городов» опустели в конце бронзового века. Наступила эпоха кочевников, продлившаяся около двух с половиной тысяч лет. Все это время памятники, сооружённые по большей части из грунта и дерева и брошенные жителями, разрушались естественным путем под воздействием ветров, осадков, растительности.

Никто не тревожил их до двадцатого века, пока в степи не началось масштабное освоение целины. Это время стало катастрофой для многих археологических памятников, в том числе и для большинства поселений и могильников «Страны городов».

Первые целинные распахки в Челябинской области были проведены весной 1940-1941 гг. В период массового освоения (1954-1956 гг.) распахали почти 724 тыс. га целинных и залежных земель, главным образом в Брединском, Карталинском, Кизильском, Троицком и Чесменском районах. На территориях этих муниципальных образований расположено 14 поселений «Страны городов», большинство из которых были распаханы в эти годы или позднее.

Важно, что южные степные районы области наименее устойчивы к эрозии и разрушению почв. В дореволюционный период эти земли либо пустовали, либо использовались под выпас скота, либо на них практиковалось земледелие без удобрения почвы. Погоня за «дешевым хлебом» в советское время обернулась экономическими и экологическими проблемами: дефицит естественных кормовых угодий, превышение экологически допустимой нормы животноводческой нагрузки на пастбищный фонд в 2-3 раза, активизация почворазрушающих процессов.

Сегодня площадь распаханных и залежных земель степной зоны Челябинской области составляет более 70% и распахка целины продолжается. Из-за сильного антропогенного (связанного с деятельностью человека) воздействия на больших территориях активно развивается овражная сеть, прогрессирует эрозия почв. Разнотравно-ковыльные и ковыльно-типчаковые степи почти не сохранились, сильно изменены постоянными рубками березовые колки, заметно сократилась площадь сосновых боров, повсеместно замещаясь мягколиственными породами.

Нарушение рек водохранилищами и распахкой пойм привело к заболачиванию одних участков и иссушению других, вплоть до исчезновения ряда мелких рек.

В таких условиях находилась степь Южного Зауралья на момент открытия Аркаима и «Страны городов». Волею судьбы само обнаружение этого памятника было связано с широко развернувшейся в степи хозяйственной

деятельностью человека. Дело в том, что это древнее поселение было открыто в 1987 году в результате археологических работ в зоне строительства Большекараганского водохранилища.

Спасение укрепленного поселения Аркаим стало уникальным опытом охраны археологического наследия. Осознавая хрупкость историко-культурного достояния страны, сотрудники археологической экспедиции ЧелГУ при поддержке научной общественности, а также при деятельном участии руководства Челябинской области приложили все усилия для его сохранения.

В 1991 году обширная территория площадью около 3700 га была выведена из землепользования и объявлена заповедной. Поселение Аркаим и окружающая его долина реки Большая Караганка перешли в управление Ильменского заповедника. В 2005 году данная территория была окончательно оформлена как филиал Ильменского государственного заповедника – лесничество «Степное».

Следом за открытием Аркаима, специалисты по дешифрированию аэрофотоснимков И.М. Батанина и Н.В. Левит открыли еще 20 подобных поселений, которые позже получили условное наименование «Страна городов».

Памятники «Страны» находятся на Зауральском пенеппле, в лесостепных и степных предгорьях Южного Урала. Протяженность с севера (от реки Уй) на юг (практически до границы с Казахстаном) составляет 250 км (52-54° северной широты), а с запада на восток – 150 км (59-61° восточной долготы).

«Страна городов» расположена в пределах двух физико-географических стран: Уральской горной и Западно-Сибирской низменной (Андреева, Бакунин, Кривопалова, 2000. С. 217; Шакиров, 2011. С. 414) – на водоразделе Урала и Тобола. Урал и его притоки (Гумбейка, Зингейка, Большая Караганка) относятся к бассейну Каспийского моря, а Тобол с притоками (Уй, Нижний Тогузак, Караталы-Аят, Карагайлы-Аят, Синташта, Берсуат) – к бассейну Северного Ледовитого океана.

На всех этих реках обнаружены поселения и могильники аркаимско-синташтинской культуры. Параллельно со спасением Аркаима началась работа по их сохранению.

Очевидно, что невозможно было заповедовать всю территорию расположения памятников «Страны городов» (то есть все южные районы области), поэтому появилась идея создать кластер участков для охраны и изучения укрепленных поселений вместе с вмещающими ландшафтами.

Для реализации этой идеи в начале 90-х годов XX века из хозяйственного землепользования были выведены полтора десятка земельных участков с археологическими памятниками. В земли особо охраняемых территорий и объектов в 1992 году вошел ряд участков разной площади

(от 20 до 120 га). Земли были переведены в областную собственность, большинство археологических объектов зарегистрированы впоследствии как достопримечательные места (один из видов объектов культурного наследия в России). В 2008 году они были окончательно закреплены за Заповедником «Архаим».

Каждый из созданных охраняемых участков включает в себя укрепленное поселение, курганные могильники или одиночные курганы и в некоторых случаях неукрепленные поселения. Так как все поселения приурочены к речным долинам, то под охраной оказалось большое разнообразие природных комплексов: лесостепь, настоящая, луговая и каменистая степь, пойменные и заболоченные луга, надпойменно-террасовая солонцово-луговая степь (Плаксына, Макуров, Батанина, 2015. С. 660; Левит, Плаксына, Маркова. 2011. С. 41).

На момент смены статуса, земли находились в разной степени антропогенной нарушенности. В местах перевыпаса и распашки почвенный покров подвержен ветровой эрозии и смыву почвы из-за отсутствия растительного дернового покрова. В местах пашен памятники были снивелированы или разрушены, культурный слой с орудиями труда и керамикой вынесен на дневную поверхность и разнесен плугом. В местах пастбищ внешние конструктивные элементы поселений были нарушены, на возвышенных участках (курганные насыпи, стены поселений) выбита растительность. Площадь многих укрепленных поселений была пересечена полевыми дорогами (Зданович, Батанина, 2007. С. 40-180).

Учитывая неудовлетворительное состояние ряда археологических памятников и окружающего ландшафта, встал вопрос о первоочередных мерах охраны. На участках были установлены предупреждающие знаки и прекращена хозяйственная деятельность. Полевые дороги и другие коммуникации были перенесены. На территории охраняемых земель Степное и Берсуат в качестве эксперимента было установлено металлическое ограждение. Как показала практика, металлическое ограждение само становится предметом охраны: на участке Степное забор был разобран местным населением.

Сегодня заповедник охраняет 14 укрепленных поселений «Страны городов», расположенных на территории Брединского, Варненского, Карталинского, Кизильского, Пластовского и Троицкого районов Челябинской области. Это поселения Андреевское, Берсуат, Журумбай, Исиной, Каменный Амбар, Кизильское, Куйсак, Левобережное, Родники, Сарым-Саклы, Синташта, Степное, Устье и Черноречье. Все они являются памятниками археологии федерального значения, большинство комплексов имеет статус достопримечательных мест. Как правило, рядом с каждым поселением расположен курганный могильник или другие археологические памятники, которые также охраняются заповедником.

Наиболее известные могильники – Каменный Амбар-5, Синташтинский могильник и Большой Синташтинский курган, Степное, Солнце-2, Кривое Озеро. Все они исследованы археологическими раскопками.

Сразу после организации охраняемых участков стало ясно, что одна из ключевых задач для сохранения археологических памятников – это проведение мониторинга, то есть регулярного обследования состояния памятников и ландшафтов.

С 2010 года в заповеднике применяется практика мониторинга, основанная на специфике охраняемых объектов (памятники археологии в тесной взаимосвязи с ландшафтом) и направленная на восстановление природной среды и сохранение исторического наследия. Мониторинг заключается в ежегодных выездах на все охраняемые объекты не только археологов, но и экологов. При выезде проводится осмотр и фотографирование участка, проверка состояния всех археологических объектов, сбор и учет предметов древности, оказавшихся по разным причинам на поверхности земли. Периодически составляются акты о сохранности конструктивных элементов памятников, о состоянии растительности (видовое разнообразие, проективное покрытие, стадия пастбищной дигрессии и т.д.). В актах фиксируются изменения объектов, произошедшие в результате стихийных бедствий и антропогенных нарушений.

У каждого памятника археологии Заповедника «Аркаим» есть предмет охраны – то, что конкретно охраняется. В предмет охраны входят:

1. Культурный слой (все, что скрыто в земле – погребения, остатки архитектурных сооружений, следы ритуальной и поминальной деятельности, представленной в том числе в предметах).
2. Видимые на поверхности остатки древних сооружений (развалы оборонительных и жилых конструкций, курганные насыпи).
3. Вмещающий ландшафт.

Вообще в заповедном деле достаточно много юридических нюансов. Например, у Заповедника «Аркаим» есть право постоянного бессрочного пользования земельными участками и памятниками археологии, хотя они находятся в областной собственности и имеют статус особо охраняемых территорий и объектов. Большинству археологических объектов на участках заповедника присвоена федеральная категория историко-культурного значения. На все достопримечательные места заключены охранные обязательства между Заповедником «Аркаим» и Министерством культуры Челябинской области.

На заповедник возложены обязанности по сохранению, изучению и популяризации памятников археологии. Сотрудники заповедника ежегодно проводят мониторинг состояния археологических памятников и их вмещающих ландшафтов (фото 1-2), предотвращают незаконную хозяйственную деятельность в заповеднике, устанавливают границы

объектов культурного наследия, охранные и информационные знаки (фото 3-4), проводят работы по музеефикации на укрепленном поселении Аркаим (фото 5) и взаимодействуют с другими учреждениями и ведомствами по вопросам охраны и использования объектов историко-культурного наследия, в том числе в научной деятельности.

Сегодня среди памятников «Страны городов» есть поселения с относительно хорошей сохранностью, например, Аркаим, Сарым-Саклы (фото 6), Андреевское, а есть памятники, которые практически не видны на местности – они существенно повреждены или даже почти полностью уничтожены (Левобережное, Журумбай, Синташта).

Все факторы разрушения памятников имеют природный или антропогенный характер.

Среди природных факторов – изменение русел рек, на берегах которых расположены памятники. В частности, изменение русел Синташты и Уя еще в древности привело к существенному разрушению поселений Синташта и Степное, а размытие береговой линии на реке Зингейка вызвало частичное разрушение неукрепленного поселения Лебяжье VI.

Другой фактор природного характера – сурчинные норы. Грунт на археологических памятниках, как правило, мягче, чем в округе. Кроме того, с разрушенных стен поселений, возвышающихся в рельефе, открывается обзор местности, необходимый этим грызунам. Многолетние сурчины иногда достигают внушительных размеров, а грунт из нор изобилует археологическими предметами. Разрушающиеся старые норы приводят к распадке грунта.

Еще одно разрушительное явление – оврагообразование на памятниках или вблизи них (наблюдается, например, на поселениях Берсуат, Каменный Амбар). Несмотря на природный характер этого явления, на него влияют факторы человеческой деятельности (чрезмерный выпас скота, приводящий к деградации растительности и разрушению рыхлого плодородного слоя).

Повреждения антропогенного характера по большей части связаны с хозяйственной деятельностью. Среди них выделяются:

Распашка. Многие поселения и могильники «Страны городов» подверглись распашке (например, Журумбай, Устье, Черноречье). Исключениями являются поселения Аркаим, Сарым-Саклы, Каменный Амбар, Кизильское, Андреевское и Левобережное (правда, это поселение сильно повредило при строительстве дороги). Распашка привела к уничтожению микрорельефа большинства памятников, ввиду чего на местности трудно определить расположение жилых и оборонительных конструкций. Кроме того, оказался перемещен скрытый под землей культурный слой, повреждены археологические предметы. В настоящее время распашка памятников прекращена, хотя периодически случаются попытки незаконно использовать охраняемую территорию.

Чрезмерный выпас скота и лошадей остается острой проблемой сохранности некоторых поселений и могильников, так как контролировать эту деятельность проблематично. Чрезмерный выпас, как и распашка, разрушает рельеф памятника. Однако при полном его отсутствии происходит бурный рост кустарников, который также негативно сказывается на сохранности и приводит к уменьшению биоразнообразия местных растительных сообществ. Там, где выпас осуществляется умеренно, наблюдается наилучшее состояние растительности и, как следствие, сохранности самих памятников.

Другие формы хозяйственного освоения связаны с ведением частного сельского хозяйства. Заповедник «Аркаим» вынужден регулярно заниматься ликвидацией незаконных хозяйственных построек на охраняемых территориях. В их числе гусиная ферма вблизи поселения Степное и карда для содержания крупного рогатого скота и лошадей на поселении Сарым-Саклы.

Археологические исследования памятников дают уникальную информацию о культуре «Страны городов», полученные знания включают в научные отчеты и публикации. Однако раскопки неизбежно приводят к уничтожению культурного слоя памятника, а также к повреждению вмещающего ландшафта на месте изучаемого объекта и на прилегающей территории (отвалы от раскопок).

К настоящему времени археологи провели стационарные исследования более чем на половине поселений «Страны городов». Наиболее крупные раскопы были заложены на поселениях Аркаим, Синташта, Устье, Каменный Амбар, а также на могильниках Синташта, Каменный Амбар-5, Степное-1, Кривое Озеро, Солнце-2.

Важное значение для сохранности памятника и восстановления естественного ландшафта имеет качество проведенных рекультивационных работ – то, насколько основательно закопан археологический раскоп и восстановлены рельеф и почвенный покров местности.

Пример качественной рекультивации раскопа – поселение Аркаим. Рекультивация этого памятника проводилась так, что были восстановлены максимально близкие к первоначальным высотные отметки, зафиксированные до начала раскопок. Посетителю заповедника практически невозможно определить, где раскопанная часть городища, а где – нетронутая.

Грабительские раскопки. К счастью, памятники заповедника редко подвергаются такой незаконной деятельности. Однако в 2010 году было зафиксировано ограбление одного крупного кургана могильника Солнце-2 (некрополя поселения Устье). Кроме того, периодически в ходе мониторинга встречаются одиночные небольшие нарушения почвенного покрова – свидетельства незаконного применения металлодетектора.

На природные факторы влиять сегодня невозможно. При выявлении антропогенных нарушений охранного режима принимаются меры по их устранению и предупреждению новых.

Важным мероприятием по предупреждению хозяйственной деятельности в заповеднике стала установка новых охранных знаков и информационных стендов. Знаки были установлены в 2017 году в рамках реализации проекта «Бронзовое кольцо России», получившего поддержку гранта Президента РФ. Всего было установлено более 80 охранных знаков, содержащих название объекта, датировку памятника и категорию охраны. Такие знаки установлены либо на угловых точках участков, либо вблизи дорог. Основное их предназначение – сориентировать местное население в границах заповедника и предупредить о том, что памятники охраняются государством.

Кроме того, было установлено 16 крупных информационных стендов, содержащих подробную информацию о каждом памятнике (на русском и английском языках), фотографии, планы, аэрофотоснимки. Эти стенды предназначены для просвещения местных жителей и тех, кто специально приехал познакомиться с тем или иным памятником.

В рамках этого же проекта была организована серия просветительских мероприятий в некоторых населенных пунктах, вблизи которых находятся охраняемые памятники, а также издан красочный научно-популярный путеводитель по памятникам «Страны городов» (Макурова, Петров, 2017).

В последние годы выявлены положительные моменты в восстановлении степной экосистемы и сохранении памятников археологии. Наиболее успешно происходит восстановление разнотравно-типчаково-ковыльной степи на участке поселения Исеней. Это связано с отсутствием хозяйственной деятельности, за исключением умеренного выпаса.

На участках Куйсак и Степное рекультивация пахотной земли путем засева костра безостого показала хорошие результаты, ускорив процессы по восстановлению типчаково-ковыльной степи.

Опыт мониторинга показал, что для сохранения памятников культурного наследия и восстановления их естественной среды необходимы следующие меры:

- постоянная работа с местными муниципалитетами и населением;
- грамотная рекультивация археологических раскопов (восстановление микрорельефа и почвенного покрова);
- засевание поверхности дерновинными злаками для восстановления степной растительности и почвенного покрова на месте распахки. Дерновинные злаки ограничивают рост сорного разнотравья и сохраняют от ветровой эрозии археологические памятники;
- контроль за состоянием охранных знаков и информационных стендов;
- постоянные наблюдения (желательна организация егерской службы);
- очистка от бытового мусора.

Однако для некоторых участков этих мер будет явно недостаточно. Сегодня самым проблемным памятником заповедника является досто-

примечательное место Синташта. Большой Синташтинский курган, имевший диаметр около ста метров и высоту несколько метров, исследовался с помощью строительной техники в советское время. Часть кургана (один край, центральная бровка и обводной ров) не исследована до конца. Отвалы сложены по периметру объекта и представляют собой печальное зрелище, а постоянный выпас скота привел к сильнейшей деградации растительности. Для таких памятников необходима разработка отдельных многолетних и затратных программ по рекультивации и музеефикации.

Современные степные ландшафты подвержены сильному антропогенному влиянию. В таких условиях необходимо сохранение хотя бы ключевых участков с естественными биогеоценозами.

Территории Заповедника «Аркаим», при регулярном мониторинге и своевременном принятии охранных мер, могут стать заповедными участками, выполняющими комплексные задачи по сохранению исторического и природного наследия, служить резерватами биоразнообразия для возможности восстановления природной среды в степной зоне и стать источником знаний о древних обществах и изменениях окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М.А., Бакунин В.А., Кривопалова З.Ф. Природа Челябинской области. Челябинск, Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2000. 269 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Левит А.И., Плаксина А.Л., Маркова Л.М. Эколого-ландшафтное картографирование в степной зоне Зауралья // Вестник Челябинского университета. №5 (220), Вып. 5. 2011. С. 36-43.

Макурова М.Р., Петров Ф.Н. Аркаим – «Страна городов». Путеводитель по «бронзовому кольцу России». Челябинск: «Абрис», 2017. 55 с.

Плаксина А.Л., Макуров Ю.С., Батанина Н.С. Мониторинг как мера по охране историко-культурного и природного наследия в условиях заповедника кластерного типа «Аркаим» // Степи северной Евразии: материалы VII Международного Симпозиума. Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. С. 659-663.

Шакиров А.В. Физико-географическое районирование Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 619 с.

А.М. Кисленко

М.И. Демешко

Как строили жилища в каменном веке

Многие из наших современников считают, что каменный век – это неимоверно далекое прошлое. И люди, которые жили в этом прошлом, были дикими, ходили в одежде из шкур животных, жили в пещерах или простеньких шалашах, питались сырым мясом, рыбой и съедобными растениями.

В начале каменного века, возможно, так и было. Но каменный век – самая длительная эпоха в истории человечества. Он начался почти два с половиной миллиона лет назад и закончился около 5 тысяч лет назад. И как раз в конце каменного века начинается самое интересное. А точнее, этот период изучен учеными более подробно, чем предыдущие.

К этому времени давно закончились все ледниковые периоды и климат стал очень похож на современный. Люди того времени достигли совершенства не только в приспособлении к климату и выживанию, но и в строительстве жилищ, изготовлении орудий труда из камня, кости, дерева.

Самое главное, они научились жить долго на одном месте и рационально использовать для питания существующие природные ресурсы, а не бродить с места на место в поисках пищи. Поэтому в конце каменного века, в эпоху энеолита, появились большие поселки с долговременными жилищами. То есть не временные шалаша, а хорошие, добротные постройки и поселки, где могли жить не по одному десятку лет.

Археологи в 60-80-х гг. XX века на Южном Урале, в Южной Башкирии и Северном Казахстане обнаружили остатки более десятка таких поселков. Судя по материальным остаткам (керамической посуде, орудиям труда, технике обработки камня), эту территорию занимало население с похожими хозяйственно-культурными укладами. Но археологи все-таки по набору признаков выделяют здесь несколько культур (фото 1): суртандинскую на Южном Урале, терсекскую в Тургайском прогибе и ботайскую в Приишимье.

В древности поселки были заселены круглый год, но особенно многолюдными становились в осенний и зимний период. Осенью занимались ремонтом крыш и строили новые жилища, зимой устраивали совместные загонные охоты на крупных животных: диких лошадей, бизонов, сайгаков. Благополучная охота и добротное жилище были гарантией выживания в суровом степном климате.

На поселениях терсекской и суртандинской культур были обнаружены остатки жилищ предположительно сезонного (летнего) обитания. А самое крупное, долговременное и всесезонное поселение этой эпохи было обнаружено и раскопано в Приишимье, на берегу степной речки Иман-Бурлук. Археологи его называли Ботай. Здесь когда-то стояло более двухсот

жилищ, которые занимали площадь около 8 га. Археологам удалось выяснить, что поселение существовало не менее 100 лет (Зайберт, 2011).

Свои первые жилища древние ботайцы начали строить вдоль родникового ручейка в укромной долинке. С южной стороны маленький поселок защищал обрывистый берег степной речки, а с северной – поросшие лесом холмы. Шли годы, численность населения поселка росла, и к старым жилищам пристраивались новые. Формировались своеобразные «кварталы», в которых насчитывалось до трех десятков построек. Между ними пролегали «улицы» шириной до 8 м и длиной до 50 м (рис. 5-6). Но сейчас на месте древнего поселения и его жилищ сохранились лишь блюдцеобразные впадины глубиной не более 10 см (рис. 1).

После окончательной расчистки остатков построек стало ясно, что самое маленькое жилище внутри имело площадь 20 м², а самое большое – 75 м². В центре на полу обычно было расположено углубление для очага. Нередко рядом находились следы еще одного очага. Вероятно, он служил для дополнительного обогрева в наиболее холодные зимы. Очаги служили не только для отопления, но и для приготовления пищи и обжига глиняной посуды.

В глубине помещения под стеной обычно находилась яма-погреб для хранения продуктов.

Большую часть находок археологи сделали на полу у очага, с противоположной стороны от входа или на «полочках»-нишах в глиняных стенах. Основную часть времени жители проводили у очага, а хранили свою хозяйственную утварь в нишах стен. Пространство слева и справа от входа, судя по малому количеству культурных остатков и сохранности обмазки пола, было занято лежанками для сна.

Рис. 1. Поселение Ботай, общий вид. Жилищные впадины

Рис. 2. Раскоп с жилищными котлованами на поселении Ботай

На обмозке пола одного из жилищ удалось зафиксировать отпечатки обгорелых бревен рухнувшего купола крыши. Это позволило впоследствии представить конструкцию крыши и наличие в ней дымового (светового) проема.

В то время у населения уже сформировались какие-то верования и ритуалы. Об этом свидетельствуют находки под «порогом» у входа в некоторые жилища – захоронения черепа лошади или собаки. Можно предположить, что лошадь была символом хорошей добычи, а собака – первым другом человека и сторожем жилища. В одном из жилищ в нише стены археологи нашли череп человека, обмазанный красной глиной. Возможно, это был череп шамана, которому поклонялись соплеменники.

Расчищенный котлован одного из жилищ (рис. 2-3) на краю «улицы» в 1983 году был использован для реконструкции в натуральную величину. Конечно же, при этом использовались документальные данные, полученные при раскопках еще многих жилищных и хозяйственных построек. Натуральная модель постройки была необходима для проверки правильности теоретической реконструкции. Требовалось на протяжении ряда лет пронаблюдать процесс разрушения постройки, чтобы понять последовательность образования культурного слоя.

В первую очередь было необходимо поэтапно восстановить отдельные элементы конструкции и жилища:

- форму в плане;
- особенности пола, его уровень относительно окружающей поверхности;
- устройство стен, входа и перекрытия;
- выявить внутреннюю планировку;
- эффективность отопления, как отапливалось жилище;
- выяснить, где спали, ели, занимались трудом;
- и, наконец, проверить, действительно ли в нем можно было жить.

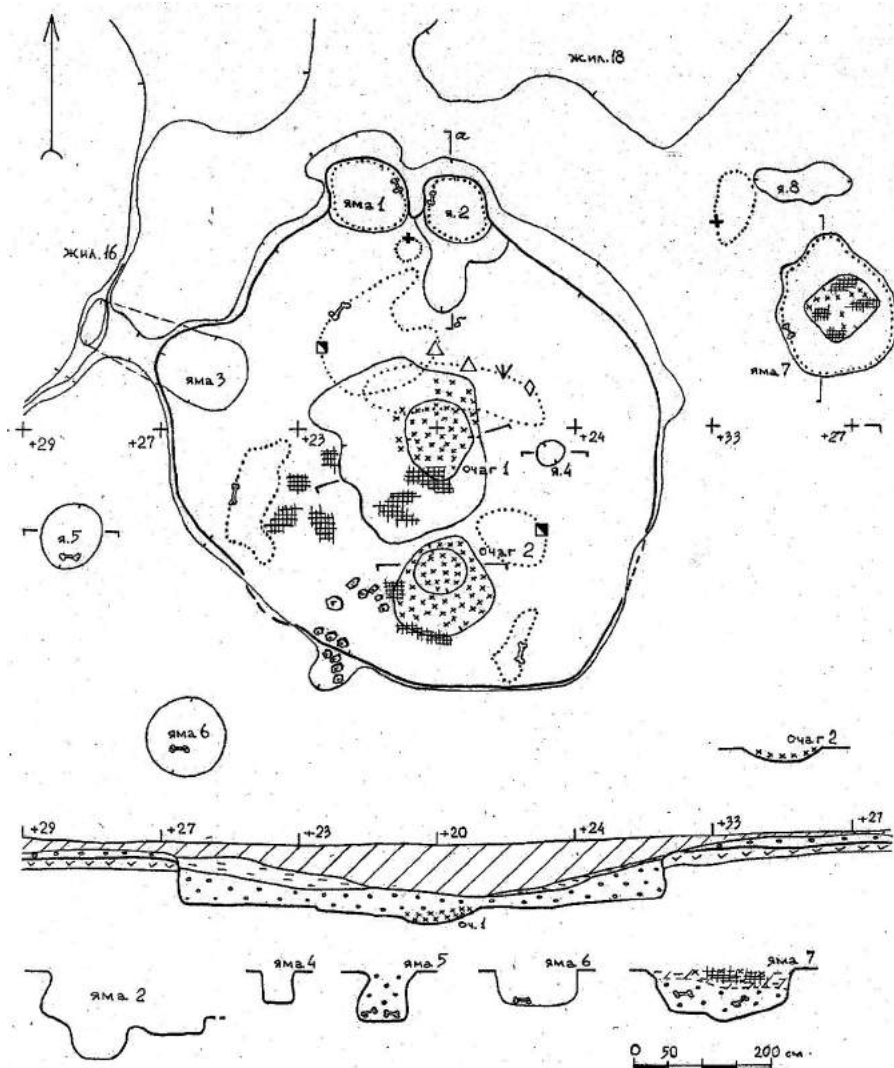

Рис. 3. План раскопа одного из жилищ на поселении Ботай

Первая масштабная реконструкция сразу же выявила недостатки теоретического моделирования. Основной отличительной особенностью этой модели была уплощенная крыша. При разжигании огня в очаге из-за несоблюдения тяговой высоты дым активно распространялся внутри помещения. Ведь при полевых исследованиях нам удалось получить

представление только о конструкции и форме купола, а не о его высоте. Кроме того, крыша по причине ее большого радиуса и уплощенности оказалась недостаточно прочной и, несмотря на два опорных столба, вскоре разрушилась.

Учитывая этот опыт, в следующем году на Ботае (фото 2), а в 2000-х гг. на Аркаиме (фото 3 и 4) было смоделировано в натуральную величину еще несколько жилищ разных размеров и с вариантами внутренней планировки (Кисленко, 1993).

Для начала археологи провели хронометраж всех трудовых операций с использованием орудий труда, типичных для каменного века.

Углубление для жилища (котлован) копали палками-копалками с костяными наконечниками. Взрыхленную глину насыпали в мешки из шкур костяными лопатками и выносили. Такими же кожаными мешками носили воду из речки и месили глину. Этой глиной потом обмазывали стены, крышу и пол. Каменными топорами рубили деревья и стесывали ветки. Каменными серпами срезали траву и камыш.

Таким образом, удалось выяснить, что построить среднее жилище площадью 30-40 квадратных метров одна большая семья могла за 40 дней. Причем работали они по 7-8 часов в день. В остальное время нужно было спать, добывать и готовить пищу, заниматься хозяйством. В такой большой семье могло быть восемь человек: четверо взрослых (двое мужчин и две женщины) и четверо подростков (два мальчика и две девочки). А если семье помогали соседи, то жилище можно было построить и быстрее, чем за 40 дней. В итоге можно сказать, что в зависимости от размера жилища, количества строителей, близости леса и источника воды трудозатраты могли составлять от 150 до 350 человеко-дней.

В Заповеднике «Аркаим» для строительства выбрали площадку на берегу реки Большая Караганка, в ландшафте мелкосопочника, характерного для расположения поселений представляемой культуры. В эксперименте приняли участие школьники и студенты университета под руководством опытного археолога. Правда, здесь работали уже современными орудиями труда.

Сначала выкопали округлый котлован площадью 33 м² и глубиной 70 см (было вынуто 23 м³ грунта). Глину из котлована уложили по окружности в виде трапецевидного в поперечном сечении вала. Чтобы глина не расползлась и не размывалась, в нее для армирования добавляли камни и кости животных. Получилась широкая стена высотой около метра. Со стороны восхода солнца оставили неширокий проем для входа внутрь.

На выстроенную стену по периметру шестиугольником были уложены восемь венцов бревен диаметром около 20 см и длиной до 5 м. Причем на каждом венце уменьшали радиус крыши. Бревна своими концами опирались на концы бревен соседних сторон. Для большей горизонтальной жесткости

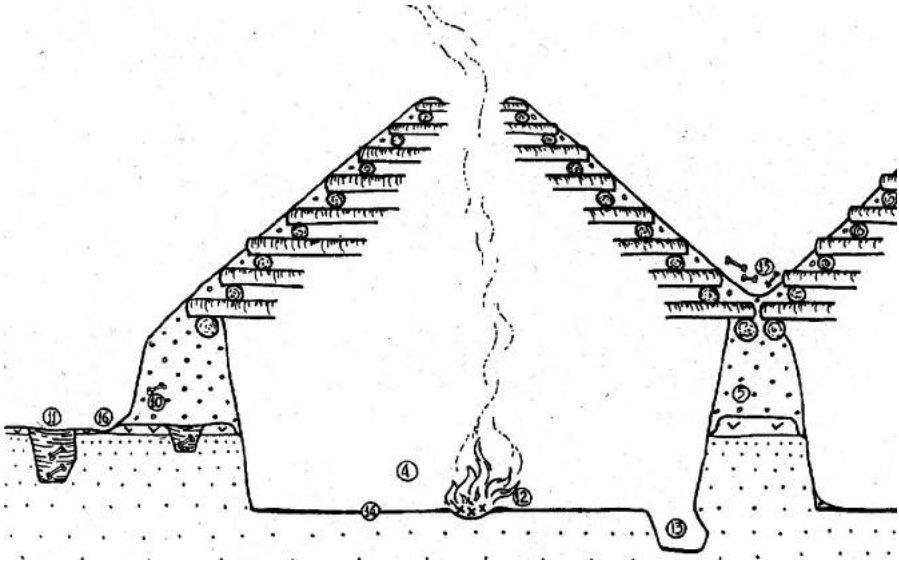

Рис. 4. Схема конструкции энеолитического жилища

венцы фиксировались неглубокими зарубками. В итоге над котлованом с глиняными стенами появилась крыша в виде многоугольного шатра.

На вершине шатра крыши было оставлено дымовое отверстие 50x50 см, которое служило и световым окном. Высота потолка в центре помещения получилась более трех метров (фото 8).

При сооружении последней реконструкции самого крупного жилища число венцов купола за счет большей площади было увеличено до 18, изменились высота и крутизна свода. Отпала необходимость в опорных столбах (тем более что при раскопках следы их фиксировали крайне редко). Таким образом, экспериментальным путем мы выяснили, что у шатровой многоугольной крыши крутизна ската должна быть около 45°, длина бревен в основании венцов не более 6 м, а высота – достаточная для образования естественной тяги.

Снаружи бревенчатый свод укрыли ветками деревьев, камышом, травой, пластами дерна и обмазали слоем глины.

Для реконструкции входа пришлось использовать в основном косвенные данные, так как археологические признаки его наличия фиксировались слабо. При указанной конструкции крыши практически невозможно сделать в своде боковой проем, поэтому мы предположили, что вход оставлялся в глиняной стене. Поскольку высота ее была менее одного метра, следовало искать в полевых материалах нарушение контура плана или вертикальности борта котлована. Во многих случаях поиски

увенчались успехом: были выявлены участки шириной до 1 м. У котлованов некоторых жилищ были зафиксированы столбовые ямки от конструкции входного коридора длиной до 1,5 м.

Выполнив реконструкцию, мы убедились, что нижний венец купола крыши над входом должен находиться несколько выше от уровня пола в тамбуре. Но и в этом случае высота входа не могла быть более 80-100 см. Или должен существовать заглубленный коридор, но последнее нигде не фиксировалось.

Требовались поиски конструктивного решения входа. Поэтому в последующих вариантах реконструкций нижние два-три венца купола над входным проемом стены мы не стали монтировать. Вместо них на соседние углы укладывали по два-три длинных бревна, которые по хорде пересекали пространство постройки. При этом жесткость купола не нарушалась. Выступающие наружу концы бревен служили для оформления входного тамбура высотой почти в человеческий рост.

Внутри жилища хордовые бревна служили основой для монтажа второго яруса – спальных мест, своеобразных полатей. Под ними, как уже говорилось выше, сооружался нижний ярус лежанок. В последней

Рис. 5. Графическая реконструкция одной из «улиц» на поселении Ботай

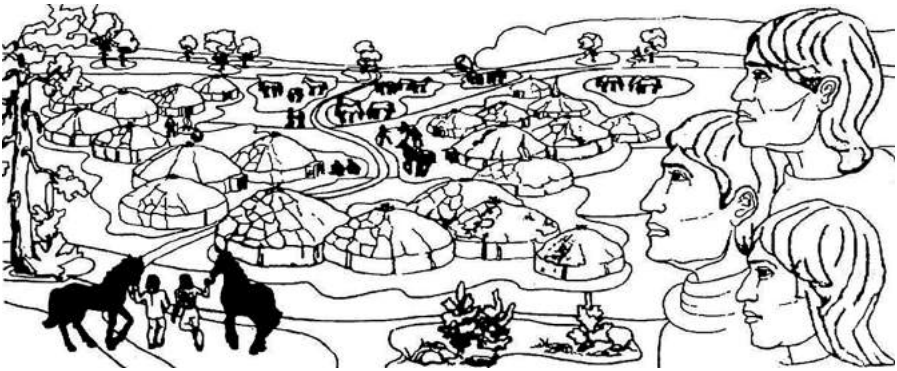

Рис. 6. Графическая реконструкция поселения Ботай и антропологического типа энеолитического населения Урало-Казахстанских степей (по данным антрополога Г.В. Рыкушиной)

реконструкции жилища с большой площадью за счет высоты купола был сооружен и третий ярус лежанок. Для доступа на верхние ярусы пристраивались лесенки. На таких лежанках свободно могло разместиться по два человека, а на длинных и по четыре (фото 7).

В задней, хозяйственной, части жилища у стены восстановили яму-погреб для хранения продуктов. В самой стене были сделаны ниши для хозяйственной утвари и ритуальных предметов. Пол и стены изнутри обмазали глиной. В центре, на полу сделали углубление под очаг, которое обложили по периметру камнями (фото 5-6). Над очагом можно подвешивать и сушить или коптить мясо. Такие очаги обладали обычно не только отопительными, но и производственными (обжиг посуды) и ритуальными функциями. О последних свидетельствуют находки обожженных костей, расположенные рядом орнаментированные предметы, выкладки из лошадиных черепов.

Все, жилище построено! А можно ли в нем жить?

Уже поздней осенью, в ноябре, когда ночью на улице было 20 градусов мороза, несколько экспериментаторов решили переночевать в построенном жилище. Заготовили дров, еды. Оказалось, что на лежанках, укрывшись полушубками, можно было спокойно спать. А у древних жителей, вероятно, были одеяла из шкур животных. Правда, один из жителей должен был всю ночь дежурить и поддерживать огонь в очаге.

Дым легко выходил через отверстие в крыше. Когда моросил дождь или порошил снежок, выходящий теплый воздух не давал им проникать внутрь жилища. В жаркие дни внутри было прохладно и комфортно. Поэтому летом, когда требовалось развести огонь, сооружался еще один очаг, но снаружи, у входа в жилище.

Со временем любая семья увеличивается, ей становится тесно. Возникает необходимость в строительстве нового жилища. Поэтому археологи на

Аркаиме продолжили эксперимент и к стене первого сооружения пристроили второе жилище, но немного поменьше, всего 20 м². Ко второму пристроили и третье, побольше – 65 м². Но вход с улицы сделали только в маленькое жилище, а в третье жилище можно попасть из второго через внутренний проход в стене. Получилось очень удобно – как большая двухкомнатная квартира. Здесь уже могут жить как минимум две семьи. Зимой в третьем жилище намного теплее, так как его вход не связан с улицей.

В течение нескольких лет как на Ботае, так и на Аркаиме удалось пронаблюдать почти полный цикл процесса и закономерностей разрушения постройки: размыв и осыпание дерновых пластов и обмазки крыши; размыв внутренних контуров котлована весенней водой; оседание глиняных стен; разрушение кровли; использование бревен перекрытия для хозяйственных нужд местным населением; естественный замыв остатков котлована талыми и дождевыми водами, его зарастание и формирование блюдцеобразной впадины.

Следует отметить, что обмазка купола крыши из-за воздействия атмосферных осадков требует регулярных ремонтов. При раскопках признаки таких неоднократных ремонтов фиксировались почти у каждого жилища. Исследователи столкнулись с такой необходимостью и при многолетних наблюдениях за воссозданными моделями.

Посезонное наблюдение за жилищем позволило сделать существенные выводы экологического, хозяйственного и этнографического характера. Поскольку человек ранних эпох во многом зависел от природы, он и старался всецело слиться с окружающим миром, не нарушать естественных экологических процессов, происходящих в этом мире. Поэтому округлая, приземистая ботайская полуземлянка хорошо вписывалась в микрорельеф мелкосопочника, создавая минимальное сопротивление активному ветровому режиму степей.

Полуземляночный тип построек в условиях многоснежной зимы позволял с максимальной рациональностью регулировать тепловой режим внутри помещения. Жилищные и хозяйственные постройки округлой в плане формы были довольно широко распространены у народов в зонах жесткого климата. Вместе с тем жилище, по представлениям предков, отражало структуру мирового пространства, его единство.

Древние навыки и традиции сохраняются очень долго. Например, в эпоху кочевников многие племена строили гробницы для своих вождей по образу ботайского дома. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить реконструкцию кургана «Темир». И почти до настоящего времени на стоябищах пастухов можно увидеть юрты, а в поселках – хозяйственные постройки, «шошолы», которые удивительно напоминают ботайские жилища.

Несколько слов следует сказать о хозяйстве энеолитического населения (Зайберт, Тюлебаев, Задорожный и др., 2007). Из раскопанной

части поселения Ботай собрана коллекция из сотен тысяч предметов. Большая часть из них представлена остеологическим материалом и простыми отщепами. Но и десятки тысяч представляют производственный и хозяйственный инвентарь. Для его изготовления применялся самый широкий ассортимент доступного сырья.

В коллекции сотни каменных топоров, наконечников из кремня и яшмы, скребков, проколов, сверл и много других орудий труда. Из сотен фрагментов керамики восстановлена посуда. По останкам костей можно было представить богатство животного мира. Только на исследованной части поселения (а это немногим более 10% площади культурного слоя) обнаружены кости 133 тысяч лошадей. Кроме того, на полу и вокруг жилищ хорошо сохранились кости лис, волков, собак, бизонов, сайгаков, оленей, медведей, бобров и многих других животных. Встречались и кости птиц, а также чешуя рыбы.

Инвентарь иллюстрирует хозяйственный уклад населения. Ряд обнаруженных костяных изделий можно трактовать как элементы узды и застёжки для пут, свидетельствующие о начавшемся приручении лошади. Каменные булавы, ножи, кинжалы, боласы, наконечники стрел, дротиков, копий связаны с охотой. Гарпуны указывают на ловлю рыбы. В кожевенном деле были необходимы: скребки, скребла, ножи, резцы, скобели, костяные тупики для выминания, абразивы и гладилки для шлифовки шкур. Среди швейных принадлежностей: иглы, проколки, шилья. Для плетения циновок нужны костяные качедыки, для прядения – пряслица. В керамическом производстве были задействованы: песты, терочники, ложила, самые различные штампы. Обнаружено также множество костяных рукоятей и каменных наковален. В коллекции находок есть и культовые предметы, амулеты, украшения (Зайберт, 1993).

Довольно совершенными были камнеобработка и обработка кости, без которых невозможно было изготовление качественных орудий труда. Среди вспомогательного инвентаря – отбойники, ретушеры, молотки, абразивы, кремневые сверла, резцы, диски-маховики.

К строительному инвентарю можно отнести более 10% изделий. Костяные наконечники землеройных орудий и лопатки необходимы были при рытье котлованов полуземлянок. Выделены многочисленные деревообрабатывающие инструменты: топоры, тесла, долота, стамески, струги, резцы, ножи, скобели, сверла.

Ведущий исследователь энеолита восточной степи В.Ф. Зайберт характеризует ботайский культурно-хозяйственный тип как оседлый многоотраслевой с зарождением производящей основы – коневодства. Но производящей формы хозяйства в обычном ее понимании фиксировать здесь еще нельзя. Пока приручались лишь отдельные особи, необходимые для конной охоты. Это был новый, высший и последний этап в развитии

хозяйства потребляющего типа – конные охотники, контролирующие дикие стада животных.

Позднее, в III тысячелетии до н. э., с началом эпохи бронзы в степи формируется совершенно иной культурно-хозяйственный тип, основанный на скотоводстве. Это уже развитое производящее хозяйство, освоившее целый ряд новых технологий, в том числе колесо и колесную повозку, сыгравшие огромную роль в дальнейшем прогрессе человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 244 с.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. Кокшетау, 2007. 163 с.

Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации. Алматы: Баспасы, 2011. 480 с.

Кисленко А.М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск: ИА НАН Респ. Казахстан, 1993. С. 117-136.

А.Л. Шохин

Заметки о геологии:

Аркаимская долина и ее окрестности

Территория вокруг Аркаима уникальна своим геологическим строением. Через заповедник, по линии тектонического разлома, проходит граница двух крупных геологических структур: Магнитогорского прогиба и Восточно-Уральского поднятия. Магнитогорский прогиб охватывает пространство от широты Челябинска на севере до Мугоджар на юге при ширине 50-100 км.

Главными здесь являются вулканогенные и осадочные породы, формировавшиеся в подводных условиях на окраине древнего Уральского океана и имеющие палеозойский возраст (силур, девон, карбон: 443,8-298,9 млн лет назад). Восточно-Уральское поднятие имеет ширину 100-150 км и протягивается вдоль всего восточного склона Урала на 1000 км. Эта структура из-за широкого развития гранитоидных массивов называется «Гранитная ось Урала». Такое сложное геологическое строение территории обусловило наличие здесь большого разнообразия минеральных ресурсов.

Окрестности заповедника Аркаим достаточно хорошо изучены производственными партиями геологов. В отчётах разведчиков недр описываются горные породы, которыми сложены слои земной коры, установлен их возраст, дана оценка наличию полезных ископаемых и перспективам их освоения. Результатом научных исследований геологов являются десятки научных статей и монографий, богатая коллекция образцов в фондах музея. Совместное изучение археологами и геологами древних рудников, металлических и каменных артефактов всё больше проясняет многие интересные детали существования древних народов на территории Южного Урала.

Любознательному туристу, которому интересна геология окрестностей Аркаима, лучше всего начать путешествие в мир горных пород и минералов с посещения музея «Природы и Человека». Здесь посетителям музея представлена геологическая история в виде наиболее характерных для этих мест образцов горных пород, минералов и руд. Каменные «документы», такие как застывшие лавы древних вулканов, результаты длительных осадочных и метаморфических процессов, медные и железные руды, разместились в двух взаимодополняющих геологических экспозициях.

Коллекция массивных образцов «Память Земли» раскинулась на открытой площадке возле входа в музей. Выставка «Аркаим глазами геолога» занимает холл первого этажа музея. В витринах – свидетельства истории Земли: окаменелости, образцы осадочных, магматических и метаморфических пород, изделия древнего человека из камня и металла.

На информационных стендах, картах, схемах и фотографиях раскрыта тема выставки.

Более полную информацию об особенностях геологических процессов, протекавших на Южном Урале в течение миллиардов лет, можно получить на экскурсии «Каменные летописи Аркаимской долины». Разработан пеший маршрут вокруг туристического лагеря с посещением геологических экспозиций музея. В этом доступном путешествии знакомят с деятельностью палеовулкана, породами со дна древнего моря и современными геологическими процессами. Экскурсия заканчивается в полевой геологической лаборатории.

А если не ограничиваться экскурсией по территории лагеря, то при желании можно посетить месторождения горного хрусталя, яшмы, золота, угля, мрамора, пещеры, скалы и другие геологические объекты в окрестностях Аркаима (в радиусе 50 км).

Вот некоторые из них.

Гора Шаманка (350,2 м; другие названия: Лысая, Змеиная). Гора с округлой вершиной, к востоку от которой начинается заповедная территория. Относительная высота от уровня реки Большая Караганка около 40 м. Из аркаимских возвышенностей Шаманка – самая посещаемая туристами гора и самая информативная по геологической истории.

Гора сложена лавами и вулканогенно-обломочными породами. Округлые формы современного рельефа обусловлены длительными процессами «выравнивания гор». В далеком прошлом, примерно 350 миллионов лет назад (каменноугольный период), здесь располагалась подводно-надводная вулканическая гряда типа современных Курильских островов. В юго-западной части современного заповедника был расположен действующий вулкан высотой около 1 км и шириной в поперечнике порядка 8 км. В геологическом плане Шаманка вместе с Грачиной сопкой и горой Аркаим являются частью того древнего вулкана.

Прекрасный геологический разрез палеовулкана можно наблюдать в канале для аварийного слива воды – проране. Паводковый водосброс строился как часть гидросооружений Большекараганского водохранилища. Он представляет собой открытый канал глубиной 2,5 м и шириной по дну 35 м. Траншею пробивали в коренных породах с помощью взрывов, часть склона горы Шаманки была удалена. Строительство водохранилища в 1991 году было прекращено, обводной канал не был заполнен водой.

В склонах канала, как в разрезе, хорошо видны следы вулканического извержения, которое происходило около 350 миллионов лет назад. Здесь можно увидеть внутреннее устройство вершины вулкана: окаменевший пепел, вулканические бомбы, потоки лав. Все эти отложения пересекают магмаподводящие каналы (дайки). В жилах, созданных горячими водами вулкана, можно встретить барит с вкрапленностью рудных минералов

(галенит, пирит, халькопирит, малахит и др.). В канале встречаются камни с дендритами марганца, которые по незнанию принимают за отпечатки древних растений (фото 1). Они и правда чем-то похожи на растения, но такое сходство обманчиво. Это целиком кристаллические образования.

Скальные выходы у посёлка Александровский. Скалы сложены продуктами древнего подводного вулканизма (фото 2). Толща этих пород сформировалась в морских мелководных условиях 380 миллионов лет назад (девонский период). Здесь хочется обратить внимание на тектоническую трещину – разлом. Он хорошо выделяется в скале линейным направлением и неоднородным заполнением – сцементированными обломками вулканических пород.

В геохимическом плане породы отличаются повышенным содержанием меди и цинка. В белой карбонатной жиле встречаются корочки малахита. Геологи здесь обнаружили дайку лампроитов. Эти породы интересны тем, что в них могут быть алмазы.

Лисьи горы. Это группа небольших холмов в 5 км к северо-западу от заповедника «Аркаим», протяженностью около 20 км. Отметки высот Лисьих гор – 360-400 м над уровнем моря. Представляют собой глубокоководные вулканические образования возрастом в 400 млн лет (девонский период). Сложены горы андезит-базальтами, которые рассечены кварцевыми красно-цветными яшмами: гематит-кварцевыми жилами (фото 3). Эти горные породы хороши для изготовления разнообразных сувениров и коллекций. Кроме яшмы, здесь присутствуют рудопроявления марганца, железа, золота.

Песчано-галечные отвалы – следы добычи россыпного золота вблизи поселка Александровского на правом берегу реки Большая Караганка. В начале XX века вблизи Лисьих гор бельгийская компания добывала золото из мелких шурфов. Некоторое время местные жители даже стали именовать Александровку Катангой, по названию провинции в республике Конго (Африка), где эта иностранная компания занималась разработкой полезных ископаемых.

Следы разработок по добыче золота даже в наши дни выделяются на местности характерным строением: сотни выработок нарушили рельеф пологого увала. Для промывки было необходимо большое количество воды, поэтому руду приходилось грузить на подводы и отвозить к реке. Здесь с помощью нехитрых старательских приспособлений и отмывали золотой песок и мелкие самородки.

В советское время добыча золота носила кустарный характер – на речках Утяганке и Большой Караганке до середины 30-х годов XX века этим нелёгким старательским делом занималось несколько семей.

Черкасинская сопка (375,9 м; другие названия: гора Разума, Вышка, Маячная) и **гора Крутая** (361,5 м; другие названия: гора Счастья). Эти две возвышенности в северной части аркаимской долины, как и Шаманка с

Грачиной сопкой, разделены течением реки Большая Караганка. Тектонические силы в земной коре раскололи некогда единую вулканическую структуру. Горы сложены потоками лав и вулканообломочными породами базальтового и риолитового состава. Возраст этих пород – 350 миллионов лет (каменноугольный период).

Долина камней (другое название: Долина предков). Среди степного ландшафта, недалеко от реконструкции кургана «Темир», взору открывается поле с каменными глыбами причудливой формы (фото 4). Некоторым камням туристы присвоили имена: Мозги, Инь-Ян, Трон, Голова Дракона и др. Многие глыбы имеют очень ровные разломы, создается впечатление, что какая-то неведомая сила разрежала камни, словно ножом. По данным геологов, «Долина камней» – наглядный пример следов древнего подводного вулканизма. Лавовые потоки состоят из пород андезит-базальтового ряда девонского возраста (380 млн лет). Геологические процессы выветривания горных пород привели к образованию трещин вдоль ослабленных зон и растаскиванию «половинок» в стороны.

Гора Кудрявая (389,3 м; другие названия: Кудрявка, Семи Печатей). Массив горы Кудрявой сложен гранитами, имеет размеры 3х5 км, глубина залегания этих пород достигает до 1,5 км. Гранитные скалы этой горы сложены из толстых плит, нагроможденных горизонтально одна на другую. Плиты с округленными краями похожи на тюфяки или матрасы. Такую отдельность в гранитах называют матрацевидной. Фрагменты таких плит использовались с древнейших времен вплоть до XX века для возведения стен жилищ, оборонительных конструкций и погребальных сооружений.

Мраморный карьер. Полоцкое месторождение мрамора издавна выделяется на фоне бескрайнего степного неба развалами белого камня (фото 5). Вблизи, в бортах и дне карьера – геометрически четко распиленные плиты и блоки благородного материала. Мрамор Полоцкого месторождения идеально пригоден для скульптурных работ и барельефов, так как фактура камня, легкость в обработке, однородная цветность, отсутствие четко выраженных темных включений способствуют созданию истинных произведений искусства. Часть мраморных блоков идет на экспорт в Европу и даже в «мраморную» Италию. Неликвидные куски перерабатывают здесь же, в дробилках, на микроальцит. Эта мраморная мука в качестве наполнителя используется в производстве самых разных товаров – от строительных до парфюмерно-косметических.

Рядом с действующим карьером находится карьер уже отработанный, затопленный родниковыми водами. Так получился уникальный бассейн в мраморах, где в летнюю жару приятно искупаться.

Толща мрамора является свидетелем накопления осадков на дне древнего моря с последующей её кристаллизацией в карбоновый период (примерно 350 миллионов лет назад).

Разработка полезного ископаемого ведется с помощью распиловочных агрегатов, глубина карьера более 40 метров, запасов мрамора хватит минимум на 100 лет.

Хрусталеносные кварцевые жилы и россыпи. За поселком Черкасы и в районе села Новинка распространены кварцевые жилы. Некоторые из них содержат горный хрусталь, обладающий пьезооптическими свойствами. Здесь было разведано месторождение пьезооптического кварца, добыто пять тонн кристаллосырья. На местах, отработанных разведочными канавами, и в бортах оврагов встречаются обломки, а иногда и целые кристаллы горного хрусталя, дымчатого кварца. Известны находки мориона и кварца с иглками красного рутила. Нахождение кристалликов и небольших друз отмечено в глинистом обрыве на восточном берегу водохранилища на реке Мандесарка.

Пещера Новинка-1 (другое название: пещера имени Сальникова). Между поселками Полоцкое и Новинка расположено множество карстовых воронок. В одной из них (глубина 4,5 м) в пачке чередующихся доломитов и мраморов находится основной вход в пещеру. Длина ходов пещеры – более 160 метров, она сейчас самая длинная в Кизильском районе (фото 6). Глубина пещеры 10 м, в ней выявлено девять ходов-продолжений, которые можно расширить.

По результатам исследований и работ по расчистке пещеры под руководством В.И. Юрина был обнаружен и вскрыт второй вход в пещеру и собраны более ста целых и фрагментированных костей разных видов животных, в том числе бурого медведя.

Искусственный водопад на р. Утяганка. Всю весну, во время сброса излишних паводковых вод с Калининского водохранилища, шумит самый настоящий водопад (фото 7). Вода, зажата холмами, в конце водосбросного канала падает с уступа и промывает в горе каменный каньон. В бортах каньона ровными слоями залегают окремненные известняки. На поверхности отдельных образцов встречаются микрокристаллические кварцево-халцедоновые щётки, ярко сверкающие на солнце.

Рядом с водопадом разведаны большие запасы цинка. В сфалеритовых рудах Амурского цинкового месторождения ещё есть кадмий, серебро, золото. Полезные ископаемые планируют добывать в ближайшие годы подземным способом. Для этих целей будет возведён горно-обоганительный комбинат.

Гора Чека (558,3 м). На карте XIX века геолога Г.П. Гельмерсена гора Чека имеет название Кара-Чек, вероятно, от казахского «Кара-Шоқы» – «Черный холм». Это самая высокая точка юга Челябинской области (фото 8).

Чека возвышается над окружающей холмистой степью, её правильный конус хорошо виден со всех сторон. Гора Чека сложена щелочными гранитоидами: розовато- и красновато-серыми гранитами, гранит-порфирами, граносиенитами. На вершине горы обнажены многочисленные жильные породы, пересекающие гранитоиды чекинского комплекса. Гора

изрезана многочисленными логами и балками, по дну большинства из них текут ручьи. У ее подножия берут начало несколько родников. У южной оконечности горного массива в реку Урал впадают реки Малая и Большая Караганка.

Гора Разборная (481,3 м). Массив горы Разборной протянулся с юго-запада на северо-восток, возвышаясь над окружающим степным ландшафтом на 50-80 метров. Западный склон горы Разборной более крутой, восточный – пологий, ступенчатый. Огромные «ступени» по склону и 5-7-метровые скальные выходы на вершине сложены горизонтально лежащими плитами гранитов (фото 9). Гранитоиды образовались в конце эры палеозоя (примерно 290 млн лет назад) и представлены крупно- и среднезернистыми биотитовыми, амфибол-биотитовыми гранитами, лейкогранитами и гранит-порфирами. Чётко выраженная матрацевидная отдельность, многочисленные воронки, пустоты, ниши в горных породах – результат процессов выветривания. Ветровая и водная эрозия, мороз и солнце со временем сформировали причудливые формы в скале.

С точки зрения геолога, интересных объектов в окрестностях Аркаима гораздо больше, и они ждут туриста-исследователя на каждом шагу. Стоит только отправиться в увлекательное путешествие по степи, как тут же, под ногами, могут быть обнаружены увлекательные находки. Что это будет: увесистый кусок железной руды, образец поделочного змеевика, рисунчатая яшмовая галька или кристалл кварца? А может, это будет первый опыт посещения пещеры «не в горах», восхождение на гору-палеовулкан, наблюдение за могущественными природными силами или осознание мгновенности человеческого бытия в шкале геологического времени Земли? Как знать, ведь огромный геологический музей под открытым небом вокруг Аркаима ждёт своих любознательных посетителей.

ЛИТЕРАТУРА

Зайков В.В. Аркаим и геоархеологические странствия. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2007. 200 с.

Зайков В.В., Анкушева Н.Н., Юминов А.М., Зайкова Е.В. Аркаим: древние рудоносные вулканы. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2009. 194 с.

Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Таиров А.Д. Основы геоархеологии. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2012. 263 с.

Колисниченко С.В. Яшмовый пояс Южного Урала: Энциклопедия уральского камня. Челябинск: Изд-во «Санарка», 2007. 310 с.

Левит А.И. Южный Урал: География, экология, природопользование. Учебное пособие. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2005. 246 с.

А.Л. Плаксина

Перспективы создания экологической тропы в Заповеднике «Аркаим»

Особо охраняемые природные территории во всем мире используются для организации экологического туризма. В Российской Федерации к таким территориям относятся государственные природные заповедники и национальные парки, большинство из которых развивают экскурсионно-туристическую деятельность. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» не только предусматривает экологическое значение природных комплексов и объектов заповедников, но и предполагает возможность ведения просветительской работы.

В настоящее время на Южном Урале более 30 экологических троп, работающих с разной степенью активности (Дракова, 2010. С. 5). Практически все тропы созданы на территориях лесных сообществ, поэтому создание экологической тропы в степной зоне является актуальной задачей.

Сегодня Аркаим – это не только археологический памятник на юге Челябинской области (Кизильский и Брединский районы), а целый музейный комплекс под открытым небом, с развитым культурно-познавательным и событийным туризмом. Посетителей заповедника, помимо прочего, привлекает и природа – степные просторы и окрестные сопки. Экологическое просвещение в Заповеднике «Аркаим» раскрывается через музейную и экскурсионную работу.

Открытие Аркаима и памятников «Страны городов» стало причиной создания кластерных заповедных территорий в местах их локализации (Зданович, Батанина, 2007). Особенность этих территорий заключается в том, что объектами охраны являются не только археологические объекты, но и вмещающий их ландшафт – в пределах Зауральского пенепплена, в лесостепных и степных предгорьях Южного Урала (подробнее об этом можно посмотреть в статье Ю.С. Макурова и А.Л. Плаксиной «Охрана памятников археологии в Заповеднике «Аркаим», размещенной в этом же сборнике).

В 1992 году была разработана научная программа «Человек и природа Южного Урала в позднем плейстоцене и голоцене», согласно которой территория заповедника рассматривается как полигон для изучения взаимодействия человека и природы на современном этапе, в ретроспективе и перспективе.

Проект экологической тропы разработан в соответствии с этой программой. Экотропа посвящена в первую очередь результатам научных изысканий сотрудников заповедника. Геологами еще в конце прошлого столетия проделана фундаментальная работа по созданию карты

геологического строения заповедника. Почвоведрами выявлены черноземы обыкновенные, выщелоченные и южные, луговые почвы, солонцы, солончаки, бурые и серые лесные почвы.

На памятниках археологии под антропогенными или естественными наносами были обнаружены погребенные почвы, которые предоставляют редкую возможность проследить в деталях изменение климата в конкретном районе на протяжении целого ряда тысячелетий.

В заповеднике есть метеопост, где с 1996 года регистрируются многие климатические показатели.

Степное Зауралье является уникальным регионом – это место контакта европейской, сибирской и среднеазиатской флор. Исследователями описана растительность заповедника, которая представлена в основном настоящими разнотравно-ковыльными степями. В местах выхода на поверхность коренных пород на вершинах и склонах сопок, на склонах речных долин широко распространены каменистые степи – полынно-типчаковые, типчаково-тырсовые, овсецовые, разнотравно-овсецовые.

Леса представлены колками с березой повислой и осиной, местами с участием сосны и лиственницы и единичными деревцами ивы. В долинах рек встречаются солонцеватые луга, образованные сочетанием полынно-типчаковых, типчаково-тырсовых и лугово-разнотравных сообществ (Моисеев, 1998. С. 7).

Из сосудистых растений в заповеднике охраняется 21 краснокнижный вид, шесть эндемиков (виды, обитающие в относительно ограниченном ареале) и шесть реликтов (виды, входящие в состав данного региона как пережитки прошлых геологических эпох и находящиеся в некотором несоответствии с современными условиями существования).

Животный мир заповедника разнообразен из-за пограничного расположения с лесостепными и лесными природными зонами, ландшафтами гор и равнин. На территории заповедника установлено обитание (размножение и периодические заходы) 32 видов млекопитающих, 88 видов птиц, из которых гнездятся 44 вида, 20 видов рыб, около 1000 видов наземных беспозвоночных. Количество пресмыкающихся и земноводных точно не установлено.

Из краснокнижных видов Челябинской области (Летопись природы, 1994) заповедником «Аркаим» охраняются два вида млекопитающих (степная пищуха, хомячок Эверсмана), восемь видов птиц (серощекая поганка, лебедь-шипун, пеганка, огарь, дербник, домовый сыч, лебедь-кликун, обыкновенный осоед), один вид рептилий (восточная степная гадюка), 13 видов насекомых (красотка девушка, обыкновенный богомол, степная дыбка, палочковидная ронатра и т.д.).

Несмотря на кажущееся однообразие южноуральской природы, она весьма богата и может быть объектом экологического туризма.

Экологическая тропа – это специально оборудованный маршрут, проходящий через различные экологические системы и другие природные и антропогенные объекты. Создается для целей экологического образования и просвещения. На маршруте посетители получают устную (с помощью экскурсовода) или письменную (стенды, аншлаги и т. п.) информацию об этих объектах. Во время движения по экологической тропе посетители получают информацию об экологических системах, природных и антропогенных объектах, процессах и явлениях (Малюткин, Севостьянова, 2018). Экскурсия по экотропе сочетает в себе обучение, познание, отдых, спорт и наслаждение красотой природы. История создания таких маршрутов насчитывает уже около 100 лет.

Считается, что первая природная тропа появилась в США в 1922 году. Она пролегла через все Аппалачи, от штата Мэн на северо-западе до Джорджии на юго-востоке. Это была прогулочная тропа, место отдыха и общения с природой. Позже возникает Континентальная тропа в скалистых горах и Тихоокеанская на западном побережье США.

В настоящее время экологические тропы широко распространены во многих странах мира: Канаде, Великобритании, Германии, России, Украине, Польше, Швеции, Швейцарии, Чехии, Эстонии, Кении, Индии, Японии и др.

В Крыму уже в 1912 году по указанию князя Л.С. Голицына вдоль скал была вырублена пешеходная тропа, известная сейчас как Тропа Голицына.

Во второй половине XX века в СССР начали появляться природные тропы учебно-познавательного плана. Первые из них появились в Эстонии в 1958 году. К концу XX века почти вся территория лесов была покрыта сетью учебных экологических троп.

В Челябинской области сложился определенный опыт по созданию экологических троп самого разного назначения: прогулочно-познавательных (озеро Увильды), туристско-познавательных (национальные парки Зюраткуль и Таганай), учебно-просветительских в условиях особо охраняемых природных территорий (озеро Тургойак, Светленькое и др.), учебно-экологических в лесопарках и скверах («Химик» в городе Копейске, городской сад им. А.С. Пушкина в Челябинске), вокруг озер, вдоль рек (р. Сим в г. Миньяре, р. Караболка и р. Синара в Кунашакском районе) и многих других в самых живописных местах Южного Урала (Дракова, 2010. С. 5).

Наряду с привлекательностью, другим важнейшим свойством тропы является её информативность. Получаемую здесь информацию условно можно разделить на познавательную, «просветительную» и предписывающую. Каждому виду информации соответствуют свои объекты на маршруте и свои знаки-символы (напоминающие дорожные знаки).

Натуральные объекты выступают источником преимущественно познавательной информации. Это виды растений, животных, формы рельефа, почвы и другие элементы живой и неживой природы. Именно они

подвергаются наибольшему воздействию со стороны человека. Культурные объекты – это археологические и исторические памятники и измененные деятельностью человека ландшафты.

Экологическая тропа, кроме образовательных экскурсий, проведения занятий, наблюдений, может быть использована для организации мониторинговой и проектной деятельности, выполнения социально-экологических проектов, проведения экологических праздников. Тропа рассчитана на посетителей разных возрастов, семьи с детьми, студентов, школьников.

На территории Заповедника «Аркаим» планируется создание двух экологических троп. Первая экологическая тропа – «Аркаимская долина» даст посетителям представление о заповеднике, истории этой территории, геологическом сложении и природных ландшафтах.

На 14 тематических станциях будет представлена информация об Аркаимской долине, стоянках каменного века, неукрепленных поселениях и курганных могильниках эпохи бронзы, развалинах водяной мельницы начала XX века, укрепленном поселении «Аркаим», палеопочвах, отложениях руслово-пойменных осадков, речной системы степной зоны, солонцовых и солончаковых лугах, каменистых степях, обводном канале с выходами коренных пород, скальных выходах с крупнообломочными брекчиями и туфами с баритовыми жилами и т.д.

Тропа начнется от подножия Грачиной сопки, пройдет по склону долины реки Большая Караганка через залежное поле и участки естественной настоящей степи, далее – по более пониженным частям рельефа (коренному берегу реки) с луговой степью к поселению Аркаим. В середине тропы будет поворачивать через реку Большая Караганка, выходить на берег с луговой и болотной растительностью, подниматься на увал с каменистыми степями, выходить к паводковому каналу с выходами коренных пород, подниматься на гору Шаманка и выходить к туристическому лагерю.

Протяженность тропы 4,5 км. Средняя продолжительность маршрута около 2-3 часов. Планируется разработать несколько тематических экскурсий в зависимости от интересов посетителей.

Проект второй тропы – «Степные пейзажи» включает в себя тропу «Аркаимская долина» и дополняется маршрутом по самой живописной и возвышенной части заповедника. Дополнительно к первой тропе добавляется еще восемь тематических станций, посвященных степным ландшафтам, вулканическим процессам, типичным степным сообществам, сукцессионным процессам, лесным колкам, животному миру, лекарственным растениям. В ходе маршрута посетителям откроется вид на самую высокую точку юга Челябинской области – гору Чека.

Тропа пройдет от подножия Грачиной сопки, далее – на вершину этой же сопки, на юго-запад через разнотравно-злаковую степь к «Пьяному лесу», затем на юг, на возвышенность в 380 м, на восток через урочище «Торчаки»

к залесенному логу, на северо-запад через разнотравно-ковыльную степь с сурчинами и по склону долины реки Большая Караганка выйдет на тропу «Аркаимская долина». Планируется разработать несколько тематических экскурсий.

Протяженность тропы около 10 км. Средняя продолжительность маршрута около 5-7 часов.

Целый ряд объектов в зоне тропы планируется создать из местных материалов, искусно вписав их в окружающий ландшафт. Информационные щиты, таблички с указателями, цифрами или символами, будут устанавливаться через определённые расстояния и у особо интересных объектов, позволяя быстро получить соответствующую информацию и направить движение посетителей по заданному маршруту.

Экологические тропы предполагается использовать преимущественно в летний период при отсутствии препятствий для прохождения (высокий паводок, пожары и т.п.).

Обязательным компонентом функционирования экологического маршрута является мониторинг тропы, отслеживание изменений её объектов.

Тропы будут доступны для посещения. Для начала тропы спланирована достаточно удобная для больших групп людей площадка с примечательным объектом (подножие Грачиной сопки), который просматривается с большого расстояния. Легкость прохождения обеспечивается тем, что посетителям нужно будет двигаться преимущественно по наклону вниз (к реке). Восхождения не предусматривают резких подъемов. Высоты от самой низкой до самой высокой точки не превышают 60 метров и в основном представлены пологими уклонами. У каждого экскурсионного объекта планируется установка информационного стенда и организация небольшой площадки для отдыха (например, скамейки, навесы).

Привлекательность и информативность ландшафта обеспечиваются его неоднородностью: спускаясь к реке вниз, посетители постепенно наблюдают смену ландшафтов – от каменистых степей до речной поймы. Привлекательность антропогенной составляющей обеспечивается памятниками археологии и истории.

Информационные стенды раскроют темы рельефа и геологического строения, почвоведения и гидрологии, климатических условий, флоры и фауны, а также расскажут про памятники археологии и этнографии.

В оформление экотропы войдет входная группа с общим аншлагом, на котором будет отображаться паспорт тропы, правила поведения, схема тропы с расположением информационных стендов, объектов и мест для отдыха. На каждой площадке будет установлен тематический стенд.

Конец тропы также будет оснащен аншлагом с информированием об окончании маршрута и перечнем других мест, которые можно посетить в заповеднике.

Заповедник «Аркаим» принимает ежегодно около 25 тысяч посетителей. Создание и оборудование экологической тропы – это новый шаг в развитии познавательного туризма и экологического просвещения.

Доступная экотропа познакомит посетителей с природой заповедника, историей региона и основными закономерностями формирования степных ландшафтов, будет способствовать формированию экологического сознания у населения и, как следствие, более бережному отношению к природе.

ЛИТЕРАТУРА

Дракова Д.К. Экологические тропы Южного Урала. Челябинск: Книга, 2010. 80 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Летопись природы. Челябинск, 1994. Фонды Заповедника «Аркаим».

Моисеев Д.А. Аннотированный список высших растений музея-заповедника «Аркаим» и его окрестностей. Челябинск: Рифей, 1998. 72 с.

Малюткин М.А., Севостьянова Л.И. Экологическая тропа «Заповедный борок» как продукт экотуризма на территории Дарвинского заповедника // Современные проблемы медицины и естественных наук. Сборник статей Всероссийской научной конференции. 2018. С. 442-446.

**Иллюстрации к статье
Макуров Ю.С., Плаксина А.Л.
Охрана памятников археологии в Заповеднике «Аркаим»**

Фото 1. Мониторинг археологических памятников, курган Степан Разин рядом с поселением Родники, 2016 год

Фото 2. Мониторинг археологических памятников, менгир рядом с поселением Берсуат, 2017 год

Фото 3. Информационный стенд на могильнике Кривое Озеро, 2018 год

Фото 4. Ремонт охранного знака на могильнике Комсомольский II рядом с поселением Левобережное (Синташта II), 2018 год

Фото 5. Работы по музейфикации раскопа на поселении Аркаим, 2013 год

Фото 6. Поселение Сарым-Саклы в 2018 году, аэрофотоснимок с самолета АН-2

Иллюстрации к статье
Кисленко А.М., Демешко М.И. Как строили жилище в каменном веке

**Фото 1. Территории распространения энеолитических культур
Урало-Казахстанских степей**

**Фото 2. Одна из первых реконструкций энеолитического жилища.
Казахстан, 1987 год**

Фото 3. Реконструкция энеолитического жилища в Заповеднике «Аркаим», 1997 год

Фото 4. Музейный комплекс «Жилища каменного века». Аркаим, 2017 год

Фото 5. Фрагмент интерьера в малом жилище реконструкции на Аркаиме

Фото 6. Фрагмент интерьера в малом жилище реконструкции на Аркаиме

Фото 7. Фрагмент интерьера в большом жилище реконструкции на Аркаиме

Фото 8. Фрагмент конструкции жилища, купольное перекрытие

Иллюстрации к статье
Шохин А.Л. Заметки о геологии: Аркаимская долина и ее окрестности

Фото 1. Дендриты марганца из склонов канала за горой Шаманка

Фото 2. Александровская скала в окрестностях Аркаима, сложенная продуктами древнего подводного вулканизма

Фото 3. Яшма Лисьих гор

Фото 4. Долина камней – следы древнего вулканизма

Фото 5. Мраморный карьер Полоцкого месторождения

Фото 6. Карстовая пещера Новинка-1

Фото 7. Водопад на реке Утяганка в окремнелых известняках

Фото 8. Гора Чека, сложенная щелочными гранитоидами

Фото 9. Гора Разборная, матрацевидные отдельности гранита

**Иллюстрации к статье
Плаксына А.Л. Перспективы создания экологической тропы
в Заповеднике «Аркаим»**

Фото 1. Начало экологической тропы. Площадка у подножия Грачиной сопки

Фото 2. Река Большая Караганка. Экотропа «Аркаимская долина»

Фото 3. Вид на Аркаимскую долину с вершины Грачиной сопки

Фото 4. «Пьяный» лес. Станция экологической тропы «Степные пейзажи»

Фото 5. Станция разнотравно-ковыльная степь с видом на Грачиную сопку и гору Шаманка. Экотропа «Степные пейзажи»

Фото 6. Весенняя степь в Аркаимской долине. Цветущий прострел

Фото 7. Синеголовник плосколистный в Аркаимской долине

25 ЛЕТ ЗАПОВЕДНИКУ «АРКАИМ»

Ф.Н. Петров

Заповедник «Аркаим»: четвертьвековой юбилей

В этом году исполняется 25 лет с момента создания Заповедника «Аркаим» как государственного учреждения Челябинской области. В данной статье мы рассмотрим на основании документов те основные этапы, которые прошел заповедник в своем становлении и развитии.

ПРЕДЫСТОРИЯ: 1987-1993

Первые события, которые привели к созданию Заповедника «Аркаим», произошли в 1987 году. В июне этого года полевой отряд археологической экспедиции Челябинского государственного университета под руководством С.Г. Боталова и В.С. Мосина выполнял археологические раскопки по договору с Челябоблводхозом на территории строившегося Караганского гидроузла в Кизильском и Брединском районах Челябинской области. В ходе этих работ рядом со стоянкой каменного века Усть-Утяганская было открыто укрепленное поселение бронзового века Аркаим.

Раскопки поселения, начатые в том же году, продолжались под общим руководством Г.Б. Здановича до 1995 года (рис. 1-2). В результате работ на поселении было вскрыто более восьми тысяч квадратных метров, что составило около 40% его площади. Вплоть до настоящего времени поселение Аркаим является наиболее масштабно исследованным археологическим памятником на территории Челябинской области.

Основной объем археологических исследований поселения Аркаим финансировался Челябоблводхозом, параллельно с раскопками завершалось сооружение Караганского гидроузла, ввод которого в эксплуатацию предусматривал затопление Аркаимской долины (рис. 3). Однако выступления научной общественности за сохранение от затопления Аркаима и других археологических памятников долины привели к остановке строительства. 8 сентября 1989 года Совет министров РСФСР издал поручение «О сохранении городища Аркаим в Челябинской области», на основании которого Челябинский областной совет народных депутатов в декабре 1990 года принял решение об отводе земель для организации экспериментального филиала «Аркаим» Ильменского государственного заповедника и обратился в Совет министров с просьбой разрешить изъять из сельскохозяйственного пользования земли общей площадью 3740 гектаров и передать ее Ильменскому заповеднику.

19 апреля 1991 года Совет министров РСФСР издал распоряжение, в котором было указано «принять предложения ...облисполкомов об изъятии земельных участков и предоставлении их предприятиям», в том числе из хозяйственной деятельности изымались земельные участки Брединского и Кизильского районов Челябинской области для организации экспериментального филиала Ильменского государственного заповедника. Земли под создание научного поселка, музея и исторического парка общей площадью 62 гектара были выделены решением администрации Брединского района Челябинской области от 26 декабря 1991 года, в том числе 42 гектара было оформлено на Челябинский университет, а 20 гектаров – на Общественный фонд «Аркаим». С 1992 года началось строительство объектов первой очереди музейного комплекса и научной базы.

Не менее важное значение для создания Заповедника «Аркаим» имело то, что в 1987 году археологическое дешифрирование аэрофотоснимков начали специалисты Челябинской геологоразведочной экспедиции И.М. Батанина и Н.В. Левит. В результате этих работ в том же 1987 году по аэрофотоснимкам на территории южных районов Челябинской области было открыто шесть укрепленных поселений бронзового века: Куйсак,

Рис. 1. Раскопки поселения Аркаим, аэрофотоснимок. 1988 год

Рис. 2. Поселение Аркаим в процессе раскопок

Сарым-Саклы, Берсуат, Родники, Журумбай и Степное. Их существование на местности было оперативно подтверждено работой полевых отрядов археологических экспедиций Челябинского государственного университета и Челябинского государственного педагогического института.

Еще для двух ранее открытых поселений – Каменный Амбар и Черноречье III – в 1987 году И.М. Батаниной и Н.В. Левит был установлен факт наличия обводных рвов, внешних стен и регулярной застройки, что также вводило их в число укрепленных поселений эпохи бронзы. Еще одно укрепленное поселение – Аландское – было открыто в результате дешифрирования аэрофотоснимков в 1987 году специалистом экспедиции производственного объединения «Уралаэрогеодезия» А.Е. Пучиным.

До 1987 года на территории Южного Зауралья было известно только три укрепленных поселения бронзового века: Кизильское, Синташта и Устье I. Однако открытие еще десяти археологических памятников данного типа привело к пониманию того, что около четырех тысяч лет назад в регионе существовала целая система укрепленных поселений. Эта система получила условное наименование «Страна городов», а входящие в нее археологические памятники стали той основой, на которой в дальнейшем были созданы кластерные территории Заповедника «Аркаим».

В последующие годы исследования привели к открытию в Челябинской области еще семи укрепленных поселений, часть которых также вошла в состав Заповедника «Аркаим».

Результаты археологических исследований были закреплены в правовом пространстве решением Челябинского областного Совета народных депутатов от 21 мая 1992 года, согласно которому открытые на территории Челябинской области укрепленные поселения бронзового века и расположенные рядом с ними курганные могильники получили статус охраняемых государством объектов культурного наследия. Этим же распоряжением Челябинского облисполкома было предусмотрено создание государственного специализированного историко-археологического и природно-ландшафтного центра «Страны городов» и музея-заповедника «Аркаим», однако реализация данного решения началась только в 1994 году.

Таким образом, к 1994 году в южных районах Челябинской области была открыта совершенно новая система ярких археологических памятников эпохи бронзы; сохранено от затопления одно из этих поселений – Аркаим,

Рис. 3. Сохраним Аркаим. 1989 год

а также целый ряд других памятников Аркаимской долины; заложены правовые основы для государственной охраны открытых объектов и начато их комплексное изучение.

ЦЕНТР «АРКАИМ»: 1994-2007

17 января 1994 года глава администрации Челябинской области В.П. Соловьев издал постановление «О создании Центра «Аркаим», которое предусматривало создание Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим» как государственного учреждения, финансируемого за счет ассигнований из бюджета Челябинской области. Директором центра был назначен Г.Б. Зданович. Тем же постановлением утверждено положение о Центре «Аркаим», согласно которому он был организован для осуществления на постоянной основе природоохранных и историко-охранных мероприятий на базе заповедника «Аркаим» и археологических памятников «Страны городов»; сохранения и изучения поселений и некрополей протогородской цивилизации бронзового века и связанных с ними исторических природных ландшафтов; создания музея «Человека и Природы Южного Урала». При этом, по постановлению, Центр «Аркаим» как государственное учреждение подчинялся Комитету по чрезвычайным ситуациям, гражданской обороне, экологии и ликвидации последствий стихийных бедствий и аварий. Ситуация изменилась только в 2001 году, когда в связи с реорганизацией системы главных распорядителей бюджетных средств Центр был переподчинен областному Управлению культуры и искусства, которое в дальнейшем было преобразовано в Министерство культуры Челябинской области.

Центр «Аркаим» с 1994 года развернул масштабные научные исследования на археологических памятниках «Страны городов» и продолжил работы по созданию научной базы и музейного комплекса на Аркаиме. Временный музей был развернут сначала в одном из вагончиков научной базы, а затем – в здании сборно-щитового дома. В 1994-1995 гг. были выполнены основные работы по строительству временного комплекса научной базы «Аркаим», включающего девять сборно-щитовых домов, один срубный дом, металлический ангар, водонапорную башню и целый ряд хозяйственных сооружений (рис. 4). В 1995 году на Аркаиме началось строительство двухэтажного кирпичного здания музея «Природы и Человека».

В последующие годы на Аркаиме продолжалось строительство хозяйственных и подсобных помещений, был сооружен теплый гараж. К музейному комплексу Аркаима была проведена асфальтированная трасса и оптоволоконный кабель. В ноябре 2004 года было сдано в эксплуатацию капитальное здание музея «Природы и Человека», содержащее, помимо музейных залов, помещения для хранения и обработки фондового материала

и рабочие кабинеты сотрудников. В апреле 2005 года в новом здании музея открылась выставка «Аркаим: исследования прошлого в поисках будущего», которая в дальнейшем была усовершенствована, дополнена и стала использоваться в качестве постоянной экспозиции. 16 мая 2005 года открывшийся музей посетил Президент России В.В. Путин (рис. 5).

С момента своего создания Центр «Аркаим» охранял и исследовал заповедную территорию в Аркаимской долине; однако в мае 2005 года данные земельные участки были зарегистрированы на Ильменский государственный заповедник, который создал на их базе лесничество «Степное» и взял их под свою охрану. Дальнейшая деятельность Центра, а затем и Заповедника «Аркаим» по изучению и популяризации объектов культурного наследия на этой заповедной территории ведется на основании договоров, заключаемых с Ильменским заповедником.

В 2007 году начался процесс реорганизации Центра «Аркаим» в историко-культурный заповедник. 25 января 2007 года Законодательное собрание Челябинской области издало постановление, согласно которому девять историко-культурных комплексов «Страны городов», расположенных в пяти муниципальных районах Челябинской области, получили правовой статус достопримечательных мест. 28 июня того же года Законодательное собрание области приняло решение о создании на базе этих достопримечательных мест историко-культурного заповедника областного значения.

Рис. 4. Современный поселок Аркаим с высоты птичьего полета

Рис. 5. Владимир Путин на Аркаиме, в Музее древних производств, 2005 год

Подводя итоги деятельности учреждения на этом, первом этапе его работы, можно отметить следующие основные результаты: были проведены масштабные исследования поселений и могильников «Страны городов», сформированы значительные археологические и этнографические коллекции для аркаимского музея, создана основа инфраструктуры музейного комплекса и поселка, построены ключевые здания (рис. 6). К концу этого периода Аркаим ежегодно посещало свыше 25 тысяч человек.

ЗАПОВЕДНИК «АРКАИМ»: 2008-2018

27 февраля 2008 года государственное учреждение «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим» было преобразовано в государственное учреждение культуры «Историко-культурный заповедник областного значения «Аркаим». 20 марта 2008 года вышло постановление Правительства Челябинской области об утверждении Положения и границ историко-культурного заповедника областного значения «Аркаим». В соответствии с этим постановлением, основной целью заповедника является «сохранение достопримечательных мест степной и лесостепной зон Челябинской области, представляющих собой выдающиеся целостные историко-культурные и природные комплексы

Рис. 6. Центральная часть музейного комплекса Заповедника «Аркаим»

для последующего их изучения и эффективного использования в сферах науки, просвещения, воспитания». На вошедших в состав заповедника территориях была запрещена любая деятельность, не соответствующая цели создания заповедника и наносящая вред объектам культурного наследия и историческому природному ландшафту.

В дальнейшем, 22 сентября 2011 года, правительство Челябинской области приняло решение переименовать государственное учреждение культуры «Историко-культурный заповедник областного значения «Аркаим» в областное государственное бюджетное учреждение культуры «Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Это название заповедник носит до настоящего времени.

Параллельно с реорганизацией Центра «Аркаим» в историко-культурный заповедник, в 2008 году получил официальный статус населенного пункта поселок Аркаим, созданный в результате строительства научной базы и музейного комплекса. Постановление Правительства России от 10 апреля 2008 года присвоило наименование «Аркаим» поселку, образованному в Брединском районе Челябинской области.

С началом 2009 года заповедник возглавила Е.И. Сластухина, выполнявшая в нем функции заместителя директора. В 2009-2010 годах заповеднику были переданы еще три земельных участка, два из которых являются территорией памятников археологии, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

В условиях длительного финансового кризиса и общего сокращения финансирования Заповедник «Аркаим» в развитии инфраструктуры мог рассчитывать только на свои силы. За десять лет работы, в период с 2009 по 2018 год, в заповеднике за счет заработанных средств и грантов были восстановлены поврежденные объекты исторического парка, модернизирован Музей древних производств, построены помещения под мастер-классы, новое здание диспетчерской, приобретены сборно-разборные жилые комплексы для проживания сотрудников и приема посетителей. В составе музейного комплекса заповедника были созданы многие новые музейные объекты – Казахский погребально-поминальный комплекс, Стойбище степного кочевника, Геологическая экспозиция «Память Земли». Проведена модернизация музеефицированного раскопа на поселении Аркаим, которая позволила сохранить культурный слой и визуализировать конструкции памятника (рис. 7).

Основными результатами этого этапа истории заповедника стало решение целого ряда земельных вопросов, развитие заповедника как центра по популяризации культурного наследия, совершенствование его инфраструктуры и успешное решение целого ряда музейных задач, в первую очередь связанных с учетом и комплектованием фондов, а также продолжение научных исследований.

Рис. 7. Музеефицированный раскоп на поселении Аркаим

Сведения об авторах

Демешко Мария Ильинична – студент Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета, email: marademeshko21@gmail.com.

Зданович Геннадий Борисович – доктор исторических наук, заместитель директора Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», профессор Челябинского государственного университета, email: GBZdanovich@yandex.ru.

Зданович Дмитрий Геннадьевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», email: dgz74@yandex.ru.

Кисленко Александр Михайлович – заместитель директора Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», email: mihalych_14@mail.ru.

Куприянова Елена Владиславовна – кандидат исторических наук, директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, email: dzdan@mail.ru.

Макуров Юрий Сергеевич – заведующий отделом заповедного режима Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», email: ymakurov@yandex.ru.

Малютина Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», email: malytina.t.s@yandex.ru.

Плаксына Анна Леонидовна – биолог Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии Челябинского государственного университета, email: vita_avis@mail.ru.

Петров Федор Николаевич – кандидат философских наук, научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», директор по науке Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие», email: steppe_exp@mail.ru.

Семьян Иван Андреевич – заведующий лабораторией экспериментальной археологии научно-образовательного центра Евразийских исследований ЮУрГУ, руководитель центра «Археос», email: iohann_yarl@mail.ru.

Семьян Мария Владимировна – специалист по выставочной и экспозиционной работе Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», email: mariasemyan@mail.ru.

Шохин Аркадий Леонидович – геолог, член Русского географического общества, email: arkaim-geo@mail.ru.

Список сокращений

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА НАН РК – Институт археологии Национальной академии наук Республики Казахстан

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук

ИС УрО РАН – Институт степи Уральского отделения Российской академии наук

ИЭ АН СССР – Институт этнографии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ЧелГУ – Челябинский государственный университет

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

ЮУРГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Научно-популярное издание

Редакционная коллегия: И.А. Валиахметов (ответственный редактор),
М.Р. Макурова, Ф.Н. Петров (научный редактор)

Аркаимский мир: взгляд в прошлое
Сборник статей к 25-летию Заповедника «Аркаим»

ISBN 978-5-9907798-5-3

Отпечатано с готового оригинал-макета, подготовленного
Московским областным общественным фондом историко-краеведческих
исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»

141980, г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри, д. 17-а, стр. 1

Интернет-портал: www.nasledie.dubna.ru

E-mail: fondnasledie@mail.ru

Тел. (496) 212-90-11

Авторы фотографий: Н.Б. Виноградов, В.А. Гашек, Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович,
Е.Ю. Зибинская, А.М. Кисленко, Е.В. Куприянова, А.В. Логвин, Ю.С. Макуров,
А.Л. Плаксина, Н.С. Петров, Ф.Н. Петров, А.В. Рябицев, А.Д. Таиров,
С.С. Хохолков, Е.А. Чибилев, С.В. Шарапова, И.В. Шевнина, О.Ю. Шохина.

Корректура, верстка: И.А. Алексеева

Дизайн обложки: С.В. Малютин

В оформлении обложки использована фотография Ю.С. Макурова

Отпечатано в типографии «Вариант»

Адрес: г. Челябинск, Копейское шоссе, д. 48 к.5

Тел.: +7 (351) 723-09-09

Email: variant74@bk.ru

Подписано в печать 29.04.2019. Заказ № 749

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «PT Sans». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,25. Тираж 300 экз.

